

А.Ю. Ватлин

ТЕРРОР

**РАЙОННОГО МАСШТАБА:
«МАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ»**

НКВД

**В КУНЦЕВСКОМ РАЙОНЕ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

1937–1938 гг.

Москва • РОССПЭН

Ватлин А.Ю.

В 21 **Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937—1938 гг.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 256 с., ил.

Впервые в исторической науке книга предлагает особый взгляд на историю сталинских репрессий — «взгляд снизу», с точки зрения их конкретных исполнителей на местах. Сеть низовых структур НКВД по всей стране оказалась ключевым звеном, позволившим «вытянуть» контрольные цифры арестов и расстрелов, одобренные на самой вершине власти. Маленькие Лубянки в неприметных городках и поселках получили невиданную власть и полномочия, определяли пульс общественной жизни в 1937—1938 гг. Одна из них — отдел НКВД Кунцевского района, ныне ставшего престижным Юго-Западом российской столицы, — и является предметом настоящего исследования.

Именно здесь абсурдность государственного террора достигала своего абсолюта, торжествовали анкетный принцип и произвол слепого случая. Очная ставка исполнителей «массовых операций» и их жертв, предлагаемая читателю на примере одного района, в котором репрессии достигли особого размаха, ставит острые и неожиданные вопросы: насколько информированы были окрестные жители о происходившем в стенах райотдела НКВД; как чувствовали себя деревенские детективы, превратившиеся в вершителей человеческих судеб; в какой степени происходившее было результатом давления сверху и в какой — местного «ударничества»?

Книга написана на основе анализа архивно-следственных дел, переданных в Государственный архив Российской Федерации. На сегодняшний день это единственный сохранившийся источник, способный достоверно рассказать о «терроре районного масштаба» 1937—1938 гг.

© А.Ю. Ватлин, 2004.

© «Российская политическая энциклопедия», 2004.

Почему Кунцево? Вместо введения

Современным москвичам, проживающим в престижном районе российской столицы Кунцево, трудно себе представить, что еще полвека назад на этом месте располагался тихий провинциальный городок с тем же названием. Он отличался от сотен своих собратьев разве что узловой железнодорожной станцией да сосновыми рощицами, разбросанными в необъятных дворах довоенной поры. Согласно 35-му тому Большой советской энциклопедии, вышедшему в свет в 1937 г., статус города Кунцево получило лишь в 1925 г., и на двадцатом году советской власти в нем проживало 40 637 жителей.

Местность, лежавшая на крутом правом берегу Москвы-реки к юго-западу от столицы, издавна была связана с большой историей. Вотчиной, давшей название городу, владели вначале бояре Милославские, затем — Нарышкины. Сохранившийся до сего дня дворец (хотя и сильно перестроенный) видел и Екатерину II, и прусского короля Фридриха Вильгельма III. В XIX в. на живописных склонах речушек и оврагов стали возникать дачные поселки, не раз становившиеся местом действия романов классической русской литературы. Позже тургеневских барышень и их пламенных воздыхателей сменили преуспевающие предприниматели и банкиры. Вместе с ними в Кунцево появились первые автомобили, теннисные корты и благотворительные концерты. Владения Нарышкиных перешли в собственность крупного книгоиздателя Солдатенкова.

В 1871 г. через Кунцево прошла Западная железная дорога, связавшая Москву с Минском и Варшавой. Это дало толчок развитию легкой промышленности, появились суконная и клеенчатая фабрики, образы праздных дачников на пристанционных улицах дополнили мастеровые. Тем не менее к началу XX в. старое Кунцево оставалось неприметным поселком, насчитывавшим 74 двора и 496 жителей. Постепенно менялся облик древних русских деревень, окружавших когда-то земли Нарышкиных. Ориентируясь на спрос москвичей, смекалистые крестьяне стали возить в столицу молочные продукты, освоили производство тепличных овощей.

Революция 1917 г. принесла с собой запустение в райский уголок ближайшего Подмосковья. Господа исчезли, людям попроще было в те годы не до отдыха на природе. Некоторые из шикарных дач, национализированных и разделенных на коммунальные квартиры, стали последним пристанищем для своих бывших владельцев, не успевших или не пожелавших выехать за границу. Неподалеку селился рабочий люд, привлеченный возможностью подзаработать в столице или согнанный с насиженных мест в ходе раскулачивания. На склоне оврага неподалеку от Можайского шоссе в 1930-е гг. возник целый городок из землянок, который жители окрестных деревень метко называли «Шанхаем».

А по шоссе, пересекавшему район с востока на запад и ставшему правительственной трассой, точно так же, как и ныне, проносились лимузины очередных хозяев жизни. В пойме реки Сетуни находилась ближняя дача Сталина, и старшее поколение москвичей до сих пор утверждает, что к ней была проложена секретная линия метро. Простые дачники старались подалее обходить территорию за зеленым дощатым забором, которая тщательно охранялась. Их повседневную жизнь определяли иные, обыденные заботы.

Весьма непримечательным был и двухэтажный деревянный дом под номером 5 по улице Загорского, выкрашенный в стандартный салатный цвет. Ему-то и предстоит стать местом, где развернутся события, описанные в этой книге. Здесь располагался Кунцевский райотдел Управления НКВД СССР по Московской области¹, ставший в 1937—1938 гг. одной из тысяч шестеренок колоссальной машины государственного террора, запущенной на полные обороты.

При упоминании событий тех лет сразу же приходят на ум показательные процессы в Доме союзов, «расстрельные списки» с именами представителей старейшей партийной гвардии, подписанные лично Сталиным и другими членами Политбюро, мрачное здание Лубянки и фигура «железного наркома» Ежова. Все эти образы отражают устоявшееся восприятие событий тех лет сквозь призму столичной жизни, с позиции «верхов». В таком же ключе выдержаны научные работы, посвященные деятельности репрессивных ор-

¹ Областные структуры НКВД копировали структуру Наркомата внутренних дел СССР. Наряду с Главным управлением государственной безопасности (ГУГБ) в них имелись Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ), Управление внутренней охраны (УВО), Инспекция противопожарной охраны, Административно-хозяйственный отдел (АХО) и другие подразделения. Поскольку ГУГБ, наследовавшее после создания в 1934 г. союзного наркомата региональные органы политической полиции (ОГПУ), являлось ключевой структурой НКВД в рассматриваемый период, а его деятельность непосредственно курировал начальник областного управления НКВД, мы в дальнейшем для обозначения органов государственной безопасности Московской области в 1937—1938 гг. будем использовать сокращение «УНКВД МО» (подробнее о структуре органов госбезопасности см.: Лубянка. ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960. Справочник. Составители А.И. Кокурин и Н.В. Петров. М., 1997).

ганов сталинского режима². Это является необходимым, но не достаточным условием реконструкции хода и масштабов репрессий 1937—1938 гг., которые прокатились «от Москвы до самых до окраин». Появившиеся в последние годы исследования деятельности республиканских и областных органов НКВД³ практически не затрагивают его низового и самого массового — районного звена⁴.

Однако именно это звено оказалось ключевым, когда речь зашла о «вытягивании» контрольных цифр массовых репрессий, одобренных в Политбюро ЦК ВКП(б)⁵ и оформленных оперативными приказами наркома внутренних дел. Не имея ни оперативных кадров, ни материальной базы (следственных изолято-

² Conquest R. Inside Stalin's Secret Police. NKVD Politics 1936—1939. Houndmills, London, 1985; Getty J. Arch, Naumov O.W. The Road to Terror. Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932—1939. New Haven and London, 1999. Такой подход в полной мере сохраняют и работы отечественных исследователей (см.: Кудрявцев В., Трусев А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000).

³ См. например: Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936—1946 гг. // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. М. — СПб., 1997.

⁴ Исключением является книга Роберты Маннинг о «большом терроре» в одном из районов Смоленской области, недавно переведенная на русский язык (Маннинг Р. Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998). В соответствии со своей концепцией и архивной базой автор сосредоточивает свое внимание на районной организации ВКП(б) как движущей силе репрессий, признавая одновременно, что «архивы милиции и НКВД, дела судебных органов все еще недоступны для исследователей. Поэтому картина террора конца тридцатых остается неполной. Она больше касается членов партии, а данные о людях вне партии спорадические и разрозненные» (с. 8).

⁵ См.: Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 188—190.

ров, транспорта), руководители райотделов НКВД должны были регулярно поставлять «наверх» агентурные данные, списки потенциальных врагов народа, проводить аресты во вверенном им районе и вести следствие по делам, не вызывавшим интереса у областного или московского начальства. От них требовали одного: «дать цифру», обещая безнаказанность и повышение по службе в случае выполнения планов по арестам и признаниям.

Именно здесь абсурдность сталинских репрессий достигала своего абсолюта, торжествовали анкетный принцип и произвол слепого случая. При этом следует помнить, что большинству советских граждан пришлось почувствовать на себе всеисилие тоталитарного государства именно через террор районного масштаба. О нем практически не было речи ни в докладе Хрущева на XX съезде партии, ни в литературных воспоминаниях тех, кто вернулся живым из сталинских лагерей. Но люди хранили память о произволе преступной власти, настигшем не абстрактных врагов народа в далекой или близкой Москве, а их собственных родных, друзей, близких.

Только в Московской области после выделения в конце сентября 1937 г. из ее состава Тульской и Рязанской областей оставалось 52 административных района. В свою очередь сама столица делилась на два десятка внутригородских районов. Население столичного региона составляло в предвоенные годы около 3,8 млн. человек (без Москвы). Таким образом, по грубым оценкам, каждая из низовых структур НКВД, не считая его подразделений на транспорте, военных объектах и в местах заключения, приходилась на 60—70 тыс. советских граждан. Столь плотный охват населения «чекистским обслуживанием» стал главной причиной, обеспечившей внезапность и размах репрессий.

Книга, посвященная государственному террору «районного масштаба», выросла из работы, проведенной автором в составе общественной группы по увековечению памяти жертв политических репрессий при правительстве Москвы, которая занимается подготовкой мартиролога погребенных в Бутово⁶. В этом подмосковном местечке с августа 1937-го по октябрь 1938 г. расстреляли более 20 тыс. человек. Большая часть дел по «антигосударственным преступлениям», которые привели их жертв на Бутовский полигон, была сфабрикована сельскими и городскими райотделами УНКВД МО. Можно быть уверенным в том, что столичный регион в этом плане являлся правилом, а не исключением. Это подтверждают данные региональных книг памяти жертв политических репрессий советского периода, появившихся в последние годы. Зачастую их составители придерживаются порайонного принципа, хотя, к сожалению, не объясняют причин такого подхода⁷.

В условиях, когда архивные фонды низовых структур Наркомата внутренних дел за предвоенный период не сохранились⁸, следственные дела жертв

⁶ Бутовский полигон. 1937—1938. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 1—6. М., 1997—2002.

⁷ См. например: Книга памяти жертв политических репрессий Ульяновской области. Т. 1, 2. Ульяновск, 1996, 2000. Составитель книги памяти расстрелянных в карельском урочище Сандармох Юрий Дмитриев, обращаясь к читателям, указывает, что «списки намеренно сгруппированы по месту проживания на момент ареста. Отыскивая дорогие для Вас имена, Вы вынужденно будете искать зачастую несуществующие сельсоветы и навсегда утраченные деревни и деревеньки» (Место расстрела Сандармох. Петрозаводск, 1999. С. 3).

⁸ Срок хранения служебной документации районных отделов внутренних дел был определен в 20 лет, кроме того, ее значительная часть уничтожена осенью 1941 г. при подготовке эвакуации Москвы.

террора районного масштаба, которые полагалось «хранить вечно», остаются практически единственным источником для реконструкции его истории. В ходе реабилитации 1950-х гг. они были дополнены выписками из показаний осужденных сотрудников местных органов НКВД. Последним была отведена роль «стрелочников» в клановой борьбе руководителей наркомата, развернувшейся после смены Ежова Берией. На допросах они давали развернутые показания об атмосфере, царившей в органах госбезопасности в тот период, о давлении начальства и методах выполнения спущенных сверху «контрольных цифр».

Впрочем, и к этим признаниям следует относиться осторожно — методы их выбивания практически не изменились по сравнению с 1937—1938 гг. В отличие от верхушки аппарата госбезопасности⁹ мы не знаем ни биографий его сержантов и лейтенантов, ни того, как они жили и что они чувствовали, выполняя и перевыполняя чудовищные приказы о «массовых операциях». Лишь те из них, кто выжил и впоследствии дослужился до высоких постов, стали объектом интереса мемуаристов¹⁰. Материалы одного района не дают достаточного материала для обобщений, но рисуют достаточно яркие образы сотрудников госбезопасности низового звена.

В отличие от остальных регионов Московская область не делилась на оперативные сектора, которые координировали проведение «массовых операций». Каждый райотдел НКВД напрямую докладывал обла-

⁹ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934—1941. Справочник. М., 1999.

¹⁰ См. например, биографию начальника Лужского райотдела НКВД Ленинградской области, а впоследствии заместителя министра внутренних дел Н.К. Богданова, написанную его сыном (Богданов Ю.Н. Строго секретно. 30 лет в ОГПУ—НКВД—МВД. М., 2002).

стному управлению об их ходе. Выбор в качестве объекта исследования Кунцевского района определен прежде всего тем, что здесь беспредел местных сотрудников госбезопасности достиг особого размаха и стал предметом специального разбирательства. Сохранились рапорты и выдержки из показаний оперативных сотрудников райотдела, протоколы допросов его руководителей — Александра Васильевича Кузнецова и Виктора Петровича Каретникова. Оба были арестованы уже летом 1938 г., и их показания планировалось использовать для фальсификации масштабного троцкистского заговора в Московском управлении НКВД. Материалы следствия по их делам, завершившегося смертным приговором, весьма информативны. Они позволяют не только реконструировать механизм террора на районном уровне, но и выявить его зависимость от указаний вышестоящих инстанций, оценить роль «неформальных» связей в кадровой политике наркомата, определить степень свободы его отдельных сотрудников в проведении репрессий.

Кунцевский район с населением около 200 тыс. человек, в состав которого входил один город и 38 сельских советов, можно назвать типичным для Центрального региона России в межвоенный период¹¹. Это позволит использовать полученные данные по репрессиям для исследований более широкой проблематики, хотя их сопоставление с другими, более «спокойными» районами оказалось бы совсем не лишним.

Наконец, выбор Кунцево связан с относительной изученностью архивно-следственных дел, ставших результатом деятельности местного райотдела НКВД в 1937—1938 гг. Использование компьютерной базы

¹¹ См.: СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1938. С. 62.

данных жертв политических репрессий столичного региона¹² позволило выявить около 300 жителей Кунцевского района, расстрелянных в 1937—1938 гг. Их имена дали толчок для поиска остальных жертв райотдела НКВД, т.к. в большинстве своем сфабрикованные его сотрудниками дела о политических преступлениях были групповыми, и лишь «верхушка» мифических шпионских или террористических организаций получала высшую меру наказания.

Фонд архивно-следственных дел по политическим преступлениям был в середине 1990-х гг. передан из Управления ФСБ по Москве и Московской области в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)¹³. Изучение подлинных документов, в которых соседствовали подписи жертв и палачей, где за стандартным обвинительным заключением и незаметной ленточкой справки о расстреле следовали десятки документов, посвященных реабилитации, стало настоящей школой работы с историческими источниками. Без этого трудно почувствовать дух эпохи, каким бы тяжелым он ни был, да и вообще решиться на исследование, посвященное «большому террору», пусть даже в масштабе отдельно взятого района. Большинство архивных папок при просмотре находилось в еще необработанном состоянии и не имело сплошной нумерации листов, поэтому в сносках к тексту автор был вынужден ограничиться только указанием номера самого дела.

¹² Компьютерная база данных «Жертвы политических репрессий, расстрелянные и захороненные в Москве и Московской области в период с 1918 по 1953 год» составлена Музеем и Общественным центром «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова.

¹³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1—2.

Список жертв Кунцевского райотдела НКВД за период с лета 1937-го по весну 1938 г., опубликованный в приложении, включает в себя более 560 имен. И тем не менее его нельзя назвать полным даже применительно к расстрелянным¹⁴. Это связано с рядом обстоятельств. Нередко при допросах арестованные, работавшие на оборонных заводах, называли только их номер без указания местонахождения. Некоторые из них, прежде всего начальство и инженеры, приезжали на работу в Кунцево из Москвы и таким образом не попали в выборку по месту жительства. Кроме того, в практике райотдела имелись факты преследования по политическим преступлениям лиц, не имевших отношения к району, будь то простые бродяги или пассажиры на железнодорожной станции. Однако это единичные случаи, которые не изменяют общей картины жертв «первой категории» в Кунцевском районе.

Значительно сложнее поиск имен тех, кто получил приговор к заключению в лагерь или был освобожден после прекращения «массовых операций». К сожалению, не сохранилась служебная документация, «привязывающая» то или иное следственное дело к соответствующему подразделению НКВД. Для выявления всех жертв террора в этом районе необходимо обращение к справочным картотекам, находящимся в ФСБ и МВД, сплошной просмотр архивно-следственных дел, переданных на государственное хранение. Согласно показаниям начальника райотдела Кузнецова, всего по политическим обвинениям им было арестовано около 1000 человек. Эта цифра не представляется слишком преувеличенной.

¹⁴ Их краткие биографии имеются в выпусках книги памяти «Бутовский полигон» и в базе данных музея Сахарова, размещенной в Интернете по адресу: <http://memory/sakharov-center.ru>.

При проведении «массовых операций» число расстрелянных составляло примерно треть от числа осужденных, как и предписывалось лимитами, спущенными «сверху». Даже если сделать поправку на «ударничество» кунцевских сотрудников госбезопасности, верхняя граница количества репрессированных в тысячу человек вряд ли будет достигнута. В любом случае исследователям предстоит еще большая работа для того, чтобы «всех поименно назвать». Только после этого можно будет говорить о полной картине репрессий 1937—1938 гг. в Кунцевском районе, о понимании их движущих сил и исполнительного механизма.

Но даже приведенный список позволяет сделать важные выводы: прежде всего бросается в глаза пик арестов в марте 1938 г. (около трети всех репрессированных) и их внезапное прекращение в начале апреля. В списке можно выделить около 40 родственных групп — это не только муж и жена, но и братья, племянники, родители и дети. Как правило, их объединяли в одну шпионскую или контрреволюционную сеть и арестовывали вместе, но иногда репрессии проводились по разным категориям. В Кунцевском районе гораздо больше, чем в целом по московскому региону, оказался процент репрессированных женщин¹⁵. Это только первые замечания, но они дополняют выводы, которые будут сделаны ниже.

Книга не появилась бы на свет без поддержки коллег и друзей, деливших со мной своими архивными

¹⁵ Женщины составляют около 8% от общего числа жертв, отправленных на расстрел Кунцевским райотделом НКВД, в то время как по выборке из Бутовского мартиролога эта цифра составляет 3,6% (McLoughlin B. Vernichtung des Fremden: «Der grosse Terror» in der UdSSR 1937/1938. Neue russische Publikationen // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung, 2000/2001. Berlin, 2001. S. 78).

находками, помогавших ценными советами и просто убеждавших в необходимости изучения столь «непрестижной» ныне темы. В наших спорах рождалась если не сама истина, то, по меньшей мере, направление движения к ней. Невозможно упомянуть всех, но хотелось бы выразить мою признательность Н.С. Мусиенко, Л.А. Головковой, Н.С. Грищенко, Л.К. Карловой, А.И. Михайловой, Д.Ч. Нодия, Н.В. Петрову, А.Б. Рогинскому, Ю.Т. Туточкину, Ф. Маклафлину, Р. Мюллеру, В. Хеделеру, М. Юнге. Ряд исторических фотографий Кунцевского района предоставлен для публикации книги краеведом М.П. Простовым.

Часть 1.

Исполнители

Питомник чекистских кадров

Примыкавший к столице Кунцевский район, где располагались дачи Сталина и партийных руководителей рангом поменьше, находился на особом счету в центральном аппарате НКВД, и все происходившее в нем было погружено в атмосферу тотального контроля. Было и еще одно обстоятельство, способствовавшее превращению Кунцевского райотдела в питомник чекистских кадров. Сюда частенько наведывалось «развезаться» областное начальство, и на должность радушного хозяина требовался человек, посвященный в негосударственные тайны. Работавшие на этом посту офицеры рассматривали его как трамплин для дальнейшей карьеры, предпочитая ездить на работу в скромный особнячок на улице Загорского из своих московских квартир.

Накануне и в ходе «большого террора» кунцевский трамплин не давал осечек. До мая 1936 г. райотделом заведовал Яков Дмитриевич Багликов, ставший позже и.о. начальника второго отдела ГУГБ УНКВД МО. Его сменил Иван Григорьевич Сорокин, который уже через полгода перебрался из Кунцево на Лубянку, в аппарат областного управления госбезопасности. Еще один бывший сотрудник Кунцевского райотдела, оперуполномоченный Исай Давыдович Берг летом 1937 г. получил завидный пост начальника административно-хозяйственного отдела (АХО) УНКВД МО.

Что, кроме места службы в Кунцево, объединяло всех этих людей? Тот факт, что каждое повышение по

службе было следствием серьезных упущений на прежнем месте работы. Так, Багликов покинул Кунцево после того, как пытался помешать следственным действиям районной прокуратуры в отношении кунцевского нотариуса, являвшегося его близкой знакомой. Работавшая в райотделе комиссия УНКВД МО не нашла в его действиях очевидного криминала, однако сочли за лучшее перевести Багликова в дальний, Егорьевский райотдел внутренних дел¹. Наверное, более важным аргументом в пользу такого решения стал развал оперативной работы, которую Багликов поручил своему заместителю по вопросам госбезопасности, а заодно и неформальному порученцу Бергу.

Сменивший Багликова Сорокин в свою очередь был переведен в Кунцево из Дзержинского райотдела НКВД Москвы в связи со случившимся там пожаром. Первым делом он уволил Берга, заявив кунцевским сотрудникам, что с его уходом «воздух станет чище». Однако Берг, как и его окружение, оказался непотопляемым и стал начальником райотдела внутренних дел в Верейском районе Подмоскovie. Его дальнейший взлет в аппарат УНКВД МО был связан с сигналами о применении неправомερных методов ведения следствия, которые тоже предпочли не предавать огласке².

Очевидный кадровый застой первой половины 1930-х гг., который историки ревизионистского направления считают одним из мотивов «большой чистки», в полной мере затронул и органы госбезопасности. Нежелание начальства жертвовать пусть даже проштрафившимися, но «своими» сотрудниками порождало у последних не только личную преданность «верхам», но и высокомерное отношение к «низам», чувство безнаказанности по отношению к тому, что

¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. п-7698. Далее используется следующее сокращение: 10035/1/п-7698.

² ГАРФ. 10035/1/п-67528.

творилось в пределах их собственной компетенции. Без учета этого фактора трудно понять готовность сотрудников НКВД к соучастию в репрессиях против своих сограждан, достигших пика к 1937 г.

Выходцев из Кунцевского райотдела НКВД объединяло не только участие в кадровой карусели и наличие компромата в личном деле (как правило, его портило непролетарское социальное происхождение). Решающее значение имела их близость команде Александра Павловича Радзивиловского, занимавшего с марта 1935-го по июль 1937 г. пост заместителя начальника УНКВД Московской области. Складывается впечатление, что кадры с червоточинкой ценились особенно высоко, ибо готовы были беспрекословно выполнять любые указания начальства, осведомленного об их темном прошлом. Арестованный в 1938 г. начальник отдела кадров управления Иван Петрович Фаворов показывал на допросе: «Радзивиловский предложил мне составить ему подробные списки по личным делам на сотрудников УНКВД МО, на коих имеется компрометирующий материал. ...Дней через 15—20 мною были составлены списки на 150—180 человек (точно не помню) и я передал их Радзивиловскому в январе 1937 г. Тогда же Радзивиловский дал мне установку, чтобы в работе отдела кадров проводить линию, направленную на сохранение оперработников, на которых имелись серьезные компрометирующие материалы»³.

Даже с поправкой на корректировку допросов в выгодном для следствия свете этот эпизод показывает, что в кадровую политику руководителей НКВД Московской области фактически переносились методы вербовки секретных сотрудников. Информация о «темных пятнах» в биографии того или иного подчи-

³ Из допроса Фаворова от 20 января 1939 г.

ненного гарантировала его абсолютную преданность, позволяла поручать ему выполнение заданий, выходящих за рамки служебных. Она же выступала благодатной почвой для складывания неформальных групп взаимной поддержки.

Данные из других сфер партийно-государственной жизни 1930-х гг. свидетельствуют о том, что формирование своего рода профессиональных кланов было характерно не только для органов госбезопасности. Высокая динамика социальной жизни превращала карьерный рост в «советскую рулетку»: один неверный шаг мог перечеркнуть все прошлые заслуги. Партийный или государственный чиновник был окружен сонмом проверяющих инстанций, каждая из которых без труда могла найти в его работе и компромат, и криминал. В этих условиях отбор «своих людей» и их круговая порука выступали защитной реакцией номенклатурных кадров на неблагоприятные условия окружающей среды.

Вопреки партийным чисткам и репрессиям группы «своих людей», противостоящих внешнему миру и знающих друг о друге достаточно, для того чтобы внушать взаимный страх и уважение, постоянно разрастались. Их общие интересы не ограничивались делами службы — профессиональные кланы объединяло и совместное проведение досуга, как правило, не вписывавшееся в представления о большевистской морали. Кутежи, пьянки являлись не просто показателем низкого культурного уровня новых кадров, они снимали психологическое напряжение постоянной штурмовщины, которая сопровождала каждый поворот генеральной линии ВКП(б).

Правой рукой Радзивиловского являлся Григорий Матвеевич Якубович, который под его руководством совершил головокружительную карьеру от помощника

начальника отдела до заместителя главы УНКВД МО. Он активно устанавливал «неформальные связи» с Кунцевским райотделом внутренних дел: в одном из его зданий, предназначенном для проживания сотрудников, поселилась родственница Якубовича. Комнату в ее квартире занимал, в свою очередь, сам Багликов. Подобные факты вызывали глухие протесты простых оперативников — этот эпизод фигурировал в ряде заявлений, отправленных ими в УНКВД. «Для сестры Якубовича Багликов отдал отдельную квартиру, тогда как мы, сотрудники НКВД по Кунцевскому отделу, валялись по 7 месяцев у себя в кабинетах на диванах»⁴. Разбирательство закончилось в 1936 г. увольнением автора вышеприведенных строк из органов НКВД.

Высокие гости из Москвы частенько навещали в Кунцево, их жен и знакомых районные чекисты устраивали в местные дома отдыха. Отметим, что на территории района, неподалеку от Одинцово, находилась дача самого Радзивиловского, за «чекистское обслуживание» которой отвечал Берг. «Семейственность, бытовое и моральное разложение», которое позже признавал он сам и другие арестованные сотрудники органов госбезопасности⁵, не ограничивались одним районом или наркоматом. Скорее это было своеобразное отражение процесса складывания новой политической элиты, который не поддавался контролю верховной власти.

В резолюции февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. отмечалось, что на руководящие должности в аппарате НКВД «во многих случаях люди выдвигались не по признакам их преданности партии,

⁴ ГАРФ. 10035/1/п-7698.

⁵ Из показаний Берга от 16 декабря 1938 г. (ГАРФ. 10035/1/п-67528).

способностям и знанию дела, а по признакам угодничества и подхалимства. В результате этого в отдельные звенья органов государственной безопасности проникли чуждые и преступные элементы»⁶. Однако борьба с ними, как показывала ситуация в Кунцевском районе, и до, и после грозных решений партийного руководства сводилась к простой перетасовке кадров.

Еще одним фактором, способствовавшим расцвету устойчивых групп, связанных как служебными, так и неформальными отношениями, была невиданная служебная мобильность руководящих кадров, связанная с постоянными бросаниями в «прорыв» и прочей штурмовщиной. Достаточно посмотреть на послужной список любого из руководителей НКВД в 1930-е гг., чтобы увидеть, что он недолго задерживался на одном месте⁷. Чтобы справиться с очередным заданием партии и правительства, каждый начальник высокого ранга таскал за собой со стройки на стройку, из учреждения в учреждение свиту верных людей, на которых мог положиться. Это позволяло максимально быстро наладить нормальную работу на новом месте и отгородиться от враждебного отношения к «чужаку»⁸.

Так, после перевода в Иваново летом 1937 г. Радзивиловский пытался увести за собой проверенные кадры из Московского Управления НКВД. Согласно показаниям того же Берга, это выглядело следующим

⁶ Цит. по: Вопросы истории. 1995. № 2. С. 22—25.

⁷ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч.

⁸ О десанте сибирских чекистов в Москву после того, как Леонид Михайлович Заковский стал начальником УНКВД МО, см.: Тепляков А.Г. Указ. соч. С. 68—113. О клановости в руководстве органов внутренних дел Украины см.: Белоконь С. Массовый террор как метод государственного управления в СССР (1917—1941). Киев, 1999 (на укр. языке).

образом: «Радзивиловский меня хорошо знал как “своего” человека и работая уже в Ивановской области начальником УНКВД, он, будучи в командировке в Москве при встрече с Реденсом (новый начальник УНКВД МО. — *А.В.*) на стадионе «Динамо» в присутствии меня просил у последнего отпустить меня работать к нему в Иваново, а потом, когда Реденс ему в этом отказал, Радзивиловский порекомендовал устроить меня на должность начальника АХО УНКВД МО»⁹. Берг, за которым тянулся шлейф административных взысканий, разом превратился из «мелкой сошки» — помощника секретаря начальника областного управления наркомата — в человека с солидной должностью. Именно он будет обу-
страивать Бутовский полигон для массовых расстрелов жителей Москвы и Подмосковья, а также обеспечивать его бесперебойное функционирование.

Клановость в «верхах» процветала вопреки официальной установке на то, что у большевиков «перед партией не может быть секретов». С этим, вероятно, была связана патологическая ненависть Сталина к «героям ведомственности», которые за спиной у партии и ее вождя проводят свою собственную линию. Оказалось, что кадры действительно решают все — именно они, а не Сталин. Правда, в его трактовке основой такого поведения выступали разного рода внутривнутрипартийные уклоны, «меньшевистские шатания» и т.п. Такой подход дал идеологическое обоснование первой фазе репрессий (1936—1937 гг.), обращенных прежде всего против представителей партийно-государственного аппарата.

Номенклатурные кланы на производстве и в государственном управлении СССР трансформировались в контрреволюционные группы и шпионские сети, об-

⁹ Из показаний Берга от 29 декабря 1938 г. (ГАРФ. 10035/1/п-67528).

легкая работу оперативным сотрудникам НКВД всех уровней. Вскоре, после смены Ежова Берией, пришел и их черед. Не миновала чаша сия и команду, сложившуюся еще в начале 1930-х гг. в секретно-политическом отделе Московского представительства ОГПУ. Впрочем, с некоторыми соратниками Радзивиловский был знаком гораздо раньше. Уже упоминавшийся Сорокин начал работать с ним еще в 1925 г. в Крыму¹⁰. Тот факт, что Сорокин на некоторое время оказался начальником Кунцевского райотдела НКВД, предопределил складывание там своего рода филиала клана Радзивиловского—Якубовича за пределами столицы. Благодаря трансформации в «контрреволюционный троцкистский заговор», детально зафиксированный в материалах следственных дел 1938—1939 гг., мы сможем проследить некоторые линии недолгой жизни этого неформального объединения.

Продолжим цитировать Фаворова: «В марте 1937 г. в отдел кадров поступил компромат на Кузнецова, что он сын кулака и участвовал в восстании. Я его вызвал, он очень нервничал, заявил, что “мне остается только застрелиться”. Через 15 мин. после его ухода позвонил Радзивиловский и попросил зайти с делом Кузнецова. Посмотрев его, заявил: “Ничего особенного в деле нет, Кузнецов наш человек, его нужно перевести в более крупный район”». После этого Кузнецова перевели из Раменского райотдела в Кунцево, что открывало блестящие перспективы дальнейшей карьеры. Радзивиловский специально предупредил нового начальника, что при приеме дел от Сорокина не следует обращать внимания на недочеты в документации.

Александр Васильевич Кузнецов происходил из зажиточной крестьянской семьи и действительно в

¹⁰ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 352, 390.

1918 г. вместе с односельчанами, недовольными продразверсткой, ходил громить волостной исполком, что позже было квалифицировано как бандитизм. Но уже в следующем году, будучи призванным в Красную армию, он вступил в партию большевиков. В деревню больше не вернулся, пошел служить в ОГПУ. Темная строка в биографии преследовала его, в 1931 г. он вновь находился под следствием из-за «участия в антисоветском восстании». Назначение в Кунцево, казалось, ставило на прошлом жирную точку. Новому члену неформального коллектива («завербованному в контрреволюционную организацию», по версии следствия) еще предстояло доказать свою полезность для руководства НКВД Московской области.

«Великий блатмейстер»

Уезжая на Лубянку, Сорокин рекомендовал Кузнецову в качестве правой руки сержанта госбезопасности Виктора Каретникова, с которым сам уже был знаком несколько лет. Карьера последнего заслуживает пристального внимания, ибо является вопиющим нарушением правил и предписаний сталинской системы, а сам Каретников — прямой противоположностью пропагандируемому властями образу чекиста как человека с «холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». Мелкобуржуазное происхождение сводило к минимуму его шансы на быстрый служебный рост в органах госбезопасности. И тем не менее Каретников начал трудиться именно там. Шустрый молодой человек, ставший сотрудником для поручений в секретно-политическом отделе представительства ОГПУ по Московской области, быстро стал незаменимым и оброс необходимыми связями. Коллеги называли его «великим блатмейстером». Сам Каретников позже говорил на допросе, что «моя работа бы-

ла сведена исключительно на устройство личных и семейных дел Радзивиловского, Якубовича и Соломатина (секретарь отдела. — А.В.). Мои взаимоотношения с Радзивиловским, Якубовичем и Соломатиним были настолько близки, что дома у всех них я считался за своего близкого человека, а мать моя для всех семей их шила белье»¹¹.

В марте 1933 г. карьера незаменного порученца надломилась: он был уволен из органов госбезопасности за «дебош в пьяном виде со стрельбой», учиненный в центре Москвы. При этом Каретников избил милиционера, пытавшегося его утихомирить, но до суда дело не дошло — спасла неприкасаемость вывески ОГПУ и личное заступничество Радзивиловского. Выведенный за штат, Каретников стал платным резидентом Дзержинского райотдела НКВД, начальником которого являлся Сорокин. Перейдя в Кунцево, тот не просто взял с собой Каретникова, но и сделал его оперуполномоченным. Каретников сохранил неформальные отношения со своими бывшими покровителями, продолжал бывать у них в гостях, оказывать разного рода полезные услуги.

Кузнецов сразу понял, что в лице Каретникова он имеет дело с лицом, стоявшим в неформальной иерархии гораздо выше него самого, и смирился с тем, что тот незамедлительно начал играть роль серого кардинала. Такое положение дел пришлось признать и остальным сотрудникам райотдела¹². Свеже-испечен-

¹¹ Из допроса Каретникова от 5 февраля 1939 г. Копии допросов Каретникова и Кузнецова включались в архивно-следственные дела их жертв при пересмотре и реабилитации последних.

¹² «Кузнецов был у него на поводу и Каретников как хотел, так и вертел Кузнецовым» — сообщал в своем рапорте оперуполномоченный Кунцевского райотдела А.А. Цыганов (ГАРФ. 10035/1/п-23556).

ный сержант госбезопасности, уверенный в силе своих заступников, метил гораздо выше. Берг, встретив однажды Каретникова в здании на Лубянке, спросил у него, почему тот не стал начальником Кунцевского райотдела, после того как оттуда ушел Сорокин. «На это Каретников мне ответил: для того, чтобы работать начальником РО, нужно быть членом ВКП(б), а я еще кандидат в члены ВКП(б). Вот в ближайшее время мне Якубович поможет вступить в партию, а летом назначит меня начальником Кунцевского РО»¹³. И последний факт из биографии «великого комбинатора»: к началу массовых репрессий, в ходе которых развернется его криминальный талант, Каретникову было только двадцать пять лет.

Штурмовщина без энтузиазма — районное звено НКВД на начальном этапе «массовых операций»

С начала 1930-х гг. обеспечением государственной безопасности в Кунцевском районе занимался райотдел Постпредства ОГПУ по Московской области. Оперативная работа в нем велась по двум направлениям: пресечение «кулацких вылазок» в деревнях и «чекистское обслуживание» оборонных предприятий. После реорганизации органов внутренних дел в 1934 г. районный отдел (или отделение) НКВД стал основной и самой массовой ячейкой системы общественной безопасности и контроля за населением, сложившейся в СССР к середине 1930-х гг. В его структуру входили милиция со своими подразделениями, пожарная охрана, бюро записи актов гражданского состояния.

¹³ Из допроса Берга от 20 января 1939 г. (ГАРФ. 10035/1/п-67528).

Функции ОГПУ приняло на себя Главное управление государственной безопасности, имевшее структурные подразделения в республиках, краях и областях. В штате райотделов НКВД имелись должности оперативных работников (оперуполномоченных госбезопасности), которые изучали настроения населения, проводили агентурную работу, вели следствие по политическим делам¹⁴. Вскоре это направление работы подмяло под себя все остальное, в период репрессий в служебной переписке иногда встречается даже такая формула: «районный отдел Управления государственной безопасности НКВД».

До лета 1937 г., т.е. до начала «массовых операций», в практике органов госбезопасности индивидуально-политические критерии отбора «антисоветских элементов» преобладали над массово-социальными. Агентурные разработки велись на отдельных участниках внутрипартийных оппозиций, дореволюционных политических деятелей и партийных активистов, проявлявших общественную активность и сохранявших старые связи. Еще одной категорией жертв первой фазы террора являлись номенклатурные работники, прежде всего в сфере экономики, на которых как на скрытых вредителей возлагалась ответственность за срыв плановых заданий. При том, что само обвинение, если использовать жаргон работников НКВД, «натягивалось», в ходе следствия соблюдались уголовно-процессуальные нормы, такие, как ознакомление с делом обвиняемого перед передачей в суд или во внесудебную инстанцию.

Однако новые веяния из центра чувствовались и на местах. На районном уровне оперативными работниками предпринимались попытки сфабриковать масштабные заговоры шпионов и вредителей по обра-

¹⁴ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 34—38.

зу и подобию тех, которые были «разоблачены» в ходе первых показательных процессов в августе 1936 и январе 1937 гг. По представлению Каретникова 21 февраля были арестованы члены «контрреволюционно-террористической группы в системе Кунцевского Горсовета». В нее вошли пять конюхов и возчиков городского коммунального хозяйства во главе со своим непосредственным начальством. Хотя следствию не удалось обнаружить ничего, кроме стандартных антисоветских высказываний, Каретников рассчитал точно: кулацкое прошлое «водителей кобыл» и пять судимостей их начальника позволили спецколлегии Мособлсуда завершить процесс обвинительным приговором¹⁵. Впрочем, в момент его вынесения уже начались «массовые операции», в рамках которых приговоренным работникам коммунального хозяйства была бы уготована гораздо более жестокая участь.

Дело «возчиков», начатое в Кунцево еще при Сорокине и давшее работникам райотдела необходимый опыт «классового подхода» к отбору жертв, до лета 1937 г. оставалось скорее исключением, нежели правилом. Излишнее служебное рвение Каретникова не находило поддержки «наверху», в управлении НКВД. Так, дело о вредительстве на Московской областной станции полеводства (МОСП) завершилось осуждением ее руководителей, в то время как «профессора и научные сотрудники из социально чуждой среды» (выражение Кузнецова) остались на свободе. Так и не были подписаны справки на арест инженеров-строителей находившегося в Кунцево военного завода № 46 после того, как рухнула крыша возводимого ими здания, а также директора текстильной фабрики Забельского. Уже находясь под следствием, Каретников

¹⁵ ГАРФ. 10035/2/23043. Руководитель группы М.Ю. Рывкин был позже расстрелян по приговору «тройки».

и Кузнецов подавали эти факты как примеры наличия в УНКВД МО заговорщицкой организации, стремившейся «сохранять контрреволюционные кадры».

Ситуация радикально изменилась после появления приказа № 00447, который был подписан наркомом внутренних дел Ежовым 30 июля 1937 г. и дал старт эпохе «массовых операций». Требование «изъятия антисоветских элементов» в масштабах всей страны ставило во главу угла выполнение количественных показателей (лимитов на лишение свободы и расстрел), которые доводились до каждого из республиканских и областных управлений наркомата внутренних дел. Их начальникам на специальных совещаниях в Москве Ежов гарантировал полную безнаказанность¹⁶. Можно не сомневаться в том, что контрольные цифры репрессий, подобно плановым заданиям в хозяйственной сфере, дробились и спускались еще ниже, на уровень низовых структур наркомата. Приказ о начале «массовых операций» зачитывался на специальных совещаниях начальникам районных отделов НКВД, а те знакомили с его содержанием оперативный состав.

Какова же была реакция последнего? Нетрудно предположить, что максимальное упрощение уголовно-процессуальных процедур было встречено сотрудниками госбезопасности с одобрением, т.к. позволяло завершить дела со слабой доказательной базой. Их накопилось немало. Как показывал в 1957 г. секретарь Лужского райотдела НКВД В.П. Гринько, «основными материалами, послужившими для начала этих массовых и незаконных репрессий, явились архивные материалы, хранившиеся в архиве отделения и оставшиеся от бывшего райотделения ОГПУ и НКВД. Эти разные

¹⁶ См.: Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001. С. 242.

официальные или неофициальные материалы, дела были сданы в архив как незаконченные, не получившие своего подтверждения либо малозначительные, в которых отражалась переписка с заграницей, с родственниками, принадлежность к социально чуждым группировкам или просто случайным группам, национальной принадлежности, разным случайным антисоветским действиям, не получившим дальнейшего развития...»¹⁷.

Фактически оперативные сотрудники получали свободу рук в определении своих будущих жертв. Жители Кунцево, арестованные за «подозрительные контакты с иностранцами» еще до появления приказа № 00447, попадали под его действие, хотя в самом тексте приказа не было речи о подобных деяниях, считавшихся преступными в 1930-е годы¹⁸. Для сельского района важную роль играла антикулацкая направленность предстоявшей операции. Возвращение раскулаченных крестьян на родину воспринималось населением как их реабилитация и вело к новому росту социальной напряженности в деревне. Приказ наркома внутренних дел звал сотрудников госбезопасности в «последний и решительный бой» с кулачеством. В то же время они отдавали себе отчет в том, что «вытягивать» плановые цифры репрессий в городе и де-

¹⁷ Цит. по: Богданов Ю.Н. Указ. соч. С. 121.

¹⁸ См. дела немецких специалистов, работавших на игольном заводе, и их кунцевских знакомых, арестованных еще в апреле 1937 г. (ГАРФ. 10035/1/п-40549; 10035/2/27605, 27609, 28272, 28645). В ряде случаев в обвинительном заключении по этим делам содержатся ссылки на приказ НКВД № 00439, подразумевавший арест всех немцев, работавших на оборонных заводах. Он тоже трактовался достаточно широко: так, немка О.Г. Розенберг попала под его действие только потому, что ее муж работал на оборонном заводе и был репрессирован ранее (ГАРФ. 10035/1/п-57225).

ревне придется низовым структурам НКВД, и готовились к новым испытаниям.

Сразу же после появления приказа № 00447 жизнь в здании райотдела на улице Загорского закипела: срочно переоборудовались комнаты для ведения следственной работы, в подвале устраивались дополнительные камеры для арестованных¹⁹. Пожарникам и паспортисткам пришлось потесниться для размещения новых оперативных работников. Так выполнялось решение февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. о расширении аппарата госбезопасности в центре и на местах и пополнении его новыми партийными кадрами. По партийной мобилизации в органы внутренних дел направлялись выпускники и студенты московских вузов, имевшие хоть какое-то отношение к понятию «право»²⁰. После двух-трех месяцев стажировки они приступали к оперативной работе — вербовке агентов, арестам, допросам. Помощник оперуполномоченного сержант А.В. Соловьев, пришедший в Кунцевский райотдел в июле 1937 г., позже описывал в своем рапорте, как его учили вести следствие:

«Спустя два дня после начала моей работы я пошел к бывшему начальнику Кузнецову показать результат своей работы. В кабинете у Кузнецова был и Каретников. Кузнецов, прочитав протоколы вслух, форменным образом осмеял меня, заявляя: “Разве это протокол? Вот, смотри, вот какие показания надо брать с обвиняемых”. С этими словами Каретников

¹⁹ В делах некоторых кунцевских подследственных есть отметки о том, что они содержались в камере предварительного заключения райотделения милиции: например, А.А. Попов с 1 по 8 декабря 1937 г. (ГАРФ. 10035/1/п-25316).

²⁰ Так, Цыганов был мобилизован в органы госбезопасности из Московского института государства и права, в декабре 1937 г. начал работу в Кунцевском райотделе, а уже в феврале самостоятельно вел следствие.

дал мне протокол допроса, уже подписанный обвиняемым. Я с большим интересом прочитал этот протокол и, надо сказать, пришел в ужас от того, насколько я еще плохой следователь. Тогда я решил посмотреть, как же ведет следствие Каретников и вечером, зайдя в кабинет, увидел следующую картину: сидит обвиняемый и читает протокол допроса. Прочитав протокол, обвиняемый категорически отказался его подписать, заявляя, что в протоколе нет и доли правды. Тогда Каретников закричал на обвиняемого и кончил тем, что начал применять физическое воздействие, т.е. избивать обвиняемого, заставляя последнего подписать протокол. Дальше я сидеть в кабинете Каретникова не стал, так как для меня стало все ясно, т.е. я научился вести следствие и тут же, подойдя к Кузнецову, заявил, что так работать не буду. Кузнецов начал убеждать, что «в борьбе с врагами все средства хороши и что необходимо очищать Советский Союз от иностранной контрразведки»²¹. Уроки «старших товарищей» возымели свое действие: из примерно десяти штатных оперативных работников, работавших в райотделе с июля 1937-го по март 1938 г., не было ни одного, рукоприкладство и издевательства которого не упоминались бы в заявлениях выживших жертв террора.

Бесспорным лидером при проведении антикулацкой операции в Кунцевском райотделе НКВД был его ветеран С.И. Рукоданов. Он являлся кадровым сотрудником органов госбезопасности и в апреле 1937 г.

²¹ Копии рапорта Соловьева, как и других сотрудников Кунцевского райотдела НКВД, датированные концом декабря 1938 г., находятся в большинстве просмотренных архивно-следственных дел, т.к. они использовались в процессе реабилитации жертв политических репрессий в середине 1950-х гг.

уже получил первое взыскание за фальсификацию материалов следствия. Осенью того же года его опыт в этой сфере был востребован. Было бы упрощением утверждать, что новые обвинения, как правило, в контрреволюционной агитации создавались Рукодановым и его помощниками на пустом месте. Оперативный архив райотдела регулярно пополнялся документами, свидетельствовавшими о брожении в крестьянской среде. Среди них преобладали жалобы на злоупотребления руководителей местных органов власти (сельсоветов), на втором месте находились заявления о притеснениях со стороны вернувшихся из ссылки кулаков. Если горожане писали, как правило, в газеты и партийные инстанции (откуда их письма переправлялись в НКВД), то среди крестьянских жалоб заметно преобладание примитивных «сигналов органам», многие из которых были анонимными.

Материалы следственных дел не дают ответа на вопрос, по каким критериям велась систематизация поступавших писем. Выглядевшие достаточно солидно (и спущенные из других инстанций) просматривались начальником райотдела и «расписывались» для дополнительной проверки тому или иному оперативному сотруднику. «Мелочь», в содержании которой из-за безграмотности авторов трудно было разобраться, сразу же оседала в архиве. Поскольку обвинения были обширными и затрагивали сразу несколько лиц, можно предположить, что письма сортировались не по именам, а по «месту преступных действий», тождественному конкретному предприятию, колхозу или даже отдельной деревне. Дела о контрреволюционной агитации лета—осени 1937 г. начинаются со стандартного раздела: «Материалы учетных данных».

Лишь изредка в этом разделе присутствовали результаты агентурных разработок, т.е. слежки внештат-

ных сотрудников НКВД («сексотов») за тем или иным человеком. Они выглядели как выписки из «дела-формуляра», где отмечались даты встреч с агентами, их клички и полученные компрометирующие материалы. Появление приказа № 00447 позволило приступить к тотальной реализации агентурных данных и в то же время ставило точку на этом виде оперативной работы. Для новых разработок, вербовки внештатных сотрудников и регулярных встреч с ними не хватало ни времени, ни кадров.

Предшествовавшая оперативная работа, хотя и носила характер гражданской войны с эксплуататорскими классами, не являлась сплошной фальсификацией. Достаточно привести один пример. С 1933 г. Кунцевским райотделом НКВД проводилась агентурная операция с характерным названием «Пролезшие». Объектом наблюдения выступали председатели колхозов с кулацким прошлым. Тот факт, что именно эти колхозы оказывались в числе самых передовых, не стал для их руководителей гарантией от репрессий. Летом 1937 г. из Москвы поступило распоряжение о скорейшем завершении операции. О том, какое значение ей придавалось, свидетельствовало предложение Якубовича о снятии с этапа уже осужденного К.М. Кульманова для дачи дополнительных показаний²². Следствие, которое вели общими усилиями Каретников и Рукоданов, закончилось смертным приговором для всех 11 обвиняемых²³.

²² Кульманов был 28 июля 1937 г. осужден к 7 годам ИТЛ и уже после этого был вновь перечислен за Кунцевским райотделом НКВД. Использование в качестве свидетеля для дальнейшего «разворота дела» уже приговоренного, в том числе к расстрелу, являлось достаточно популярным приемом оперативной работы в период массовых репрессий.

²³ ГАРФ. 10035/1/П-46577.

Дело о «пролезших» и их приспешниках, имевшее солидную предысторию, являлось скорее исключением на фоне конвейера антикулацкой операции. Складывается впечатление, что запас агентурных разработок на местах, особенно в сельской местности, был исчерпан еще на номенклатурном этапе репрессий, т.е. в 1936 — первой половине 1937 гг., и позже они не играли сколько-нибудь весомой роли. Материалы, предварявшие в делах этого периода ордер на арест, ограничивались только свидетельскими показаниями. Иногда их дополняли справки о предыдущих судимостях (куда относилась и административная высылка кулаков в 1930—1931 гг.) и негативные характеристики из сельсовета или с места работы. Можно предположить, что все эти документы собирались уже после ареста того или иного человека и датировались задним числом.

Реализация приказа № 00447 в Кунцевском районе затрагивала в основном сельское население, что вписывалось в рамки привычной для местных сотрудников НКВД борьбы с «вылазками кулачества». Правда, резко выросло количество арестованных, и пропорционально этому стали тоньше отдельные следственные дела, которые сохраняли старую структуру. С августа 1937 г. они отправлялись уже не в Особое совещание НКВД, а на областную «тройку», куда входили начальник УНКВД МО, областной прокурор и секретарь московского комитета ВКП(б). «Тройка» была облечена правом выносить смертные приговоры в соответствии с лимитами, спущенными «сверху» тому или иному региону страны. Основную часть материалов для своей работы она получала от низовых органов госбезопасности.

Аресты в Кунцевском районе проводились по отдельным населенным пунктам, что позволяло обхо-

даться наличными силами. 15—19 июня были арестованы первые шесть жителей деревни Матвеевское, 19 августа — 10 крестьян деревни Мневники, 5 сентября — 9 жителей Немчиновки и окрестных сел, 24 сентября — 7 человек из деревни Орлово²⁴. В ночь с 6 на 7 октября производились аресты в поселке Бакровка и расположенных неподалеку деревнях Вырубово и Измалково. Все арестованные односельчане объединялись в одну «террористическо-диверсантскую группу»²⁵. По такому же принципу проводились аресты и в отдаленных деревнях — Теплом Стане, Тропарево, до которых очередь дошла лишь в январе 1938 г.²⁶

Масштабы репрессий в селах Кунцевского района противоречат мнению американской исследовательницы Ш.Фицпатрик, что «Большой Террор 1937—1938 гг. в деревне являлся меньшим событием, чем в городе»²⁷. Другое дело, что информация об арестах циркулировала в той или иной деревне или колхозе — в отличие от городской сельские каналы слухов и неформальной информации тянулись только к родне и соседям, и сигнал в них достаточно быстро затухал. Именно рядовые колхозники²⁸, а не местное начальство, репрессировались в рамках приказа № 00447 — очередь последнего придет в марте 1938 г.

²⁴ ГАРФ. 10035/1/п-26331 (Матвеевское), п-61546 (Немчиновка), п-47579 (Мневники), п-31299 (Орлово). См. также аналогичные групповые «деревенские» дела: п-52089 (Терехово), п-31357 (Дудкино), п-74993 (Троице-Голенищево).

²⁵ ГАРФ. 10035/1/п-26915.

²⁶ ГАРФ. 10035/2/23854—23857.

²⁷ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 222.

²⁸ «Рядовым колхозникам, которых коснулся Большой Террор, как правило, грозило скорее исключение из колхоза, чем арест». Там же. С. 225.

Помимо данных оперативного учета состав «кулацкого подполья» во многом зависел от информации представителей органов власти на местах, которые с началом «массовых операций» НКВД получили шанс свести личные счеты с деревенскими недоброжелателями. Это не обещало им спокойной жизни: в деревнях скрыть что-либо было невозможно, и они подвергались обструкции односельчан. Председатель Баковского сельсовета Оганес Узунов требовал защиты у Кузнецова от разъяренных жен арестованных, заодно прося его «дать Вашим сотрудникам распоряжение не разглашать мою фамилию». Пропаганда его активной «помощи следствию» вела к тому, что в Баковку стали приезжать руководители других сельсоветов и просить Узунова выдать им образцы негативных характеристик²⁹. Советские работники с период массовых репрессий оказывались меж двух огней: тому, кто отказывался сотрудничать с командированным в деревню сотрудником НКВД, указывали на компромат, имевшийся на него самого. В ряде случаев глава советской власти в той или иной деревне изначально планировался на роль организатора контрреволюционного заговора.

По такому сценарию разворачивалась операция по «изъятию антисоветского элемента поселка Немчиновка», начавшаяся в конце октября³⁰. Наличие неподалеку от той или иной деревни дач первых лиц государства не только направляло характер обвинения их жителей (террор вместо контрреволюционной агитации), но и тяжесть приговора. Так, к расстрелу были приговорены все восемь крестьян деревни Матвеевское (неподалеку располагалась дача М.И. Калинина), десять жителей Немчиновки (рядом находилась дача

²⁹ ГАРФ. 10035/1/п-34643.

³⁰ См. раздел второй части «Террористы из Немчиновки».

С.М. Буденного). В Барвихе находился загородный дом наркома земледелия СССР М.А. Чернова, и с этим обстоятельством родственники репрессированных связывали арест своих близких³¹.

Коллективный характер деревенских дел лета—осени 1937 г. не являлся проявлением инициативы на местах, а скорее реакцией простых оперативников на непосильные задачи, ставившиеся областным начальством. Оно же определяло тот минимум следственных действий, который необходимо было документировать. Мы не знаем точно, какие установки давались руководителям райотделов в Московском управлении, но в соседней Ярославской области требования к оформлению дел выглядели следующим образом: «Достаточно было лишь справки о “социальной физиономии” арестованного и двух свидетельских показаний, “изобличающих” его. Одновременно дали и другую установку: принимать на “тройку” только групповые дела. В результате этого районные аппараты стали соответственно объединять подготовленные ими дела»³². Такие же указания получали оперативные работники Ленинградской области³³.

У нас нет также точных данных о том, принимали ли следователи районного звена прямое участие в определении меры наказания лиц, дела которых отправлялись на «тройку». Это было прерогативой послед-

³¹ Чернов построил свой дом на живописно расположенном участке раскулаченного жителя Барвихи И.В. Тихонова. Последний был расстрелян уже 14 сентября 1937 г.

³² Верой и правдой. С. 247.

³³ «Неоднократно делались предупреждения, что Тройка дела на одиночек принимать не будет, так как это результат плохого следствия. Один человек не может проводить анти-советскую деятельность, он обязан иметь вокруг себя группу единомышленников» (цит. по: Богданов Ю.Н. Указ. соч. С. 125).

ней, но поскольку вопрос решался на основе представленных из районов обвинительных заключений и составлявшихся параллельно с ними кратких справок, оперативные работники райотделов НКВД влияли на тяжесть приговора. Нельзя исключать и того, что ими особо отмечались лица, которых следовало приговорить к высшей мере наказания. Вероятно, здесь действовал тот же принцип, что и в рамках развернувшихся позже «национальных операций»: «На местах после того, как оперативный сотрудник составлял справку (для представления во внесудебный орган. — А.В.), он же, вместе с начальником отделения или отдела, и предлагал меру осуждения»³⁴.

Московское управление НКВД на еженедельных летучках неоднократно отмечало успехи Кунцевского райотдела в разоблачении «врагов народа», невзирая на их посты и лица. Сорокин лично приезжал к своим вчерашним подчиненным, призывая выполнять и перевыполнять чекистские планы. В свою очередь районное начальство доводило идеологию государственного террора до каждого из оперативных работников. Обстановка в других районах области мало чем отличалась от кунцевской. Согласно показаниям одного из оперативных работников г. Мытищи, в 1937 г. начальник местного райотдела НКВД Харлакевич говорил, что «нам спущен “лимит” на аресты и что каждый из нас должен закончить не меньше одного дела в сутки, а кто не хочет так вести дела, пусть пишет рапорт и он направит его в Московское управление. К этому Харлакевич добавил, что начальник Пушкин-

³⁴ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937—1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. М. 28. Очевидно, здесь имеются в виду все же сотрудники областных управлений, а не райотделов НКВД.

ского райотдела, который отказался проводить массовые аресты, был сам арестован»³⁵.

Кузнецов осуществлял общее руководство «массовыми операциями» в Кунцево, которое сводилось к подписанию справок на арест и требованию к своим подчиненным давать за ночь по 6—7 признательных протоколов³⁶. Следственная работа полностью перешла в ведение Каретникова, который стал фактическим заместителем начальника райотдела. Он быстро освоил технологию фальсификаций и, после того как центр тяжести репрессий переместился из деревни в город, сумел оттеснить Рукоданова на второй план. Авторитет Каретникова среди сотрудников райотдела держался на слухах, что он «зять или свояк Якубовичу»³⁷. Для выполнения плана политических репрессий в районе были мобилизованы все имевшиеся резервы. На аресты выезжали не только штатные сотрудники, но и офицеры фельдсвязи, инструкторы пожарной охраны. В целях экономии времени и сил намеченные жертвы вызывались в районное отделение милиции, находившееся в том же здании, и уже в кабинете следователя им предъявлялся ордер на арест.

И в дачном городке Кунцево были свои адреса террора, вполне сопоставимые с печально известным «Домом на набережной» напротив Кремля. Если так называемый частный сектор прочесывался достаточно равномерно и здесь степень репрессий зависела от

³⁵ Показания оперуполномоченного райотдела Н.Д. Петрова (ГАРФ. 10035/1/п-59771).

³⁶ Из рапорта оперуполномоченного райотдела Г.Н. Дикого от 26 декабря 1938 г. Рапорт Цыганова называет близкую цифру: «Кузнецов и Каретников говорили: “Вы сегодня в ночь должны дать 5 протоколов допросов”, что физически сделать было невозможно».

³⁷ Из показаний заведующего гаражом Кунцевского райотдела НКВД Михаила Щаденко (ГАРФ. 10035/1/п-20247).

усердия того или иного участкового, то кунцевские заводские поселки в ходе «массовых операций» стали объектом главного удара районных органов госбезопасности. Из бараков фабрики им. КИМа на Бутовский полигон попало пятнадцать человек, из поселка завода № 95 — четырнадцать.

В последнем по числу репрессированных лидировал скромный бревенчатый дом под № 8, где жило заводское начальство. 31 октября 1937 из квартиры № 9 этого дома увели заместителя главного механика украинца М.М. Авдеенко, 23 ноября из квартиры № 11 — инженера латыша И.А. Дейча, 23 декабря из квартиры № 3 — начальника ОТК латыша Э.П. Вераксо, 18 января 1938 г. из квартиры № 5 — механика цеха поляка Р.С. Клята. Наконец, 2 февраля в квартире № 12 был арестован главный металлург завода поляк В.И. Дворецкий. Все они были расстреляны.

До первого допроса арестованных держали в камере предварительного заключения милиции на территории райотдела, где условия были совершенно невыносимыми. Осенью 1937 г. арестованных отправляли из Кунцево в Москву только накануне заседания «тройки», а оттуда — в лагерь или на расстрел в Бутово. В случае, если следствие затягивалось, заключенных переводили в московские тюрьмы — Бутырскую, Таганскую и Новинскую. Из-за перегруженности оперативные работники не имели возможности регулярно приезжать туда для проведения дальнейших следственных действий. Случалось, что между первым и вторым допросом, зафиксированными в деле, проходило более полугода. Никаких документов о продлении следствия не составлялось. «Забытые» арестанты испытывали все ужасы тюремного содержания, что должно было стимулировать их готовность подписать вымышленные признания.

Технология следствия в период массовых репрессий

Достаточно быстро в здании на улице Загорского установился ритм жизни, известный нам по воспоминаниям выживших жертв террора. В условиях, когда признание в содеянном преступлении было объявлено главным из доказательств, его фабрикация легла в основу рабочего процесса. «Обычно днем составляли вымышленные протоколы допросов обвиняемых, а ночью их давали под физическим воздействием подписывать обвиняемым»³⁸.

Протокол составлялся по доносу, агентурным данным и реже после первого «неформального допроса». Этим занимались самые опытные оперуполномоченные. «Протоколы допросов печатались под диктовку Каретникова, а после он давал приказание работникам ЗАГСа переписывать с печатанного в бланк протокола допроса»³⁹. Кузнецов советовал молодым сотрудникам предварительно ознакомиться с местом работы арестованного и его специальностью, т.е. «сделать так, чтобы сапожника не обвинить в диверсии в области токарного дела». Затем оперативные работники и их помощники заставляли невинных людей подписывать протоколы, используя для этого методы, не вмещавшиеся в рамки даже «революционной законности».

К их числу относились прежде всего угрозы и запугивание, сопровождавшие бесконечные ночные допросы. «Я из-за боязни насилия подписал, т.к. на сто-

³⁸ Из протокола допроса Соловьева от 17 декабря 1955 г. (ГАРФ. 10035/1/п-23556).

³⁹ Из докладной записки инструктора ЗАГС Петушкова от 28 декабря 1938 г. Вместе с Петушковым в переписывании протоколов участвовали делопроизводительница и архивариус Кунцевского ЗАГСа.

ле у следователя лежал наган и резиновая плетка»⁴⁰, — утверждал позже эстонец Этгард Шидловский, который к тому же не мог читать по-русски. Достаточно часто применялся метод коллективного давления: «Меня одновременно допрашивали по 4—5 человек, которые заставили меня подписать заранее сфабрикованные ими показания»⁴¹. Если угроз оказывалось недостаточно, в ход шли избиения, которыми не брезговал ни один из следователей. «Когда я отказался подписать протокол допроса... следователь Соловьев ударил меня и вызвал милиционера сопроводить в камеру, сказав, что дает час-два на размышление, после чего он со мной будет говорить иначе»⁴².

Особой формой прессинга была апелляция к большевистской совести обвиняемого, сочетавшаяся с побуждением к заключению сделки со следствием. «Следователь сказал, что и сам знает, что все написанное в протоколе — сплошной вымысел, но я должен учитывать, что международная обстановка очень тяжелая и я должен для блага Родины принять на себя все перечисленные обвинения и подписать протокол допроса»⁴³. «Благо Родины» каждый раз варьировалось: иногда это было очищение пригородов столицы от нежелательных иностранцев, иногда — сбор компромата для закрытия того или иного посольства. Не понимая смысла подобной фантазмагии, обвиняемые выражали готовность покинуть насиженные места добровольно, однако им объясняли, что «выселение в организованном порядке» даст им определенные преимущества и продлится от силы три—пять лет.

⁴⁰ ГАРФ. 10035/1/П-47776.

⁴¹ Из заявления А.-Р.П. Визула (ГАРФ. 10035/1/п-51145).

⁴² Из заявления А.А. Гайлеша от 19 апреля 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-51107).

⁴³ Там же.

В мемуарах жертв массовых репрессий 1936—1938 гг. говорится о том, что между сотрудниками НКВД, которые их допрашивали, существовало своеобразное разделение труда: «плохого» следователя сменял «хороший» и наоборот. Такая тактика применялась и в Кунцевском райотделе. Вот как описывала год спустя ход своего допроса гречанка Надежда Сидиропуло: допрашивал меня Петушков (инструктор районного ЗАГСа), он уговаривал подписать протокол, заявляя, что «этого требует партия, он знает, что я невинна, однако подписать протокол должна как сознательная советская девушка. Так как я отказывалась, находившийся в соседней комнате Каретников посылал угрозы в мой адрес. Затем зашел к нам и рукой нанес мне побои в голову до потери сознания, потом дал мне ручку с пером и я в таком состоянии подписала протокол допроса»⁴⁴.

Судя по заявлениям репрессированных, никто из их мучителей даже не пытался показать, что сам верит тому бреду, который был должен подписать обвиняемый. Вот как Е.В. Брейвинская описывала свою единственную встречу с оперуполномоченным Соловьевым 16 марта 1938 г.: «Следователь предъявил мне протокол в заготовленном виде, где было написано, что я в 1935 году работала на 46-м заводе и передавала сведения относительно цехов, и всякую всячину, всего протокола не дал прочесть, а сказал, зачем читать, вам станет страшно, когда прочтете. Когда я сказала, что все это ложь, ...следователь ответил: мы в НКВД это знаем и против вас ничего не имеем, но так нужно, протокол подписать я должна и арестована потому, что по национальности я полька»⁴⁵. Советские люди

⁴⁴ ГАРФ. 10035/1/п-49562.

⁴⁵ Из заявления Брейвинской от 26 февраля 1939 г. (ГАРФ. 10035/1/п-47883).

первого поколения, жившие от обострения до обострения классовой борьбы, воспринимали акцию уничтожения очередного врага почти как должное.

Евгении Бабушкиной на момент ареста было только двадцать восемь лет. Закончив горный институт, она работала на заводе авиаприборов в Кунцево, затем стала научным сотрудником Института общей и неорганической химии Академии наук. Все складывалось замечательно, если бы не одна деталь в биографии: до поступления в институт Бабушкина проживала на территории польского консульства в Москве, где ее мать работала прачкой. Это превращало Евгению в идеального кандидата на роль резидента иностранной разведки. Спустя шестнадцать лет после подобной фальсификации она сообщала Генеральному прокурору СССР о методах работы кунцевских палачей: «...основной мотивировкой, проводимой следователями, было то, что мое признание нужно Советской власти для того, чтобы иметь материал для сокращения сети иностранных консульств и что для этого я должна “пострадать”, но что мне дадут небольшой срок и т. д. и т. п.

Против этих “убеждений”, ругани, инсценировки расстрела и т. п. методов я устояла. Тогда эта “кампания”, ранее воздействовавшая на меня поодиночке, однажды ночью собралась во главе со следователем Ефремовым и стала избивать меня, требуя, чтобы я подписалась под сочиненным ими протоколом — моим “признанием” в контрреволюционной деятельности.

Молодая женщина, с детства воспитанная Советской властью, сначала в пионерской, а затем в комсомольской организациях, в принципах абсолютного доверия к Советскому правосудию и уважения к правам человека, потрясенная всем увиденным, услышанным и пережитым мною во время месяца, прошедшего со

дня ареста, я уже и так была доведена до состояния невменяемости, а это избиение довело меня до такого состояния, что в КПЗ Кунцевского района, где я содержалась в течение следствия, вызвали скорую помощь, которая кое-как привела меня в чувство, а через несколько часов после этого, когда я еще не совсем пришла в себя, меня снова вызвал следователь Дикий и вновь предложил подписать уже готовый протокол, в котором, в качестве моего признания, было собрано все, что смогли придумать эти люди — и руководство какой-то контрреволюционной организацией, в которую, в частности, были вписаны люди, которых я не только не знала, но которых я никогда не видела, и шпионская деятельность, и вредительство, и покушение на И.В. Сталина, и какая-то диверсия — и все это по заданию польского консульства. Всего я и не помню, т.к. была в таком состоянии, что пера не могла держать в руке достаточно твердо. Все же я снова отказалась подписать это “признание”, на что следователь Дикий ответил мне угрозой снова позвать Ефремова, который “обработает” меня (надо отдать справедливость, что Дикий, когда Ефремов начал бить меня, ушел и в избиении не участвовал), а затем, посочувствовав, по-человечески объяснил мне, что все равно они должны заставить меня подписать аналогичный документ, чего бы это не стоило, т.к. я самая подходящая фигура для таких признаний, потому что в какой-то мере была связана с польским консульством.

Короче говоря, я не имела больше сил сопротивляться: в то время мне было все равно, расстреляют меня или осудят, и я подписала все, что от меня потребовали, а вечером меня отправили из района в Москву, а затем в лагерь»⁴⁶. К этому можно добавить

⁴⁶ Заявление от 2 июня 1954 г. из ссылки, куда Е.С. Бабушкина была отправлена после восьми лет Норильских лагерей (ГАРФ. 10035/1/п-21556).

только одно: Бабушкина была арестована 17 января 1938 г., а ее признание в деле датировано 14 февраля. Почти месяц она в нечеловеческих условиях сопротивлялась давлению своих мучителей.

Тот факт, что оперуполномоченный Ефремов (являвшийся заодно и секретарем парторганизации райотдела) выступал в роли внештатного истязателя, подтверждают и другие показания. Начальник Сульфиттреста латыш Жан Миклау обращался к Хрущеву в августе 1956 г. с просьбой о реабилитации, сообщая следующие подробности следствия по своему делу: «На второй день ареста мне предложили подписать протокол о якобы моей контрреволюционной деятельности. Когда я решительным образом отказался подписать заранее приготовленный протокол допроса, в ту же ночь я был отправлен в Бутырскую тюрьму, где подвергся жесточайшим избиениям, о которых писать не могу при одном воспоминании о них. В течение месяца меня регулярно избивали и довели до такого состояния, что на ногах не мог стоять и под этим непрерывным физическим воздействием заставили подписать требуемый ими протокол, больше меня никто не трогал и не допрашивал»⁴⁷. В деле сохранился краткий признательный протокол, датированный 2 февраля 1938 г. На следующий день Миклау уже подписывал развернутый документ с фамилиями своих соучастников, который, очевидно, давно ждал своего часа. Под каждым из протоколов стоит подпись проводившего допрос сотрудника Кунцевского райотдела НКВД Ефремова.

Следователи обходились без изощренных пыток, дело ограничивалось «рукоприкладством», как это называла официальная переписка. Но и этот метод вы-

⁴⁷ ГАРФ. 10035/1/п-48708. Миклау был арестован 17 января 1938 г.

бывания нужных показаний оказывался достаточно эффективным. Человека ломала не столько физическая боль, сколько моральное унижение и стресс. Вот эпизод из заявления И.Я. Конон-Кононова, написанного в 1956 г.: «...Следователь ударил меня по щеке и сказал, что убьет меня, составив акт, что я умер от разрыва сердца, если не напишу то, что ему нужно. В камере староста, главный инженер одного из Кунцевских заводов, подтвердил, что это действительно может быть. Был в камере заключенный, который после неоднократного избиения его в кабинете Рукоданова почти оглох и харкал кровью. Другой заключенный вернулся из этого кабинета в камеру с опухшими шей и лицом: его избивали его же резиновой калошей»⁴⁸.

На готовность человека согласиться с любой ложью влияло и психологическое давление ужасных условий заключения. В переполненных камерах местного отделения милиции люди спали по очереди, их не выводили на прогулку, кормили одной баландой. Тех, кто уже подписал вымышленные признания, призывали пропагандировать это среди тех, кто еще не сломался. Учительница немецкого языка Кунцевской школы № 3 Г.Г. Ферапонтова сообщала в одном из своих протестов из лагеря: «Когда я после долгих протестов подписала ложное обвинение, другой следователь сказал мне: Вы можете гордиться, мы даем Вам поручение в камере агитировать за подписку, а то все равно хуже будет»⁴⁹.

⁴⁸ ГАРФ. 10035/1/п-35561. В декабре 1938 г. Кононова допрашивал все тот же Рукоданов. Он потребовал доказательств избиений, на что учитель с тридцатилетним стажем скромно ответил своему недавнему мучителю: «Свидетелей при этом не было, а следы от ударов по щекам конечно не сохранились».

⁴⁹ ГАРФ. 10035/1/п-48282.

Гречанка Евгения Лигерпуло подписала протокол допроса по совету сокамерниц, которые сказали ей, что тогда отправят в лагерь, где жизнь будет легче. Ее подельница Любовь Папахристуло оказалась в тюрьме без очков, и протокол ей в сокращенной форме прочитал Каретников⁵⁰. То же произошло и с переплетчиком А.П. Демидовым, бывшим эсером. После ареста его около десяти дней не вызывали на допрос, а при первой же встрече следователь Рукоданов «участливо» обратился к нему: «Ты видел в камере тех, кто не хочет подписывать, какие они? А подпишешь, я позвоню и тебе принесут передачу»⁵¹. Об этом же свидетельствуют многие апелляции жителей Кунцево: после подписания протокола «мне было разрешено написать доверенность на причитающуюся зарплату и облигации займа, а также разрешено свидание с семьей»⁵². В расчете на то, что арестованные сами будут «додумывать» предписанный им сценарий, людей, волей работников госбезопасности сведенных в одну шпионскую или вредительскую группу, сажали в одну и ту же камеру⁵³.

Фактором давления на обвиняемого выступала и общая атмосфера в стране. На фоне шпионско-террористических разоблачений советской прессы

⁵⁰ Показания Сидиропуло, Лигерпуло и Панахристуло о методах следствия были сделаны при пересмотре дела «греческой шпионской организации» в 1939 г. (ГАРФ. 10035/1/п-61785).

⁵¹ Из заявления А.П. Демидова от 14 августа 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-25010).

⁵² Из заявления А.А. Гайлеша от 19 апреля 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-51107).

⁵³ «Меня также пытались обвинить в том, что я являлся в г. Кунцево организатором какой-то группы латышей, с этой целью меня сажали в одну камеру с арестованными латышами, которых я никогда не знал» — из заявления А.-Р.П. Визула (ГАРФ. 10035/1/п-51145).

предлагавшиеся к подписанию признательные протоколы уже не казались абсолютной ложью. Проходивший по делу о контрреволюционном заговоре на МОСП А.А. Попов писал в одном из своих заявлений: «Играя на моих патриотических чувствах к Родине, ультрируя (очевидно, утрируя. — *А.В.*) моим стремлением быть максимально полезным для органов в борьбе с врагами народа, Каретников добился подписания мною протокола только потому, что записанное им в протокол, на фоне опубликованных до этого в газетах материалов о процессах в районах Московской области, на фоне общей обстановки, известной всем на МОСП, казалось правдоподобным»⁵⁴. Попов был вызван в райотдел на допрос в качестве свидетеля и после подписания его протокола стал обвиняемым.

Аналогичному давлению подвергались и свидетели, среди которых преобладали соседи и сослуживцы арестованных. Родственники в этом качестве привлекались только тогда, когда арест производился по их доносу. Лишь в единичных случаях составленные протоколы допросов свидетелей не содержат компромата, характер которого выдает авторство следователя. При пересмотре дел в конце 1930-х гг. большинство свидетелей отказывалось подтверждать свои показания. Некоторые из них заявляли, что следователь заставлял их подписывать чистый бланк, обещая, что показания потом туда перепишут⁵⁵.

Указания на «враждебную национальность» обвиняемого в условиях шпиономании гасили колебания свидетелей. Эксплуатация страха перед органами госбезопасности сочеталась с игрой на правовой безграмотности простых людей. Постоянной практикой власти было издание секретных законов (с грифом «не для печати») и ведомственных приказов. В результате

⁵⁴ ГАРФ. 10035/1/п-25316.

⁵⁵ ГАРФ. 10035/1/п-53465.

«в советском обществе сложилось своеобразное восприятие самого понятия “право”. В массовом сознании оно отождествлялось не с конституцией или законом и уж тем более не с естественными правами человека, а с конкретной деятельностью тех или иных правоохранительных учреждений»⁵⁶. Именно это обстоятельство лежало в основе кажущегося на первый взгляд парадоксальным факта: судя по заявлениям самих жертв, значительное число вымышленных признаний было получено путем уговоров, а не физического насилия. Особенно восприимчивыми к авторитету следователя оказывались лица с низшим образованием и молодежь.

Для упрощения следствия в Кунцево, как и в других низовых ячейках массового террора⁵⁷, привлекались так называемые штатные свидетели. Эту роль зачастую выполняли председатели сельсоветов и их знакомые, бывшие милиционеры. В 1939 г. выяснилось, что одним из самых «востребованных» свидетелей был запойный дворник, плохо понимавший по-русски и к тому же страдавший эпилепсией. В различных делах по обвинению жителей той или иной деревни встречаются одни и те же фамилии свидетелей. Одним из штатных свидетелей в Кунцево был М.Т. Щаденко, который заведовал гаражом райотдела НКВД. В 1939 г. он подробно рассказывал о том, как его привлекли к подобной деятельности. «Однажды ко мне на квартиру зашел практикант Никитин и сказал, каких ты знаешь Баковских граждан, зачитав мне список. Я на это ответил, знаю как всех и перечислил некоторых из них. Он тогда предложил подписать мне несколько штук написанных протоколов допроса. Я отказался. Никитин мне предложил, чтобы я зашел к Рукоданову».

⁵⁶ ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М., 1998. С. 16.

⁵⁷ Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 1. Орел, 1994. С. 53.

Очевидно, тот не смог убедить коллегу, и за дело взялся сам Каретников. Продолжаем цитировать Щаденко: «Он спросил меня: “Знаешь ли ты Павленковича?”. Я ответил, что знаю, как рядом проживающего. Каретников тогда спрашивает меня: “На охоту вы с ним ездили?” Да, ездили, ответил я. “Ты знаешь, он арестован как враг народа, так вот, пока не поздно, иди к Рукоданову и подпиши протокол допроса”»⁵⁸. Бывший милиционер кавалерийского взвода кунцевского отделения милиции М.М. Колесников, оговоривший под давлением следователей Смирницкого и Рукоданова латыша Б.П. Бревдо, повторял свои вымышленные обвинения даже на очной ставке с последним⁵⁹.

Признания Щаденко находятся в следственном деле А.И. Зайцева, которое было проведено Рукодановым с молниеносной быстротой — 19 ноября арест и допрос, следующим днем датировано обвинительное заключение, а уже 23 ноября дело рассматривалось «тройкой». Другой Зайцев, Степан Михайлович, напротив, стал рекордсменом среди кунцевских жертв по срокам нахождения в предварительном заключении. Арестованный 18 января 1938 г., он в ноябре 1939 г. обращался к Берии с просьбой поскорее завершить следствие, указывая, что уже 22 месяца сидит в Бутырской тюрьме. За это время его дело неоднократно выносилось на «тройку» и возвращалось прокуратурой на доследование. В его ходе выяснилось, что один из свидетелей, некто Кожевников, является вымышленной личностью. Ровно через два года после ареста С.М. Зайцев оказался на свободе.

Фамилия «Зайцев» стала роковой для Рукоданова, который сфабриковал показания мифического свиде-

⁵⁸ В протоколах указывалось вымышленное место работы Щаденко (ГАРФ. 10035/1/п-20247).

теля Кожевникова и штатного свидетеля Щаденко. В ходе служебного расследования его объяснения по обоим делам были признаны неубедительными⁶⁰, и на дальнейшей карьере кунцевского ветерана, ставшего к 1940 г. лейтенантом госбезопасности, был поставлен крест. Впрочем, имена вымышленных свидетелей встречаются и в других делах Кунцевского райотдела⁶¹.

Несмотря на то, что с августа 1937 г. конвейер репрессий закрутился с невероятной быстротой, каждое из завершенных в районе следственных дел получало необходимое бюрократическое оформление. При обысках обязательно изымались пишущие машинки, которые оставались в распоряжении райотдела НКВД. Для печатания следственных документов были мобилизованы машинистки со всех крупных предприятий района, в том числе и не имевшие допуска к секретной работе. Бланков не хватало, и их приходилось размножать на пишущей машинке. Копии допросов печатались на импортной папиросной бумаге в таком количестве экземпляров, что шрифт становился неузнаваемым.

Открывавшее дело постановление о предъявлении обвинения составлялось в районе и подписывалось Кузнецовым (если дело велось местным отделением милиции, этот документ подписывал его начальник Чугунов). В зависимости от характера обвинения заделывалась и вторая подпись Сорокина либо Персица

⁵⁹ ГАРФ. 10035/1/п-50029.

⁶⁰ Рукоданов писал, что «свидетели подыскивались по линии милиции и доставлялись в райотдел УНКВД следователям, ведущим следствие, так могло получиться и со свидетелем Кожевниковым, которого по всей вероятности мне доставил кто-то из милиционеров, я же механически допросил его, не установив подлинно его личность» (ГАРФ. 10035/1/п-7934).

⁶¹ ГАРФ. 10035/1/п-48283.

(начальники отделов УНКВД МО), однако они в разгар «массовых операций» не успевали подписывать даже обвинительные заключения. Утверждалось постановление заместителем начальника областного управления, обычно Якубовичем, но и его подпись присутствует в делах, заведенных в начале 1938 г., крайне редко.

После этого (а может быть, и независимо от этого) Кузнецовым на стандартном бланке выписывался ордер на арест с указанием, кому из сотрудников райотдела поручается его произвести. Иногда ордер подписывал Каретников как самоназначенный заместитель начальника райотдела. На обратной стороне ордера в большинстве случаев имеется подпись арестованного, реже он ставил день и даже час ареста. Поскольку аресты производились ночью, довольно часто даты на лицевой и обратной стороне ордера разнятся на один день.

Следствие завершалось составлением обвинительного заключения, где указывался характер преступления и признание обвиняемым своей вины. Затем дело отправлялось в Москву и проверялось в соответствующем отделе областного управления. Как правило, у каждого райотдела там был свой «куратор». Иногда он сам допрашивал обвиняемых, хотя эти мероприятия носили формальный характер. Так, сотрудник четвертого (секретно-политического) отдела Петухов при допросе кунцевских подследственных ограничился вопросом о его социальном положении до революции⁶². После проверки в следственном деле появлялось постановление, первый пункт которого гласил: «Обвинительное заключение соответствует материалам дела и виновность обвиняемого полностью доказана». После этого дело передавалось на рассмотрение уже упоми-

⁶² ГАРФ. 10035/1/п-18431.

навшейся «тройки» или «двойки» в составе наркома внутренних дел и Генерального прокурора СССР, выносивших заочный приговор.

Можно предположить случаи, когда дела из-за явного «липачества» возвращались областным управлением НКВД на доследование. О том, что следственные дела проверялись даже на пике репрессий, свидетельствуют пометки на их страницах начальственным красным карандашом. Так, в протоколе допроса одной из женщин против слова «говорил» (а не «говорила») был поставлен вопросительный знак. В другом следственном деле проверяющий подчеркнул как неуместное первое прилагательное во фразе «я проводил гнусную подрывную работу»⁶³. С другой стороны, мимо контроля областного управления проходила и явная нелепица: так, из-за неправильного написания фамилии в обвинительном заключении получалось, что человек завербовал самого себя⁶⁴. Немцу Эдуарду Зоммерфельду почему-то вменялось в вину посещение польского клуба в Москве, где он встречался опять же с немецкими шпионами⁶⁵. Проверяющие на Лубянке следили за наличием необходимых бумаг⁶⁶ и отсутствием противоречий в них и в то же время отдавали себе отчет в том, что являются соучастниками фальсификации государственного масштаба. Но над ними, как и над их коллегами из райотделов НКВД, висел дамоклов меч круговой поруки.

⁶³ ГАРФ. 10035/1/п-52533.

⁶⁴ Так, Штеклян Антон Петрович завербовал Штеклера Антона Петровича (ГАРФ. 10035/1/п-47776).

⁶⁵ ГАРФ. 10035/2/27651.

⁶⁶ Так, дело В.В. Шематовича вернулось в Кунцевский райотдел уже после того, как обвиняемый был расстрелян. Причиной этого являлось отсутствие квитанции о приеме пишущей машинки и фотоаппарата, изъятых при аресте (ГАРФ. 10035/1/п-24551).

Открытым остается вопрос о том, в какой мере оперативные работники райотделов снабжали «человеческим материалом» областное управление. Хотя сами они, и в частности Рукоданов, неоднократно жаловались, что самые лакомые кусочки у них забирают сотрудники Центра, подобные случаи можно пересчитать по пальцам. Они относятся к начальному периоду репрессий и обвинениям в шпионаже. Так, германский подданный Эрнст Мейер был первоначально допрошен Каретниковым, а затем его дело вел уже третий отдел УНКВД МО⁶⁷.

Мартовский пик

Фабрикация следственных дел низовыми органами госбезопасности варьировалась в зависимости от установок Центра. До конца 1937 г. акцент делался на обвинениях в контрреволюционной пропаганде и вредительстве, что позволяло реализовать накопленный компромат и соответствовало установкам приказа № 00447. «Шпионскими сетями» занимались «наверху» — сотрудники третьих (контрразведывательных) отделов областных управлений. Так, агентурная разработка, которая велась райотделом в отношении семьи Моничей, переехавшей в Кунцево из Белоруссии, превратилась уже на Лубянке в дело о банде, созданной польским генштабом еще в начале 1920-х гг. Только в Кунцево по этому делу было репрессировано 18 человек, в том числе расстреляно шестеро Моничей⁶⁸.

⁶⁷ В деле содержится интересный документ — акт о том, что Мейер в ходе допроса заявил: «Ненавижу органы, потому что в НКВД не люди, а звери». Выяснить, было ли это реакцией на побои и издевательства, уже не представляется возможным (ГАРФ. 10035/2/28164).

⁶⁸ ГАРФ. 10035/1/п-49816 — п-49828.

С начала 1938 г. районным отделам НКВД доверили уже святая святых системы госбезопасности — борьбу с происками иностранных разведок. Контрреволюционную агитацию в обвинительных заключениях, направлявшихся с мест в областные центры, сменили шпионаж, подготовка террора и диверсий. Новый поворот был обращен прежде всего против лиц «враждебных национальностей»⁶⁹ — латышей, поляков, немцев, финнов. Репрессии получили второе дыхание. При этом их постоянной величиной, своего рода политическим заказом «верхов» оставалась установка на раскрытие крупных контрреволюционных организаций, связанных с границей — либо с разведслужбами западных государств, либо с троцкистами⁷⁰. Иного и быть не могло в политической системе, чья идеология держалась на коллективизме.

Пропагандистское раскрывание разоблаченных заговоров и ликвидированных шпионских сетей позволяло руководству страны отвести от себя обвинения в промахах и ошибках на пути построения светлого будущего. По такому сценарию были проведены показательные процессы бывших лидеров большевизма, соратников и политических противников самого Сталина. Внимательно читая судебные отчеты, публиковавшиеся в центральной прессе, следователи НКВД претворяли в жизнь логику сталинского правосудия в масштабах вверенного им района. Характерно брошенное мимоходом замечание Каретникова по поводу

⁶⁹ Имелись в виду представители национальности, большая часть которой проживала за границей и имела собственное государственное образование. В обиходе работники НКВД называли их представителей «националами».

⁷⁰ См.: Weissberg-Cybulski A. Im Verhoer. Ein Ueberlebender der stalinistischen Saeuberungen berichtet. Wien, Zuerich, 1993. S. 183.

судебного процесса над Бухариным, Ягодой и другими членами «правотроцкистского центра»: «Вот им на-верное тоже натянули в показаниях»⁷¹.

«Шпионский разворот», если пользоваться жаргоном оперативных работников тех лет, не являлся инициативой чекистских «низов». Контингент, сроки и размах национальных операций определялись соответствующими приказами Ежова. Они же «создавали принципиально новый в практике ОГПУ—НКВД процессуальный порядок осуждения. После окончания следствия на обвиняемого составлялась справка “с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного”. Отдельные справки каждые десять дней надлежало собирать и перепечатывать в виде списка, который представлялся на рассмотрение комиссии из двух человек — начальника НКВД—УНКВД и прокурора (отсюда разговорное, в официальной переписке не встречающееся название этого органа — “двойка”»⁷².

Наличие в ряде архивно-следственных дел подобных справок позволяет предположить, что они готовились в райотделе или по меньшей мере согласовывались с ним. На левой стороне горизонтально расположенного листа стандартного формата печатались установочные данные на обвиняемого, внизу — номер следственного дела и указание на то, что оно было проведено Кунцевским райотделом НКВД. Справа давалась краткая характеристика состава преступления, взятая из обвинительного заключения. В отличие от последнего там содержался и приговор. Так, в справке на А.А. Сима, латышского сотрудника МОСП, правая часть листа завершалась словами «террорист (дивер-

⁷¹ Из рапорта Цыганова от 26 декабря 1938 г.

⁷² Петров Н.В., Рогинский А.Б. Указ. соч. С. 28.

сант)», напечатанными большими буквами⁷³. Альбомы просматривались и подписывались руководителями НКВД, которые в течение нескольких часов обрекали на смерть сотни человек⁷⁴.

В ходе «национальных операций» изменился и порядок оформления материалов следствия. На каждого из членов той или иной шпионской группы заводилось отдельное дело, в которое подшивались протоколы допросов всех ее участников. Это создавало видимость проведенной работы и в то же время позволяло оперативным сотрудникам максимально стандартизировать бюрократическую работу. Проведение очных ставок между членами той или иной шпионской группы в марте 1938 г. не практиковалось, по крайней мере в Кунцево.

Как и в случае с приказом № 00447, завершение национальных операций несколько раз переносилось на более поздние сроки. Только после того, как к ним были подключены районные структуры госбезопасности, удалось выполнить и перевыполнить контрольные цифры репрессий⁷⁵. Перенос акцента на шпионские дела в начале 1938 г. имел еще одно, «технологическое» объяснение. К этому моменту был в основном исчерпан запас данных на антисоветские элементы — кулаков и «бывших». Новые наработки требовали агентурной работы, на которую уже не было ни сил,

⁷³ ГАРФ. 10035/1/п-52696.

⁷⁴ См.: «Говорят бывшие палачи» // «Хотелось бы всех поименно назвать...» По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа. М., 1993. С. 11–12.

⁷⁵ В рамках «польской операции» было репрессировано около 150 тыс., в рамках «немецкой» — более 60 тыс. человек (см.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. Указ. соч. С. 40; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 63).

ни средств. Кроме того, обвинение в контрреволюционной агитации следовало подтверждать свидетельскими показаниями. Следствие же по делам о шпионаже было максимально упрощено, здесь уже не требовалось свидетелей и характеристик.

Это понимали на местах: так, начальник Мытищенского райотдела НКВД П.А. Соловьев заявлял своим сотрудникам, что «вредительские дела требуют серьезного следствия, документации дела, а в настоящее время заниматься этим некогда и требовал добиваться от арестованных лишь шпионской деятельности, т.к. последнее легко закончить и осудить арестованного»⁷⁶.

Сотрудников районного звена постоянно предупреждали о том, что за невыполнение указаний «сверху» они будут привлечены к уголовной ответственности⁷⁷. Наставления из областного управления сопровождались психологическим прессингом в адрес конкретных исполнителей репрессий на местах, на свет были вновь извлечены компрометирующие материалы. Страх представлялся более надежным средством добиться желаемого результата, нежели призывы к большевистской сознательности. Когда Кузнецов в феврале зашел к Сорокину для получения инструкций по проведению операции против «националов», тот с порога рассказал об имеющемся на него компромате. По протоколу допроса за этим последовала просьба Кузнецова уладить дело и вербовка в ряды заговорщиков, однако имеется гораздо больше оснований предположить, что Сорокин потребовал любой ценой «дать план» по арестам и отправил его к своему заместителю Петрову для дальнейших инструкций.

⁷⁶ Из показаний оперуполномоченного райотдела Н.Д. Петрова (ГАРФ. 10035/1/п-59771).

⁷⁷ Богданов Ю.Н. Указ. соч. С. 123.

Со слов Кузнецова, дальнейший разговор выглядел так: «Петров спросил меня, какие материалы имеются в райотделении на националов. Я ему ответил, что никаких материалов в райотделении нет. После этого Петров дал мне установку взять с предприятий, из адресного бюро и всех других мест списки националов и на основании этих списков составлять справки на арест, указывая всем в справках на арест, что они занимались шпионажем. При этом дал мне контрольную цифру, сколько я должен был взять в первую очередь. Когда я ему заметил, что в процессе следствия мы не сможем добиться показаний о шпионской деятельности, Петров на это заявил: а Вы это делайте так: пишите сами протокол, где применительно к его работе указывайте, какие шпионские материалы он мог давать, или приписывайте ему диверсионные акты. Делайте это, не бойтесь, мы придираемся не будем. Если написанный Вами протокол обвиняемый не будет подписывать, бейте его до тех пор, пока подпишет. На этом наш разговор был закончен»⁷⁸.

Вернувшись в Кунцево, Кузнецов собрал сотрудников райотдела и выдал полученную инструкцию за директиву наркома, пообещав полную безнаказанность в случае фальсификации протоколов. Можно не сомневаться в том, что аналогичные указания получали и начальники других райотделов, хотя каждый реализовывал их на практике по-своему. Кто-то ограничивался минимумом активности, принимая на свою голову служебные разносы, кто-то старался выбиться в передовики. Штурмовщина на низовом уровне отнюдь не означала того, что областное управление выпустило вожжи из своих рук, ослабив ежедневный контроль. Напротив, пик репрессий вызвал всплеск бюрократической переписки.

⁷⁸ Из показаний А.В. Кузнецова от 3 февраля 1939 г.

Начальник 11 отдела УНКВД МО Ильин в мае 1938 г. докладывал о ситуации, царившей в Московском управлении при Заковском — Якубовиче. «Выработанная руководством Управления система отчетности и рапортов о проделанной за сутки оперативно-следственной работе вызывала нездоровые методы соревнования по количеству арестованных и полученных признаний. На оперативные отделы, не давшие больших цифр (XI, VI-й отделы) по количеству признаний, старавшихся при всей этой гонке более или менее основательно поработать над арестованными, смотрели как на отстающие и тянущие назад. Руководством ставилась задача догнать Ленинград, т.е. давать по Московскому Управлению не меньше 200 признаний в сутки»⁷⁹.

Соревновательный дух в полной мере проявлял себя и на местах. На совещаниях Заковский неоднократно ставил Кунцевский райотдел в пример отстающим⁸⁰. Один из оперативных работников позже вспоминал, что «в мартовской операции Кузнецов соревновался с Коломной и вот на одном из совещаний Кузнецов требовал, чтобы оперативные работники давали еще справки на арест, чтобы Коломна не перегнала наш райотдел. Я на этом совещании заявил, “что скоро это соревнование заставит нас давиться”, указывая на крючок в потолке его кабинета. Кузнецов обозвал меня паникером, не желающим выполнять решение партии и правительства»⁸¹. На просьбы новичков показать нормативные документы по шпион-

⁷⁹ Рапорт Ильина был адресован новому начальнику УНКВД МО В.А. Каруцкому и датирован 8 мая 1938 г. 13 мая Каруцкий застрелился (копию рапорта см.: ГАРФ. 10035/1/п-20635).

⁸⁰ Из показаний В.П. Каретникова от 9 февраля 1939 г.

⁸¹ Из рапорта Дикого от 26 декабря 1938 г.

ской операции Кузнецов многозначительно отвечал: «Вы еще молодой оперработник и не понимаете, в чем здесь дело, ведь мы проводим операцию по изъятию немцев, поляков и других инонациональностей по заданию Политбюро ЦК ВКП(б)»⁸². Авторитета этого органа оказывалось достаточно для того, чтобы устранить сомнения в правомерности своих действий.

В ходе операции Каретников требовал «не менее 5 протоколов в сутки от каждого оперработника, т.к. по его словам установка УНКВД не менее 50 дел в пятидневку»⁸³. Следственные действия на мартовском пике репрессий сводились к проведению одного допроса, вернее, получению подписи под заранее подготовленным протоколом и составлению обвинительного заключения размером не более двух страниц. Чтобы дело не выглядело подозрительно тощим, в него вкладывались копии показаний всех участников той или иной «шпионской группы», хотя иногда в них и не упоминалась фамилия конкретного обвиняемого. Только так один райотдел мог в марте 1938 г. произвести аресты почти 200 человек. Вероятно, цифра законченных и переданных на «тройку» и «двойку» следственных дел в марте была примерно такой же.

Одобренные Политбюро лимиты репрессий, как видно из рапортов сотрудников Кунцевского райотдела НКВД, превращались в личное задание для каждого из них. Из нехитрой арифметики — «пять дел в неделю» — становится понятно, что в момент пика репрессий число оперативных работников, включая ми-

⁸² Из рапорта Цыганова от 26 декабря 1938 г.

⁸³ Из рапорта Рукоданова (без даты, декабрь 1938 г.) О подобных требованиях («давали лимит по 5—6 человек на день работы») свидетельствуют и другие источники (см.: Бутовский полигон... Вып. 5. М., 1999. С. 348).

лиционеров, имевших право вести допросы по политическим делам, не превышало в районе 10 человек. Это подтверждается их подписями на следственных документах (хотя составлялись они, как уже отмечалось выше, гораздо более широким кругом привлеченных к «массовым операциям» сотрудников⁸⁴).

Нечто подобное происходило в низовых структурах НКВД по всей стране. Так, согласно показаниям начальника Мценского райотдела Орловской области М.Ф. Пикалова, областное руководство «давало санкцию на арест по спискам, причем в таких случаях требовалось представить список на арест большего числа кулаков, а на составление списка давалось двое суток. На ведение следствия на 50 арестованных давалось не больше 5 суток»⁸⁵.

Вопреки призывам показать большевистскую твердость, нервы стоявших у конвейера смерти в Кунцево не выдерживали физических и психических перегрузок. 28 февраля застрелился в своем кабинете следователь Б.Д. Смирнов; 7 марта начались припадки у помощника оперуполномоченного Соловьева, и он временно прекратил работать. Остававшиеся продолжали тянуть лямку, в то время как руководство в лице Кузнецова облекало штурмовщину в привычные формулировки: включиться в соцсоревнование, перевы-

⁸⁴ «Для достижения контрольной цифры не менее 45—50 дел в пятидневку Каретников создал следовательскую группу из лиц, ничего общего не имеющих с оперативной работой (начальник ЗАГС, начальник городской пожарной охраны Живов, участковый инспектор), к печатанию протоколов допроса и обвинительных заключений были привлечены машинистки чуть ли не со всех предприятий Кунцевского района» — из рапорта Соловьева от 29 декабря 1938 г.

⁸⁵ Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 1. С. 54.

полнить план, обогнать соседний район, как будто речь шла о посевной или жатве.

На мартовском пике репрессий к следствию по 58 статье был подключен районный отдел милиции. Кузнецов нередко брал на установочные совещания в Москву начальника уголовного розыска Чугунова. «Милицейские» дела, завершавшиеся обвинением по 58 статье, выглядели более солидно, аресты проводились только после визы начальника Управления РКМ области М.И. Семенова. Очевидно, что и в составлении обвинительных заключений, и в избииении жертв шефскую помощь милиционерам оказывали следователи госбезопасности. Согласно заявлению С.Г. Зудина, проходившему в марте 1938 г. по делу о бывших предпринимателях, которое вел сотрудник уголовного розыска Новиков, последний «совместно со следователем Диким предложили подписать уже написанный протокол, ...избили до потери сознания, причем били оба следователя, один сзади, другой спереди, били в лицо, в грудь, в живот, заявляя, не подпишешь, будем бить еще не так»⁸⁶.

Одной из последних жертв массового террора в Кунцевском районе стал Б.Б. Черский, отец которого был царским офицером, а сам он до революции учился в кадетском корпусе (после того, как запас контрреволюционных «отцов» был исчерпан, взялись за «детей»). Следствие провел сотрудник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХС) Смирнов поистине ударными темпами. Черский был арестован 4 апреля, а уже через пять дней его дело было передано на «тройку»⁸⁷.

Подобное ускорение было бы невозможно без максимального упрощения практики отбора будущих

⁸⁶ ГАРФ. 10035/1/п-28856.

⁸⁷ ГАРФ. 10035/1/п-59678.

жертв. Кузнецов добросовестно претворял в жизнь указания, полученные на Лубянке: «За период проведения операций по кулакам и национальной контрреволюции Кунцевский райотдел закончил следственные дела почти на тысячу человек, среди которых имелось немалое количество таких арестованных и осужденных людей разных национальностей, которые были арестованы и осуждены по показаниям, полученным от арестованных методами физического воздействия над ними. Лица инонациональностей, проживавшие на территории Кунцевского района, арестовывались мною по спискам, которые были собраны с предприятий и учреждений района.

Арестованные лица, работавшие на каком-то одном предприятии или учреждении, мною группировались и им предъявлялись обвинения, как участникам контрреволюционных групп, преступления же им инкриминировались в зависимости от характера того предприятия или учреждения, на котором данная группа лиц ранее работала. Если группа арестованных работала на военном предприятии, то эта группа обвинялась, как шпионская и диверсантская...»⁸⁸

К концу марта оборонные заводы, находившиеся на территории Кунцевского района, были «вычищены» по два-три раза, за неимением людей с подходящими анкетными данными исчерпал себя и национальный принцип подбора шпионских сетей. Фантазия следователей лишалась каких-либо опор в реальной жизни, порождая все более удивительные конструкции. Одной из последних фальсификаций оперуполномоченных Дикого и Соловьева стало дело норвежских шпионов. В состав шпионской группы были включены три человека, арестованных еще в августе—сентябре 1937 г. и, очевидно, забытых в горячке даль-

⁸⁸ Из показаний Кузнецова от 3 февраля 1939 г.

нейших репрессий. Один из них, чех Л.П. Блах якобы «находился на связи с агентом Норвежской контрразведки»⁸⁹ (именно контрразведки! — *А.В.*), и ему было предписано возглавить шпионскую сеть.

Ее рядовые члены были арестованы 28—29 марта лишь потому, что их имена и фамилии, а иногда даже отчества звучали по-иностранному⁹⁰. Среди них были учительница начальных классов, бухгалтер багетной мастерской, кочегар типографии и грабарь кирпичного завода. Центром их шпионского интереса стал авиазавод в Филях (постоянно «выручавший» кунцевских следователей) и почему-то камвольно-ткацкая фабрика. В те же дни следователь Смирницкий арестовывал шпионов на «дермантинно-клеенчатой» фабрике им. Ногина, находившейся по соседству. Один из них якобы передавал иностранной разведке сведения о мастике и красках, употреблявшихся в производстве кухонной клеенки⁹¹.

Финальный аккорд

На февраль—март 1938 г. пришелся и пик арестов по «секретно-политической» линии, которую курировал Рукоданов. Давно уже были реализованы агентурные данные, списки раскулаченных и прочих контрреволюционных элементов. После январского постановления ЦК ВКП(б) о перегибах при проведении репрессий иссяк поток доносов. Однако из областного управления день ото дня усиливались призывы «ударным трудом закончить чекистскую вахту». Последним

⁸⁹ ГАРФ. 10035/1/п-50179.

⁹⁰ Например, Алхимова Мария Оттовна.

⁹¹ Следует отметить, что в обвинительном заключении по этому делу слово «шпионская» при характеристике группы было зачеркнуто от руки (ГАРФ. 10035/1/п-46735).

резервом районного масштаба оставались бывшие члены партий эсеров и меньшевиков, которые когда-то выступали союзниками большевиков в борьбе за демократизацию России.

Проиграв в политических и военных баталиях, они предпочитали не вспоминать о прошлом. Большинство давно достигло пенсионного возраста и никак не проявляло себя в общественной жизни. Однако очередь дошла и до них. 19 марта в паспортный стол райотдела были сданы документы 23 арестованных⁹², которых, как выяснилось позже, можно было отнести лишь к «сочувствующим» меньшевикам и эсерам в дореволюционный период. В ходе фабрикации «эсеро-меньшевистского заговора» Рукоданов сделал важное изобретение. Наряду с группой, имевшей централизованное руководство в лице А.И. Кудрявцева и получившей название «Наше дело», стали формироваться ее филиалы на местах. Это было фактическим повторением «осеннего призыва», когда бывших кулаков брали по деревням. Такой подход позволял децентрализовать подготовку допросов: помощники Рукоданова сочиняли их применительно к тому или иному населенному пункту, не выходя на районный уровень.

Поясним эту технологию на конкретном примере. В рамках «эсеровского заговора среди педагогов» были арестованы семь школьных учителей из деревень Никулино, Мневники, Аминьево, Очаково и Одинцово⁹³. Каждый из них был связан только с А.Г. Зверевым, учителем школы в деревне Румянцево, игравшим роль районного лидера⁹⁴. В своих деревнях учителя явля-

⁹² ГАРФ. 10035/2/27491.

⁹³ ГАРФ. 10035/1/п-25714.

⁹⁴ Зверев в 1904 г. примыкал к школьной организации эсеровского толка, знакомство остальных участников его группы с идеями социал-революционеров было еще более туманным.

лись руководителями боевых групп, которые должны были поднять крестьянское восстание. Рядовые члены этих групп не имели никакого представления не только о Звереве, но и о том, кто такие эсеры вообще.

По неизвестным причинам дело об эсеровском заговоре не было доведено до своего логического конца. Наверное, сказывался неполитический характер обвинений в адрес школьных учителей — подзатыльники, второгодники, разорванный портрет Сталина в одном из классов и т.п. Свидетелям под руководством следователя приходилось прокладывать мостик от школьных будней к политическим преступлениям: «На учительской конференции Зверев выступал не как советский человек, говоря, что в низкой успеваемости виноваты сами ученики, которые находятся по 2—3 года в одном классе. Из его слов явствует, что советские дети вроде идиотов, не способны к учению».

Около половины лиц, названных в допросах учителей членами деревенских повстанческих ячеек, так и не было арестовано. Рукоданов вскоре переключился на многообещающую фальсификацию «заговора правых», а сил на параллельное разоблачение двух вражеских сетей в райотделе явно не хватало. В конечном счете большинство эсеровских дел было переквалифицировано по статье о контрреволюционной агитации и отправлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД, которое давало «только» пять лет. Однако «сетевая» технология, отработанная на школьных учителях, вскоре пригодилась.

Волна государственного террора 1937—1938 гг. в Кунцево завершилась двумя самыми массовыми операциями, которыми руководили соответственно Каретников и Рукоданов. Первый олицетворял собой на районном уровне третий (контрразведывательный) отдел, второй — четвертый (секретно-политический), существовавшие на более высоких этажах иерархии НКВД. Личный почерк каждого из них прослеживается

ся даже в сфабрикованных по общему сценарию делах. Если Каретников был мастером получения признательных показаний от самих обвиняемых, то Рукоданов делал ставку на обработку свидетелей.

Складывается впечатление, что в погоне за планом и благосклонностью высокого начальства и тот, и другой стали воспринимать своих жертв как арифметические величины, азарт охотников за людьми вытеснил все остальные человеческие чувства. Соревнование ветеранского опыта и молодого задора завершилось на финишной прямой ничейным исходом. В ответ на третью чистку завода № 46, которую вел Каретников (около 50 арестованных), Рукоданов развернул дело о «контрреволюционной организации правых» в Кунцевском районе (не менее 40 арестованных), копировавшее сценарий третьего показательного процесса.

В отличие от Каретникова, который просто увеличивал число членов шпионских сетей (и, случалось, путался в вопросе о том, кто кого завербовал), Рукоданов отказался от сведения арестованных в разрозненные группы. Опираясь на опыт дела учителей и используя признания бывшего председателя Кунцевского райисполкома Сергея Муралова, которые корректировались по ходу следствия, он выстроил своего рода иерархию контрреволюционных структур в районе. Она в общих чертах копировала схему партийно-государственного аппарата, сложившегося в СССР к середине 1930-х гг. Позже Рукоданов утверждал, что такие рекомендации он получил из областного управления НКВД⁹⁵, однако за такой «скромностью» скры-

⁹⁵ «Следственное дело Муралова и других первоначально было одним томом, как на одну общую контрреволюционную группу, но когда было написано обвинительное заключение и послано на утверждение руководству НКВД МО, то дело было предложено разъединить в отдельные производства...» — из показаний Рукоданова от 8 июня 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-22114).

валось желание отвести от себя ответственность за фальсификации марта 1938 г.

Согласно концепции Рукоданова и его кураторов, нити управления кунцевскими заговорщиками, которых возглавлял Муралов, шли из областного центра «правых». Общее руководство им осуществлял председатель Мособлисполкома Н.А. Филатов, который в свою очередь был связан с наркомом земледелия М.А. Черновым, расстрелянным по приговору третьего показательного процесса. Конкретные директивы председателям райисполкомов, являвшихся по совместительству главами контрреволюционных организаций соответствующих районов, передавал начальник отдела кадров Мособлисполкома И.А. Свиридов⁹⁶.

В свою очередь, под контролем Муралова находились местные группы террористов-подпольщиков, которые возглавляли либо председатели колхозов, либо руководители сельсоветов. Отдельные подразделения образовывали работники органов, подотчетных райисполкому — врачи, ветеринары, землемеры, агрономы. Такая схема делала «заговор правых» в Кунцевском районе поистине безразмерным, позволяя Рукоданову записывать в его ряды самые неожиданные кандидатуры. (Подробнее об этом заговоре и судьбах его мнимых участников — во второй части книги.)

В начале апреля 1938 г. массовые аресты в Кунцево прекратились столь же внезапно, как и начались девять месяцев тому назад. Очевидно, на места поступила соответствующая директива, связанная с окончанием срока действия внесудебных органов репрессий. Рукоданов писал в своем рапорте, что получил приказ завершить следствие и сдать все дела на «тройку» к 5 апреля 1938 г. Однако и этот срок оказался нереальным, и бумажная работа продолжалась в таком же темпе до середины лета.

⁹⁶ ГАРФ. 10035/1/п-27480.

В камерах районного отделения милиции и московских тюрьмах находилось несколько сотен арестованных, числившихся за Кунцевским райотделом НКВД. Как правило, между признательным мартовским допросом и обвинительным заключением в документах следствия образовывалась пауза в несколько недель, а то и месяцев. Ни один из арестованных не был оправдан и освобожден. Действовало незыблемое правило: «Чекисты не могут ошибаться». После некоторого затишья в апреле бутовская земля в мае и июне вновь принимала в свое лоно более тысячи убиенных. Только в августе там была поставлена последняя точка в жизни пятидесяти жителей Кунцевского района, которые прошли на расстрел через невзрачное здание на улице Загорского.

«Самоустранение от руководства закрытым грунтом» — партия большевиков в год массовых репрессий

Вопрос о роли правившей в Советском Союзе партии в «большой чистке» является одной из линий размежевания в научных дискуссиях между «сталинистами» и «ревизионистами». Если для первых ВКП(б) выступает как «орден меченосцев», беспрекословно выполняющий волю своего магистра, то для вторых важна динамика внутрипартийной жизни, способность «низов» в специфических условиях латентной гражданской войны манипулировать «верхами», чтобы сохранить собственные иллюзии или продвинуть личные интересы. Не вдаваясь в подробности подобных споров, отметим, что следственные дела, проведенные Кунцевским райотделом НКВД в 1937—1938 гг., могут рассматриваться как полноценный источник только при их постоянном сопоставлении с материалами районной партийной организации.

Их тесная связь не вызывает сомнений — достаточно указать на то, что начальник райотдела внутренних дел «по должности» являлся членом Бюро райкома ВКП(б) и райисполкома⁹⁷. Доносы, попадавшие в партийные органы, передавались органам внутренних дел и позже использовались при проведении следствия⁹⁸. Движение корреспонденции в обратном направлении было не менее интенсивным. Так, 5 апреля 1937 г., уже через пару недель после принятия дел в Кунцево Кузнецов докладывал в райком о бесхозяйственности в ромашковском колхозе «Путь Октября». Не первых порох дело ограничилось строгим выговором его председателю В.С. Чернову за несанкционированное сверху «открытие в колхозе мастерских с наймом рабочей силы»⁹⁹. В случае с председателем колхоза «Красный изваринец» М.К. Волковым формулировка письма райотдела в партийные органы была еще более жесткой: тот был обвинен в пьянстве, взяточничестве, «политике полного разложения колхоза и подрыва Советской власти»¹⁰⁰. И в том, и в другом случае сельские руководители были вначале исключены из рядов ВКП(б), а затем арестованы.

⁹⁷ См. Богданов Ю.Н. Указ. соч. С. 115.

⁹⁸ Так, в январе 1937 г. в райотдел был переправлен доклад на бывшего члена Социалистической партии США М.М. Аниковича, работавшего на заводе № 95. В нем утверждалось, что Аникович встречается с иностранцами, получает доллары из-за границы и бывает на даче, где несколько лет тому назад проживал репрессированный в ходе второго показательного процесса Г.Л. Пятаков. Проведенная проверка обвинений не подтвердила, но Аникович был арестован в феврале 1938 г. (ГАРФ. 10035/1/п-27841).

⁹⁹ Копия решения райкома ВКП(б) от 3 августа 1937 г. находится в деле п-26944.

¹⁰⁰ ГАРФ. 10035/2/18853.

Если Роберта Маннинг опиралась на партийные документы из «Смоленского архива» и не имела доступа к документам НКВД, то в случае с Кунцево ситуация прямо противоположная. По 1937 г. имеются лишь протоколы заседаний бюро Кунцевского райкома ВКП(б), причем остаются недоступными те документы, где речь идет о разборе проступков отдельных коммунистов. По 1938 году материалов вообще не сохранилось¹⁰¹. Поэтому мы ограничимся отдельными фрагментами из истории взаимоотношений райкома ВКП(б) и райотдела НКВД, которые могут послужить в лучшем случае затравкой для будущих дискуссий.

В 1936—1937 гг. в Кунцевском районе, как и во всем СССР, проходила проверка партийных документов, которая носила отнюдь не формальный характер и являлась, по существу, очередной чисткой ВКП(б). Даже в райотделе НКВД из 12 проверенных двое человек были исключены из партии¹⁰². Проверка проходила в первичных организациях, спорные случаи попадали на рассмотрение бюро райкома. В ряде случаев к проверке подлинности партийных документов и отдельных сюжетов биографии подключался райотдел НКВД. В результате органы госбезопасности получили солидный «компромат». Ряд лиц из тех, кто в ходе проверки получил те или иные взыскания, год спустя оказался в списках жертв «массовых операций»¹⁰³.

¹⁰¹ Следует отметить, что материалы партийной организации Бельского района Смоленской области тоже не сохранились (Маннинг Р. Указ. соч. С. 66). Это может быть следствием того развала и запустения, в которые привел районные организации ВКП(б) предыдущий этап репрессий.

¹⁰² Центральный архив общественных движений Москвы (далее — ЦАОДМ). 113/1/52. Л. 117.

¹⁰³ Автор имел в своем распоряжении только протоколы бюро Кунцевского райкома ВКП(б) за январь—март 1936 г. Среди исключенных за тот период были и жертвы «массовых операций» В.И. Дворецкий, А.А. Гарковик, Р.Ф. Карпило.

Звездным часом внутрипартийной демократии в ее сталинском понимании была первая фаза репрессий (осень 1936 — лето 1937 гг.), когда их жертвами становились номенклатурные работники. Солидный партстаж последних подразумевал разного рода уклоны от генеральной линии, а работа на руководящих должностях неизбежно сопровождалась конфликтом с партийными директивами или государственными законами. «Огонь по штабам», начавшийся еще в период партийной чистки 1933—1935 гг., то стихал, то возобновлялся с новой силой. Обезопасить себя от него тот или иной руководитель мог, только заручившись поддержкой сверху и собрав вокруг себя сплоченную группу единомышленников, в которую обязательно должен был входить секретарь соответствующей партийной организации.

Примерно так выглядела вотчина директора Московской областной полеводческой станции Горбатова до тех пор, пока в 1935 г. не вскрылось его якобы троцкистское прошлое и он был снят со своего поста, а позже арестован. Станция располагалась в Немчиновке, совсем недалеко от Кунцево, и райком партии был в курсе всех дальнейших перипетий клановой борьбы. Местные коммунисты выступили против «украинцев», которых привел с собой Горбатов и расставил на ключевых постах. Новый директор Н.П. Николаев, назначенный по протекции Москомзема, старался оставаться выше этой борьбы, но доверил ведение дел своему заместителю И.М. Осауленко, представлявшему фракцию «украинцев».

На протяжении 1936 г. стороны собирали компромат друг на друга, заваливая вышестоящие инстанции жалобами и заявлениями. Любая выходка работников станции получала политическое звучание, становилась аргументом клановой борьбы. Так, в фев-

рале секретарь парткома МОСП получил выговор за притупление революционной бдительности и допущение следующей антисоветской выходки: «Работница Чуркина по предложению гражданина Лобанова и нескольких домохозяек разделась и голой пробежала по улице, за что получила 100 грамм сала»¹⁰⁴.

Кунцевский райком ВКП(б), невольно становившийся соучастником подобных дразг, решил раз и навсегда навести порядок в МОСП. 1 сентября в районной многотиражке «Большевик» появилась статья с типичным для того времени названием «Троцкистские последыши в селекционной станции». Осауленко в ней выступал завзятым вредителем, который «борется против общепризнанных методов профессора Лысенко по яровизации», директор — гнилым либералом, который «не знает стахановцев, лучших людей станции». Статья завершалась выводом, что «троцкистское гнездо, свитое Горбатовым, до сих пор существует». Она не могла появиться в свет без благословения райкомовских работников. Развивая успех, парторганизация МОСП взяла на себя функции следственных органов. В декабре 1936 г. ее представитель совершил специальную поездку на Украину, чтобы собрать факты вредительской деятельности Осауленко за последние десять лет.

До поры до времени вышестоящие инстанции сдерживали активность немчиновских коммунистов, писавших им о сгнившей картошке и неубранной ржи. Во время приезда на станцию первого секретаря МК и МГК ВКП(б) Н.С. Хрущева тот попытался отшутиться: «Если у вас много вредителей, то вы их переработайте, и все». В райкоме тоже считали, что «на станции троцкизма нет, а есть бесхозяйственность».

¹⁰⁴ ЦАОДМ. 113/1/52. Л. 90—91.

В пользу «низов» ситуация изменилась в феврале 1937 г., после того как Николаев на собрании трудового коллектива МОСП опрометчиво заявил, что ввиду опасности иностранной интервенции дело социализма нельзя считать решенным. Спор, переведенный из сферы корнеплодов в теоретическую плоскость, завершился покаянием директора полеводческой станции на районной партийной конференции в мае. Это не остановило волну критики снизу и сверху. После того, как было арестовано руководство земельного управления Московской области, Николаева зачислили уже в ряды врагов народа. Следующая статья кунцевского «Большевика», вышедшая в свет 9 июня 1937 г., несла директивный заголовок «Разоблачить троцкистских последышей».

Чтобы не оказаться в хвосте событий, бюро Кунцевского райкома ВКП(б) исключило Николаева из партии, попутно указав парторганизации на недопустимое примиренчество. Бдительные коммунисты, которых руководство станции лишало премий, но так и не смогло уволить с работы, торжествовали победу. Через две недели после исключения из партии Николаев был арестован. В его следственном деле, куда были подключены еще пять человек из административного персонала станции, отложились все документы партийного разбирательства¹⁰⁵. Нет никакого сомнения в том, что они очень помогли следователям Кунцевского райотдела, только начинавшим «массовую» работу.

Район, находившийся под боком у Москвы, был весьма удобен для разного рода проверок и комиссий. В октябре 1937 г. в Кунцево работала очередная комиссия Московского обкома ВКП(б) по сельскому хозяйству. Неурядицы в этой сфере продолжались, и по-

¹⁰⁵ ГАРФ. 10035/1/п-25316. Т. 1.

сле обвинения в «политической беспечности» руководители партийной организации Кунцево начали игру на опережение. В соседнем районе были срочно запрошены компрометирующие материалы на старшего агронома земельного отдела исполкома (РайЗО) Н.И. Заливалова (выяснилось, что в ходе чистки 1933 г. ему вменялся в вину «правооппортунистический самотек в планировании севооборотов»). Уже 3 ноября он был исключен из партии, решение райкома предписывало «поручить райотделу НКВД (т. Кузнецову) провести расследование по всей деятельности Заливалова в аппарате Райзо».

Через неделю партийная директива была продублирована в приказе по этому учреждению: «За преступное планирование посевных площадей в колхозах... за массовое нарушение агроправил, за отсутствие руководства участковыми агрономами, за самоустранение от руководства закрытым грунтом... старшего агронома Заливалова с работы снять и дело передать следственным органам»¹⁰⁶. В райотделе НКВД на Заливалова велось дело-формуляр, регулярно пополнявшееся сообщениями секретного сотрудника по кличке «Редис». 27 ноября агроном был арестован, но репрессии среди руководителей сельского хозяйства района на этом не закончились. В отличие от арестов в «низах», райком партии не только находился в курсе событий, но и выступал главным поставщиком будущих жертв среди кунцевских коммунистов.

Еще до приезда областной комиссии секретарем РК ВКП(б) Ростиславовым и председателем Райисполкома Мураловым была проведена сплошная проверка кадров РайЗО и МТС района. Ее результаты были направлены в райотдел НКВД. Четверо сотруд-

¹⁰⁶ Копия приказа РайЗО от 11 ноября 1937 г. находится в деле п-26912.

ников РайЗО, имевших «плохие» анкеты, были выбраны на основе этого документа в качестве первых жертв и арестованы 27 января 1938 г. Уже через месяц их расстреляли, что было необычно быстро для того периода репрессий. Вопрос о том, «помогла» ли в этом просьба из Кунцево, остается открытым. В любом случае следователи смогли использовать четырех расстрелянных в качестве «заочных обвинителей» для фабрикации масштабного заговора кунцевских землеустроителей. Руководителем заговора позже был определен все тот же Муралов¹⁰⁷.

Аресты работников районной номенклатуры являлись составной частью мотивации к «работе за страх», на которой держалась сталинская система. 20 марта 1938 г. некоторые из них были вызваны на заседание бюро Кунцевского райкома ВКП(б), где их подвергли форменному разному. Солировал Кузнецов, переводивший обвинения в уголовно-политическую плоскость. Так, районный уполномоченный Наркомата заготовок Г.М. Лопатин «оказался совершенно неспособным по-большевистски понять задачу выполнения плана, отнесся к делу как бездушный чиновник, не мобилизовал свой аппарат..., закон о мясопоставках, как это нужно, не применил и тем самым нанес большой вред интересам государства».

Форменному разному подвергся и И.П. Бадаев, который оставался директором Кунцевской МТС и с октября 1937 г. замещал Муралова на посту председателя Райисполкома. Ему пришлось нести ответственность за все огрехи своих подопечных, вплоть до самых комичных («загон трактора в речку»). Вместе с Бадаевым был исключен из ВКП(б) и В.Т. Кохов, заместитель директора Кунцевской МТС по политчасти.

¹⁰⁷ ГАРФ. 10035/1/п-23240. О деле Муралова см. раздел во второй части книги.

Секретарь райкома партии А.Г. Белов, допрошенный по этому делу в 1940 г., утверждал, что решение принималось под давлением начальника райотдела НКВД¹⁰⁸. Несомненно, что ему была известна судьба Кузнецова, который таким образом оказывался удобным козлом отпущения.

Так или иначе, в результате недолгого разбирательства Бадаева, Лопатина и Кохова исключили из партии и тут же арестовали¹⁰⁹. Для этого в здание райкома был вызван Рукоданов. К марту 1938 г. это стало уже обычной практикой: так, в сентябре 1937 г. Кузнецов докладывал на Бюро райкома о персональных делах К.В. Скорука и И.Н. Ершкова, которые сразу же после этого превратились в подследственных¹¹⁰.

Сотрудничество заводских партийных организаций и райотдела НКВД в ходе операции по «инонациональностям» имело эпизодический характер, поскольку большинство арестованных не являлись членами партии. В случаях, когда на обвиняемого имелся компромат, он обязательно становился достоянием следствия. Начальница отдела подготовки кадров завода № 46 Т.С. Коханская (украинка, записанная в анкете арестованного как поляка) в марте 1938 высту-

¹⁰⁸ «В марте 1938 г. по сообщению бывшего начальника Райотдела НКВД Кузнецова горком обсуждал вопрос о Кохове в связи якобы с тем, что по показаниям арестованного Муралова Кохов состоял во вредительской контрреволюционной группе. По поводу выраженного сомнения в такого рода обвинениях Кузнецов сообщил, что Кохов уже полностью изобличен и на его арест уже получен ордер. Считаясь с такого рода фактом, бюро горкома приняло решение об исключении Кохова из партии» (ГАРФ. 10035/1/п-22114).

¹⁰⁹ Бадаев и Кохов писали об этом в своих заявлениях из лагерей (ГАРФ. 10035/1/п-29451, п-22114).

¹¹⁰ ГАРФ. 10035/1/п-46577.

пила против повальных арестов иностранцев¹¹¹. Ее персональное дело разбиралось в парткоме завода и она была исключена из ВКП(б), а через несколько дней арестована. В материалах следственного дела оказались стенограмма и протокол заседания парткома. «Материалы о враждебных антисоветских элементах на фабрике» посылал в райотдел НКВД и партийный комитет Кунцевской ткацко-отделочной фабрики¹¹².

Остается открытым вопрос о том, получали ли секретари первичных парторганизаций доверительную информацию от своего «куратора» из органов госбезопасности для того, чтобы успеть исключить из партии того или иного человека перед его арестом. Такое исключение рассматривалось как проявление бдительности, напротив, арест «не разоблаченного» члена партии ложился темным пятном на все его окружение.

В то же время следует признать, что даже на пике репрессий районные коммунисты отстаивали свою самостоятельность и осмеливались перечить местным органам госбезопасности. Это иллюстрирует история с приемом Каретникова в ряды ВКП(б). Чтобы стать членом партии, Каретникову пришлось летом 1937 г. приложить все свои комбинаторские способности, хотя он уже в своей автобиографии 1932 г. без тени смущения писал, что «передан в ряды ВКП(б)». Вначале первичная парторганизация райотдела отказалась давать рекомендацию, справедливо считая слишком

¹¹¹ Из выступлений на заседании парткома завода № 46 от 27 марта 1938 г.: «Коханская проявляет прямое недоверие к политике нашей партии, ее трогает и волнует то, что идет выкорчевывание врагов и шпионов, в том числе и на нашем заводе». «Видя, что на заводе разоблачают врагов, она заявляет, что якобы в Советском Союзе арестовывают всех иностранцев» (ГАРФ. 10035/1/п-33920).

¹¹² ГАРФ. 10035/2/42798.

туманными некоторые факты его биографии. Потребовался приезд на партсобрание в Кунцево целой делегации с Лубянки во главе с самим Якубовичем, чтобы дело сдвинулось с места.

Позже при прохождении его кандидатуры через райком выяснилось, что Каретников в биографии записал себя выходцем из рабочих. Секретарь райкома, не желая обострять отношения с органами НКВД, держал документы под сукном, не давая им ходу. Лишь после того, как Кузнецов, являвшийся членом бюро райкома, начал расследование об их пропаже, дело сдвинулось с места. 21 сентября 1937 г. бюро райкома утвердило перевод Каретникова в члены партии. И здесь не обошлось без очередной «комбинации»: эта процедура была проведена «по первой категории устава ВКП(б)», допускавшейся только для рабочих от станка¹¹³.

К концу 1937 г. репрессии уже невозможно было скрыть от жителей Кунцево. Слухи о ночных арестах и бесследно исчезающих людях будоражили население городка, предпочитавшее обходить стороной здание райотдела. Местная власть, наоборот, солидаризировалась со «славными чекистами». 20 декабря в Кунцево состоялось торжественное заседание райкома ВКП(б), райисполкома, городского совета комсомола и профсоюзов, посвященное 20-летию ВЧК—ГПУ—НКВД. Работники райотдела получили ценные подарки, в ответном слове Кузнецов пообещал утроить усилия по искоренению контрреволюционной нечисти. В обращении, принятом участниками заседания на имя Ежова, говорилось: «Вы, верный сын нашей партии, до конца преданный делу Ленина и Сталина, беззаветно любящий свой народ и родину, воспитавший в

¹¹³ ЦАОДМ. 113/1/596. Л. 271.

себе замечательные черты организатора ВЧК Феликса Дзержинского, встав во главе Наркомвнудельцев за короткий срок с помощью своего (sic!) многомиллионного трудящегося народа разоблачили и ликвидировали осиные гнезда этих наемных лакеев фашизма, террористов, диверсантов, вредителей, шпионов. За это весь советский народ шлет Вам сердечную благодарность»¹¹⁴.

За потоками безмерной лести, на свой манер пересказывавших передовицы «Правды», скрывался страх районного руководства самому оказаться в числе «наемных лакеев». Его дальнейшая судьба определялась в кабинетах райотдела НКВД. После своего ареста Каретников заявил, что «Муралов давал показания о конкретной контрреволюционной деятельности Морозова — бывшего секретаря Кунцевского РК ВКП(б), снятого с работы Московским комитетом партии за правотроцкистскую работу, Крылова — второго секретаря РК ВКП(б) и других работников райкома... Когда Муралов начал давать показания на вышеперечисленных участников контрреволюционной организации, то я убедил оперуполномоченного Рукоданова в том, что Муралов якобы клеветает на честных работников и запретил Рукоданову записывать эти показания в протокол, таким образом ряд участников этой нелегальной организации нами был сохранен...»¹¹⁵.

Действительно, МК ВКП(б) специальным решением от 26 ноября 1937 г. посчитало причиной низкой урожайности в колхозах Кунцевского района слабую работу райкома партии. Через два дня на пленуме от своих постов были освобождены Морозов и его заместитель Ростиславов¹¹⁶. Почему районные органы госбезопасности не воспользовались предоставившимся

¹¹⁴ Там же. Д. 57. Л. 58.

¹¹⁵ Из показаний Каретникова от 7 февраля 1939 г.

¹¹⁶ ЦАОДМ. 113/1/57. Л. 40.

шансом разоблачить заговор в партийной верхушке Кунцево, остается загадкой. Вероятно, в ноябре все внимание оперативных работников было сосредоточено на выполнении приказа № 00447, а позже, в марте 1938 г., когда речь зашла о вредителях, волна арестов прошла только по номенклатуре райисполкома во главе с Мураловым. Из освобожденных работников ВКП(б) в Кунцево пострадали только те, кто уже лишился своих партийных постов — политрук районной МТС Кохов и секретарь парткома завода № 46 Мишин.

Столь же удивительным и необъяснимым было спасение директора Одинцовского лесокомбината М.И. Объедкова. Хотя его арестованные коллеги живописали развал предприятия, рисуя целые схемы хищений, в декабре 1937 г. Каретников ограничился передачей собранных материалов «для соответствующей реализации в Кунцевский РК ВКП(б)»¹¹⁷.

Пиетет местных работников госбезопасности по отношению к партийным руководителям района не был постоянной величиной. В ряде случаев секретари райкомов ВКП(б) Московской области пытались контролировать деятельность органов внутренних дел, сигнализировали о творившемся там беспределе. Так, начальник Воскресенского райотдела НКВД Московской области В.М. Сукуров требовал от своих подчиненных, чтобы при вызове в райком они хранили молчание, ссылаясь на тайну следствия. Конфликт местного райкома и райотдела завершился в пользу последнего — в сентябре 1937 г., сразу же после начала массовых репрессий в районе, был арестован и первый секретарь РК ВКП(б) Горбульский. Хотя участие в этом Сукурова несомненно, арестовывать и производить обыск в его кабинете приехали сотрудни-

¹¹⁷ ГАРФ. 10035/1/п-46575.

ки областного управления НКВД, в том числе лично начальник 8 отделения контрразведывательного отдела Каверзнев¹¹⁸.

Репрессии первых лиц в партийной иерархии Подмосковья являлись обыденным делом. В Серпуховском районе был арестован секретарь райкома партии М.Н. Никифоров, которого заставили подписать вымышленный протокол допроса. Кроме того, один из следователей «пытался оклеветать 1-го секретаря Серпуховского ГК ВКП(б), написав на него клеветническое заявление в Президиум районной конференции, которое составил на основании вымышленных компрометирующих материалов»¹¹⁹.

Напротив, в Бельском районе Смоленской области коммунистам в сентябре 1937 г. удалось добиться исключения из партии начальника райотдела НКВД Виноградова¹²⁰. Так что вряд ли можно построить некую схему взаимоотношений партийных органов и органов госбезопасности, действовавшую повсеместно. Их сотрудничество в отборе жертв «большой чистки» являлось постоянной величиной. Исход же их соперничества был отнюдь не предопределен и зависел от степени личной неприязни первых лиц того или иного района.

«Самоснабжение» кунцевских чекистов

В Советском Союзе с начала 1930-х гг. рыночная система распределения потребительских товаров была вытеснена административным рационированием, да-

¹¹⁸ Из архивно-следственного дела Горбульского (ГАРФ. 10035/1/п-22682).

¹¹⁹ Из справки по архивно-следственному делу В.И. Хватова (ГАРФ. 10035/1/п-64568).

¹²⁰ См.: Маннинг Р. Указ. соч. С. 68. Был ли Виноградов после этого арестован, уволен из органов или направлен на повышение, неизвестно.

вавшим власти возможность неограниченного контроля над населением огромной страны. Остап Бендер, имея заветный миллион, не мог ни попасть на поезд, ни устроиться в гостиницу. Гораздо большую роль, нежели обладание советскими дензнаками, играл доступ к материальным ценностям, в свою очередь делившийся на две категории. «Верхи» обладали закрытыми распределителями продуктов и промтоваров по твердым ценам, в то время как обычные граждане после отмены в середине 1930-х гг. карточной системы переплачивали в системе коммерческой торговли¹²¹.

Если этот путь снабжения был хотя и тщательно замаскированным, но все же легальным, то второй путь считался криминальным и жестоко преследовался. Речь идет о «самоснабжении», т.е. незаконном использовании людьми своего служебного положения для поправки положения материального. Начиная от обычной буфетчицы и кончая директорами крупных заводов, они фактически вели партизанскую борьбу с системой, поставившей под свой контроль все общественное достояние страны, хотя руководствовались при этом не политическими, а корыстными интересами. Складывалась иерархия «блатных» профессий, представители которых обрастали «нужными людьми» и двигали практику «самоснабжения» вширь и вглубь. Излишне говорить о том, что подобная взаимопомощь являлась составной частью неформальных отношений, которые мы выше определили как клановые. Было бы наивным считать, что она отсутствовала в работе и быту сотрудников НКВД, хотя они помимо солидного денежного довольствия имели собственную систему материального обеспечения.

¹²¹ См. подробнее: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941. М., 1997.

Власть заменяет собственность — этот избитый афоризм советских времен был вдвойне справедлив на пике сталинизма. Представители партийно-политической элиты СССР в 1930-е гг. формировали собственную шкалу материального успеха, одно из первых мест в которой занимало обладание престижной квартирой и наличие легкового автомобиля (как правило, служебного). И тем и другим работники органов госбезопасности обеспечивались в полной мере. Период массовых репрессий открыл в этой сфере невиданные возможности. Размеры жилплощади и количество проживающих на ней тщательно фиксировались в протоколе ареста и обыска. Если там был прописан только арестованный, комнаты печатавались и переводились на баланс Административно-хозяйственного отдела УНКВД, а затем распределялись среди нуждающихся сотрудников управления. В случае, если в квартире проживали члены семьи, она оставалась в их распоряжении. Однако не было правил без исключений, и к числу последних относилось так называемое «элитное жилье».

В следственных делах 1937—1938 гг. содержатся материалы, раскрывающие механизм квартирного «самоснабжения». При обыске квартиры Муралова, располагавшейся в Петровском переулке, Каретников опечатал две из трех комнат и предупредил домочадцев, что им следует ждать «уплотнения». Однако в горячке чекистских будней о лакомом кусочке забыли. Уже после того, как Муралов был осужден, его жена летом 1939 г. попыталась вернуть себе жилплощадь. Напрасно: через пару недель в опечатанные комнаты уже вселялся сотрудник НКВД¹²².

¹²² ГАРФ. 10035/1/п-25777.

После перевода в Кунцево Кузнецов получил трехкомнатную квартиру в центре Москвы, на Гоголевском бульваре, что считалось пределом мечтаний для работника такого уровня. При составлении списка репрессированных Кунцевским райотделом мне бросился в глаза знакомый адрес одного из них — как оказалось, Кузнецов вселился квартиру корейца Сан-Таги Кима. Последний работал в 1919 г. в Моссовете, позже выезжал к себе на родину с заданиями Коминтерна, а накануне ареста работал заместителем начальника цеха Одинцовского кирпичного завода, располагавшегося на территории Кунцевского района. Была ли его шикарная квартира причиной ареста или о ней сообщили Кузнецову уже после задержания Кима, неизвестно.

Так или иначе, начальник райотдела не упустил своего шанса. После ареста Кима в его квартире оставались проживать жена и двое детей, но, очевидно, и для них нашлась подходящая ведомственная инструкция или статья Уголовного кодекса. Отсидев десять лет в лагерях и оказавшись в ссылке, Сан-Таги Ким так и не смог разыскать свою семью¹²³. Зато Кузнецов приобрел достойные апартаменты — вдали от Кунцево, но совсем недалеко от Кремля. Можно не сомневаться, что по такой же технологии вселился в квартиру на Сивцевом Вражке возглавлявший райотдел НКВД в 1934—1936 гг. Багликов.

Вскоре рядом с начальством, в знаменитых арбатских переулках, приобрел просторную трехкомнатную квартиру и Каретников. Его способ решения «квартирного вопроса» можно реконструировать в мельчайших деталях. Он граничил с откровенным криминалом и в конечном счете привел в движение бюро-

¹²³ ГАРФ. 10035/1/п-47575.

кратическую машину, покончившую с господством кунцевского дуумвирата. Но об этом ниже. Пока же ограничимся выводом о том, что «самоснабжение» работников НКВД в подшефном районе в те годы являлось обычной практикой. По телефонному звонку в райотдел привозили фрукты из окрестных совхозов¹²⁴, за счет кунцевских заводов закупалась мебель и производился ремонт¹²⁵. Один из коллег делился своими впечатлениями: «Будучи раза два на квартире Каретникова, я видел очень хорошую обстановку, радиолу, зеркала и т.п. При этом Каретников хвастался, что все это сделано за бесценок благодаря связям на тех объектах, которые он обслуживает»¹²⁶. Для того чтобы добираться в Кунцево из своей новой квартиры в Москве, тот же Каретников пользовался легковой машиной «ГАЗ-А». Машина была реквизирована в пользу райотдела после ареста ее владельца, директора завода КИМ Н.И. Лазарева. Мебель из его квартиры получил «на сохранение» другой сотрудник НКВД.

Вещи арестованных порой просто разворовывались. Об этом сообщал, в частности, в своем рапорте от 2 января 1939 г. кунцевский фельдъегерь Рошин, которого также привлекали к оперативной работе:

¹²⁴ «Я брал бесплатно из совхоза завода № 22 фрукты и овощи, например, в 1937 г. я для Радзивиловского и Якубовича получил из этого совхоза 3 ящика яблок и 45 кило фруктов. Якубович неоднократно звонил по телефону и требовал доставки ему фруктов, овощей и т.д.» — из показаний И.Д. Берга (ГАРФ. 10035/1/п-67528).

¹²⁵ Дело доходило до анекдотических мелочей: в деле Берга есть показания врача, которая являлась секретной сотрудницей органов госбезопасности, о том, что ее принуждали носить на агентурные встречи «сэкономленный» спирт.

¹²⁶ Из рапорта оперуполномоченного Иосифова начальнику 4-го отдела УНКВД МО Петровскому от 20 июля 1938 г.

«Процветала пьянка во время служебного времени, а также и присвоение разных вещей арестованных, а именно патефонных пластинок. Каретников присвоил ружье и, найдя при обыске много денег, не внес их в протокол». В заявлениях тех, кто прошел через камеры Кунцевского райотдела, неоднократно отмечалось, что охранники щеголяли в новых часах, портупеях и т.д. перед их бывшими владельцами. При аресте главного механика завода № 95 М.М. Авдеенко был изъят его мотоцикл с коляской, который затем бесследно исчез¹²⁷.

В горячке репрессий, которая валила с ног простых оперативных сотрудников, Кузнецову и его неформальному заместителю хватало времени не только для личного обогащения и продвижения собственной карьеры, но и для «снятия психологической нагрузки». Домик во дворе райотдела, где проживали его сотрудники и куда по знакомству была поселена свояченица Якубовича, продолжал оставаться местом шумных вечеринок. Постоянными гостями были здесь бывшие начальники Каретникова, его самого неоднократно увозили в Москву на служебном транспорте мертвецки пьяного. Если гулянки с приглашением высокопоставленных гостей из Москвы выделяли Кунцевский райотдел из числа остальных, то использование политических репрессий для поправки материального положения сотрудников НКВД низового звена являлось достаточно распространенным явлением.

Роберта Маннинг считает начальника Бельского райотдела НКВД Смоленской области Виноградова «самым коррумпированным из бельских коммунистов», не гнушавшимся даже реквизицией добротной обуви арестованных¹²⁸. Выходец из Кунцево Багликов перевез к себе кожаную мебель из квартиры своего

¹²⁷ ГАРФ, 10035/1/п-26549.

¹²⁸ Маннинг Р. Указ. соч. С. 99.

арестованного коллеги, кстати, когда-то допрашивавшего его самого. Факты «самоснабжения» отдельных сотрудников разбирались партийной организацией Ульяновского горотдела НКВД — речь шла о спекуляции товарами (мануфактурой, велосипедами), полученными под административным нажимом прямо с производивших их заводов. Позже выяснилось, что руководители горотдела за бесценок скупали вещи, конфискованные у осужденных. Оперативные сотрудники, задействованные на расстрелах, шли еще дальше. Они отнимали деньги и ценности у своих жертв и тратили их на приобретение спиртных напитков, чтобы снять накопившиеся эмоции¹²⁹.

В следственном деле на бывшего сотрудника Серпуховского райотдела УНКВД МО В.И. Хватова сохранилось анонимное письмо, автор которого приводил следующий пример: Хватов купил у одного фотографа мотоцикл, однако денег не заплатил, а арестовал его, и тот был осужден. Письмо заканчивалось так: «А сколько арестовано людей по мотивам чисто корыстного характера — вроде один отказал в отпуске масла-молока, другой — мануфактуры, третий не дал машины и т.п.»¹³⁰ Действительно, в маленьком городке или сельском райцентре все было как на ладони, и злоупотребления представителей власти, будь то участковый милиционер или уполномоченный госбезопасности, невозможно было скрыть от окружающих.

Когда речь заходит о рядовых исполнителях сталинских репрессий, следует иметь в виду, что это были не стандартные шестеренки бездушного механизма, а живые люди, каждый из которых пропускал происходившее через свое сознание и чувства. Здесь следует

¹²⁹ См.: Книга памяти жертв политических репрессий Ульяновской области. Т. 1. С. 876.

¹³⁰ Из справки по архивно-следственному делу В.И. Хватова (ГАРФ. 10035/1/п-64568).

быть очень осторожным в обобщениях. Большинство сотрудников НКВД воспринимало директивы сверху как очередной виток классовой борьбы или выражение тайных замыслов великого вождя, не доступных простому смертному. История Кунцевского райотдела в 1937—1938 гг. показывает, что были среди них и такие, кто упивался собственной властью над беззащитными людьми, использовал их трагедию в корыстных целях, оказавшись в конечном итоге халифом на час.

Но была и другая сторона медали — заинтересованность руководителей всех уровней в подобном типе людей. В конце концов не подарки и вечеринки определяли благосклонное отношение московского начальства к кунцевским подчиненным. Ударники на местах всячески поощрялись, ибо разгружали Лубянку от непомерных «лимитов», позволяли бодро рапортовать о собственных победах. Без тысяч каретниковых и сотен кузнецовых не могли быть реализованы абсурдные планы полного уничтожения «антисоветского элемента» на всей территории СССР.

Конец «дуумвирата»

Сигналы о произволе сотрудников госбезопасности в Кунцевском районе поступали в партийные инстанции и руководство наркомата постоянно. Писали не только подследственные, но и сами сотрудники райотдела. До тех пор, пока в креслах руководителей областного управления НКВД оставались «свои люди», все эти письма, анонимные и подписанные, клались под сукно. Ситуация изменилась после того, как начала разваливаться команда Радзивиловского. Сам он накануне массовых репрессий был переведен на работу в Ивановскую область, но на ключевых постах в УНКВД МО оставались Якубович и Сорокин.

В июле 1938 г. и тот, и другой были переброшены на Дальний Восток. Обстоятельства этих кадровых перестановок напоминали ссылку, на деле предвзялая аресты обоих. Члены команды Радзивиловского, оставшиеся в Москве, окончательно потеряли покой. Каретников обратился к своему бывшему коллеге, секретарю Якубовича Ермакову за разъяснениями и получил такой ответ: «Ты, Витя, не бойся, Сорокин, передавая дела новому начальнику 3 отдела..., сказал последнему о том, что если он будет «копаться» в его делах, то он сядет вместе с ним. Так что в 3 отделе будет все в порядке»¹³¹. Однако тучи над приближенными Сорокина и Якубовича неумолимо сгущались.

12 июля 1938 г. на стол наркома Ежова лег документ, подписанный новым начальником Московского управления НКВД В.Е. Цесарским. В нем шла речь о на первый взгляд рядовом факте — использовании Каретниковым служебного положения для получения квартиры. Обстоятельства этого дела заслуживают подробного изложения. В конце марта 1938 г. Каретников вел следствие в отношении большой группы работников кунцевского завода № 46. При аресте В.П. Куборского, бывшего начальника отдела снабжения завода, он обратил внимание на шикарную трехкомнатную квартиру в центре Москвы, в Большом Власьевском переулке, где арестованный вместе с женой занимали две комнаты. Сам Каретников только в январе 1938 г. получил комнату в Москве, но явно не собирался останавливаться на достигнутом. Вскоре выяснилось, что на желанной жилплощади был прописан еще и квартирант. Дальнейшие действия пред-

¹³¹ Из допроса Каретникова от 9 февраля 1939 г.

примчивого сержанта госбезопасности сделали бы честь сюжету любого криминального романа.

Как написано в справке на арест, «Каретников мерами физического воздействия добился показаний от Куборского о том, что, якобы, Литвак Яков Григорьевич, остававшийся проживать на квартире Куборского, является участником к/р шпионско-диверсионной организации. Не имея права на подпись ордеров на арест, как Оперуполномоченный, Каретников 22 марта 1938 г. подписал ордер на арест Литвака Я.Г. Арестовав г-на Литвака, по национальности еврея, Каретников дал установку сотруднику Райотдела НКВД Петушкову показать Литвака в следственном деле, как поляка. Петушков выполнил указание Каретникова путем преступной подделки документов — внес в анкете арестованного вместо “еврей” — “поляк”, а также и в протоколе допроса оставил свободное место и после подписи страницы гр-ном Литваком внес слово “поляк”.

Учитывая то обстоятельство, что после ареста Куборского и Литвака на квартире оставалась проживать жена Куборского — Куборская Мария Алексеевна, Каретников вошел в сделку с обвиняемым Куборским, попросив обменять свою комнату с его женой. Получив согласие Куборского на обмен своей квартиры на квартиру Куборских, Каретников незаконно разрешил свидание Куборской М.А. со своим мужем обвиняемым Куборским. Далее, решив не менять свою комнату на квартиру Куборских, Каретников через Петушкова добился показаний от Литвака и других обвиняемых, что Куборская Мария тоже шпионка и 29 марта 1938 г. арестовали [также и] ее. Желая замести следы преступления и представить Куборскую в самом отрицательном виде, ведущий следствие Петуш-

ков, по установке Каретникова, подделал документ — в анкете арестованного уже после подписи арестованной внес надпись “отец крупный помещик”, в то время как Куборская показала, что ее отец мещанин. После ареста Куборской Каретников, получив записку от бывшего зам. начальника Управления НКВД МО Якубовича на получение ордера, вселился в квартиру Куборских, свою же комнату променял с гражданином Зайцевым, проживавшим через коридор от Куборских и теперь занимает отдельную квартиру из 3-х комнат около 50-ти квадратных метров. Используя служебное положение, Каретников за счет завода № 95 отремонтировал всю квартиру».

В немалой степени эта афера являлась составной частью беспредела репрессий, творившегося не только в Кунцевском районе. Но было и существенное отличие. Массовые аресты санкционировались «сверху», а вот решение квартирного вопроса стало проявлением частной инициативы, как известно, наказуемой. Руководство НКВД, ежемесячно обрекавшее на смерть десятки тысяч невинных людей, щепетильно заботилось о чистоте своих рядов. Кроме того, квартирные махинации Каретникова позволили свести с ним старые счета его кунцевским коллегам, а также тем сотрудникам областного управления, кто отказывался видеть в массовых репрессиях источник личного обогащения.

Позже Багликов в своих показаниях записывал разоблачение на свой собственный счет: «Из попавшего мне в руки оперативного документа мне стало известно, что близкий родственник Якубовича оперуполномоченный Кунцевского РО Каретников совершил преступные действия в отношении арестованного Куборского, незаконно, с ведома Якубовича, заняв 4-х комнатную квартиру, а имущество, подлежащее конфи-

скации, самолично возвратил родственникам. С приходом в УНКВД МО Цесарского, не предъявляя этого документа Якубовичу, я о нем письменно рапортом доложил Цесарскому». Отметим, что Багликов стремился отомстить не столько Каретникову, сколько самому Якубовичу, которого он считал причиной своих семилетних скитаний по райотделам Подмосковья¹³².

Так или иначе, заявление Литвака прокурору Вышинскому, написанное 6 июля в Бутырской тюрьме на клочке бумаги, не покинуло стен Наркомата внутренних дел и моментально запустило механизм служебной проверки. Оно стало той самой каплей, которая переполнила чашу терпения «верхов» и перевесила соображения кастовой солидарности. Отдадим должное мужеству человека, фигурировавшего в деле Каретникова только как квартирант. Литвак не побоялся поставить под сомнение светлый образ чекиста и детально изложил факты, сопутствовавшие его аресту:

«Я являюсь жертвой тяжкого государственного преступления, совершенного следователем Кунцевского Р.О. НКВД Каретниковым в личных корыстных целях. 18.III. следователь Каретников арестовывал моего соседа по квартире гр. Куборского. Во время обыска у Куборского Каретников зашел ко мне в комнату и в разговоре со мной внезапно заявил мне: “Я вам рекомендую освободить эту комнату”. На мой недоуменный вопрос “Почему?” Каретников ответил: “Иначе для тебя будет хуже”»¹³³.

Очевидно, описанный эпизод выглядел для руководства УНКВД более кощунственно, нежели доводы Литвака о том, что он никак не был связан с секретами патронного завода. Цесарский отправил в Кунцево

¹³² ГАРФ. 10035/1/п-7698.

¹³³ ГАРФ. 10035/1/п-4961.

комиссию во главе с начальником отделения при секретариате областного управления Никитиным, которая ознакомилась с материалами дел, а также допросила 8 июля Литвака и Куборского. Факты подтвердились полностью — в анкете арестованного повар «еврея» было написано «поляк», Каретников бил Куборского книгой «Вся Москва», чтобы добиться не только признаний в шпионской деятельности, но и разрешения на обмен квартиры. Получив согласие, он тут же позвонил жене Куборского, но к телефону подошел Литвак. Каретников страшно разозлился и тут же отправил подчиненных его арестовать. Затем он устроил Куборскому свидание с женой и даже пообещал помочь с переездом на новую жилплощадь.

Позже Куборский (допрос от 2 декабря 1938 г.) дополнил некоторые детали: «Арестовывал меня Каретников, когда я был приведен к нему в кабинет, я был сильно им избит и потерял сознание, а 22 марта Каретников пришел в камеру арестованных и спросил, могу ли я ходить, я ответил, что могу. Каретников тут же задал мне вопрос: “Понял ли я все то, что происходит и может ли он писать мои показания”, я ответил, что понял... Когда я подписал протокол, Каретников, обращаясь ко мне, сказал: “Уступи мне свою квартиру”. Я ответил, что там живет квартирант. Каретников на это заявил, что квартирант сволочь и он послал его арестовать. После, когда я уже сидел в камере, туда же был приведен арестованный Каретниковым мой квартирант Литвак»¹³⁴.

Уже в июле, очевидно, почувствовав, что дело с квартирой может обернуться плохо, Каретников предпочел подстраховаться, срочно женившись и прописав в свою трехкомнатную квартиру жену с ребенком и ее

¹³⁴ ГАРФ. 10035/1/п-25482.

отца. Кроме того, он обратился за помощью к старому покровителю Радзивиловскому, который с апреля 1938 г. работал в центральном аппарате НКВД. Тот посоветовал написать заявление о переводе на другое место службы и затаиться¹³⁵. Но и это уже не помогло. Через пять дней после свадьбы, 13 июля 1938 г. Каретникова арестовали, а семью после окончания следствия выселили из шикарных апартаментов (оставшихся в распоряжении НКВД) в деревянный сарай.

На фоне нескольких сотен невинных людей, отправленных к тому времени кунцевскими палачами на расстрел в Бутово или в систему ГУЛАГа, описанные выше квартирные махинации выглядели просто безобидно. Наряду с ними Каретникову инкриминировалась только служебная халатность: на обслуживаемом им оборонном заводе продолжают работать «109 человек кулаков, сынов кулаков и прочего антисоветского элемента» и никто из них до сих пор не репрессирован! В справке на его арест человеку, знакомому с этим видом документации НКВД, сразу бросается в глаза отсутствие стандартной фразы: «изобличается показаниями арестованных...» Каретников оказался первым из команды, в которой он сам являлся всего лишь «пешкой» (так назовет его один из допрашивавших следователей). Но пешкой, на которую многие ставили и которая прочно уверовала в собственную безнаказанность.

Как это ни парадоксально, «квартирный вопрос» предрешил судьбу не только самого Каретникова, но и некоторых из его жертв. В постановлении об освобождении Литвака, которое 22 июля подписал Цесарский, содержалась важная фраза: «В отношении других лиц, проходящих по следственному делу 9160,

¹³⁵ Из показаний Каретникова 7 февраля 1939 г.

произвести дополнительное расследование»¹³⁶. Хотя кроме Литвака никто из нескольких десятков работников завода № 46 в 1938 г. так и не был освобожден, дело было «законсервировано» и подследственные дождались его пересмотра.

Оказавшись по другую сторону тюремной решетки, Каретников не собирался сдаваться. Даже потеряв надежду на высоких покровителей, он был уверен в своей полезности и варьировал показания в зависимости от конъюнктуры репрессий в высшем эшелоне НКВД. Так, на допросе 29 августа 1938 г. Каретников признался, что Сорокин еще в 1936 г. завербовал его в подпольную организацию. Сорокина, на пару недель ставшего начальником УНКВД Уссурийского края, арестовали 16 сентября, а через три дня с Дальнего Востока прибыл и Якубович. В справке по архивно-следственному делу последнего говорилось: «Основанием для ареста Якубовича Г.М. послужили показания арестованных в 1938 г. Каретникова В.П. и Шейдина П.А. о том, что в системе Управления НКВД Московской области существует троцкистская группа, в которую кроме них входят: быв.зам.нач. УНКВД МО Якубович, быв.зам.нач. СПО Сорокин, быв.зам.нач. УНКВД МО Радзивилловский А.П., нач. Кунцевского райотделения УНКВД МО Кузнецов, секретарь Радзивилловского — Соломатин, быв. нач. АХО УНКВД МО Берг. Участники названной троцкистской группы, используя свое служебное положение, проводили подрывную работу по сохранению от арестов активных троцкистов и других антисоветских формирований».

¹³⁶ В рамках дела № 9160, развернутого Каретниковым в марте 1938 г., была арестована большая группа работников патронного завода. Подробнее об этом см. следующий раздел.

Позже Каретников, почувствовав перемену настроения допрашивавших его следователей, отказался признавать свое соучастие в работе контрреволюционной организации. Сентябрьские допросы носили фамильярный характер и не фиксировались в деле, их содержание можно восстановить только по более поздним показаниям Каретникова. Последнего буквально успокаивали тем, что повсюду разоблачаются «серьезные вражеские гнезда и в числе участников контрреволюционной организации были такие же пешки, как и ты», для них наказание зачастую ограничивается переводом на работу в систему ГУЛАГа.

То же самое происходило и при допросах Берга, арестованного 3 августа по цепочке, тянущейся от Каретникова. Его уговаривали признать моральное разложение и «самоснабжение», обещая за это срок в три года¹³⁷. Поскольку и следователь, и подследственный были посвящены в то, как тогда фабриковалось обвинение, их диалог сводился не к тому, что было, а к тому, что нужно. Ситуация радикально изменилась только после того, как под Ежовым зашаталось кресло

¹³⁷ «Тительман вызывал меня на допросы и требовал показания не о контрреволюционной деятельности, а уговаривал меня, чтобы я признался в злоупотреблениях. Говорил, что я воровал деньги, что я жулик, а не контрреволюционер. Закупал незаконно Заковскому мебель и т.д. Я категорически свою вину в присвоении денег отрицал, но Тительман мне говорил, что признавайся в этом и ты уедешь работать в лагеря, а то смотри, из тебя сделают троцкиста и тогда будешь отвечать за контрреволюционные дела» — Из допроса Берга от 29 декабря 1938 г. (ГАРФ. 10035/1/п-67528). Тительман отдавал себе отчет в двусмысленности своего положения и старался не перегибать палку ввиду того, что его подследственные могли вновь оказаться не только на свободе, но и в рядах сотрудников НКВД. Позже он сам будет арестован за «соучастие в контрреволюционном заговоре».

наркома внутренних дел. Его наследнику нужны были серьезные жертвы, чтобы свалить на них ответственность за произвол 1937—1938 гг., и к кунцевскому делу вновь проснулся интерес.

Справка на арест Кузнецова была завизирована Берией, только что ставшим первым заместителем наркома внутренних дел, 21 сентября 1938 г. Бросается в глаза то, что готовили ее явно наспех: среди прочего Кузнецов обвинялся в связи с директором фабрики им. КИМ Лазаревым, который на самом деле был арестован еще в июне 1937 г. Напротив, в справке отсутствовали указания на то, что в августе был арестован брат начальника Кунцевского райотдела Дмитрий Кузнецов, работавший на высоком посту в наркомате путей сообщения. Не было в справке и ссылок на донос, запустивший механизм служебной проверки. Сосед Дмитрия Кузнецова сообщал в НКВД о том, что ночью 18 августа его брат Александр в форме офицера госбезопасности вместе с женой Дмитрия выносил вещи из их квартиры и грузил в машину, чтобы уберечь от возможной конфискации¹³⁸. Естественное стремление помочь родне, помноженное на крестьянскую скардность, сгубили кунцевского выдвигенца.

Арестовали Кузнецова 26 сентября на крымском курорте Алушта, в санатории железнодорожников. На допросах он выражал готовность признать любое обвинение, каким бы абсурдным оно не являлось («на путь борьбы с советской властью я вступил с первых же дней ее существования»). Однако следователи, как и в случае с Каретниковым, выжидали указаний начальства, в какую сторону разворачивать дело. В начале

¹³⁸ На машинописной копии доноса есть виза Цесарского от 28 августа: «Петровскому проверить и доложить».

1939 г. затянувшееся затишье сменила спешка, которая явно свидетельствовала об указании свыше. 17 января в обоих делах появилось постановление о продлении следствия, и началась серия допросов. 10 февраля состоялась единственная очная ставка Кузнецова и Каретникова, и в тот же день обвиняемым было объявлено о передаче их дел в судебные органы.

Следствие вернулось к первоначальной версии о контрреволюционном заговоре в руководстве УНКВД Московской области, участники которого ставили своей задачей сохранить троцкистские кадры, а в перспективе «заговорщики путем вооруженного переворота должны были свергнуть существующее правительство и захватить власть в свои руки»¹³⁹. Массовые аресты невинных людей должны были озлобить население против советской власти (эта фраза, часто фигурировавшая в делах бывших сотрудников НКВД, снимала ответственность с подлинных инициаторов террора 1937—1938 гг.). На последних допросах Каретников заученно называл имена своих бывших покровителей, ныне превратившихся в саботажников и шпионов. Фальсификации нового поколения не слишком отличались от предыдущих.

Показания Каретникова фигурировали в деле еще одного кунцевского чекиста — Багликова, арестованного 8 января 1939 г. Круг замкнулся — еще не так давно именно он разоблачил квартирные махинации «блатмейстера». В отличие от Каретникова и Кузнецова Багликова не подвергали физическому воздействию, и он откровенно говорил следователю, что «арестован механически», т.е. оказался в роли одного из козлов отпущения, необходимых для реабилитации высших сфер. После того, как следствие по его делу

¹³⁹ Из показаний Каретникова от 5 февраля 1939 г.

свернуло с проторенной дороги «контрреволюционно-го заговора» на извилистый путь «служебных нарушений и самоснабжения», оно зашло в тупик. Несколько раз дело отправлялось на исследование, пока в ноябре 1939 г. в нем не появилось решение «уголовное преследование Багликова прекратить, ограничившись увольнением его из органов НКВД»¹⁴⁰.

Его наследника на посту начальника Кунцевского райотдела НКВД ждала иная судьба. 26 февраля 1939 г. состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Кузнецова. Обвиняемый от своих показаний отказался, заявив, что они были даны под нажимом следствия. «"Липовых" дел не создавал. Аресты проводил только после санкции областного управления». Тем не менее он был приговорен к расстрелу. Каретников предстал перед тем же судебным органом 2 марта и тоже получил высшую меру наказания. Приговоры были приведены в исполнение на следующий день. На этом закончилась короткая история двух человек, двух сотрудников госбезопасности, звездным часом которых стал год «большого террора». Откатившись, его волна унесла с собой не только жертвы, но и их палачей.

Кунцевский райотдел под следствием

Осенью 1938 г. сотрудники Кунцевского райотдела НКВД могли еще только гадать о судьбе Кузнецова и Каретникова, пока те сидели во внутренней тюрьме на Лубянке и ожидали решения своей участи, будучи заложниками клановой борьбы на самой вершине власти. Новым начальником райотдела стал лейтенант госбезопасности А.Ф. Сененков, которого переброси-

¹⁴⁰ ГАРФ. 10035/1/п-7698.

ли «закрывать прорыв» из одного из столичных районов. В помощь ему из Коломенского района был переведен оперуполномоченный А.Г. Леонов (год спустя после ухода Сененкова на повышение в УНКВД МО он возглавит Кунцевский райотдел).

Новому начальству пришлось столкнуться с большим количеством следственных дел, которые были возвращены из областного управления как «недоработанные». Торможение сверху началось после того, как были закончены массовые операции, в то время как на местах еще сохранялась их инерция. Согласно показаниям оперативного сотрудника Воскресенского райотдела НКВД Власова «в мае месяце нам было возвращено на доследование 45—50 дел по шпионажу, но одновременно было получено указание из Таганской тюрьмы никого не освобождать и если вопрос о шпионаже срывается, то добиваться антисоветских показаний»¹⁴¹.

Подобная практика в Кунцево проводилась вплоть до арестов Кузнецова и Каретникова. Затем числившиеся за райотделом и находившиеся в московских тюрьмах подследственные были «заморожены», их по несколько месяцев не вызывали на допрос. После смены Ежова Берией работа органов госбезопасности начала вводиться в нормальное русло. Кунцевские оперуполномоченные надеялись, что корпоративные интересы возьмут верх и им удастся выйти сухими из воды. В служебных кабинетах здания по улице Загорского поменяли обязательный портрет наркома и затаились. Но похоронить произошедшее так и не удалось.

Поток жалоб от подследственных и их родственников ни иссякал, и в Кунцево зачастили проверяю-

¹⁴¹ Показания Власова находятся в деле п-40802.

щие из Москвы. Согласно докладу сотрудника 2 отдела Булкина начальнику УНКВД МО В.П. Журавлеву от 7 декабря 1938 г., им было просмотрено 37 незаконченных следственных дел, и почти в каждом из них установлены нарушения уголовно-процессуального кодекса. Сененкову было предложено срочно провести новое следствие и подготовить дела для передачи в суд¹⁴².

Всем сотрудникам райотдела, имевшим отношение к проведению массовых репрессий, пришлось заняться написанием рапортов и объяснительных о вредительстве своих вчерашних начальников. Эти документы уже неоднократно цитировались выше, без них мы не имели бы сколько-нибудь полной картины событий. Ценность подобных документов подтверждают их неоднократные публикации¹⁴³, хотя и к этому типу источников следует подходить достаточно осторожно. Их авторы не выступали в роли беспристрастных хронистов, на первом месте для них стояло самооправдание.

Каждый факт сопротивления начальству оказывался на вес золота, становился залогом собственной реабилитации. Поэтому рапорты выдержаны в нехарактерном для этого жанра бытовом стиле, полны эмоций и невысказанных обид. Естественно, вся ответственность за произошедшее перекладывалась на бывшее начальство, а особенно на Каретникова, который «оперативной работой не занимался, все время устраивал какие-то блатные дела, как для себя, так и

¹⁴² На рапорте имеется виза Журавлева: «Губочкину использовать для следствия. Выделить двух оперработников и послать в помощь. О результатах доложить. 8 декабря».

¹⁴³ См.: «Воля. Журнал узников тоталитарных систем», №№ 1—7, а также «Бутовский полигон», выпуски 1—4. Подобные документы часто сопровождают издания региональных мартирологов.

для бывшего областного руководства»¹⁴⁴. Каждому из писавших (в следственных делах Кунцевского райотдела в выписках хранится около десятка рапортов) предстояло пройти по лезвию бритвы: признав нарушения законности на местах, не усомниться в законности «массовых операций» как таковых.

Признание собственной вины заменялось ссылками на давление сверху, со стороны районного или областного начальства. «Мы производили аресты по списку без санкции и наличия компрометирующих материалов, что видно из прилагаемых установочных данных, где росчерком пера, рукой Кузнецова написано: “справку”, что значило выписать справку на арест, т.е. липовую, без наличия материалов компрометирующего характера, лишь только потому, что он поляк или немец»¹⁴⁵. Рукоданов давал дополнительные штрихи к обстановке весной 1938 г.: «В практике допросов имели место побои, опять-таки заведенные Каретниковым, так как он, приезжая из области /т.е. из областного управления НКВД — А.В./, рассказывал, что там бьют арестованных, что мол, такая установка Заковского, который сам бьет арестованных на допросах, а когда я этого старался избегать, то Каретников как бы мне в упрек говорил: “Ты, Рукоданов, не умеешь допрашивать”, и у меня создавалось впечатление, как бы не заподозрили в особой благосклонности к врагам...»

Некоторые из оперативных работников писали в своих рапортах, что сообщали руководству наркомата о безобразиях, творившихся в районе. Первичная парторганизация райотдела сопротивлялась принятию в партию Каретникова. Материалы следственных дел

¹⁴⁴ Из рапорта Дикого от 26 декабря 1938 г.

¹⁴⁵ Из рапорта Цыганова от 26 декабря 1938 г.

свидетельствуют и о других попытках противодействия террору. Кунцевский отдел милиции фактически саботировал требование разгромить «кулацкий городок» в овраге, выходящем на правительственную трассу. Проверка показала, что представителей кулачества среди жителей поселка бедняков, называемого «Шанхаем», не оказалось, и это вызвало гнев Кузнецова¹⁴⁶.

Отстранение от руководства его и Каретникова стало следствием многочисленных сигналов о беззаконии, творившемся в Кунцевском районе. Их авторами были и сами репрессированные, и их родственники, в том числе простые крестьяне, а обычными адресатами — нарком внутренних дел Ежов и Прокурор СССР Вышинский. Направлялись письма и по другим адресам, зачастую в нескольких копиях. Участвовали в их создании и работники райотдела. В августе 1938 г. в Московский комитет ВКП(б) пришло анонимное послание, живописующее моральное разложение Каретникова и беспредел, творившийся под его руководством. Письмо заканчивалось утверждением, что его арест является половинчатым решением, «надо посмотреть, только ли он или кое-кто еще должен ответить за грязные дела, творившиеся в Кунцеве»¹⁴⁷. Арест и следствие по делу Багликова также велись на основе сигналов о кунцевском отрезке его биографии, которые продолжали рассылать во все инстанции уволенные им сотрудники. Если на пике «массовых операций» подобным письмам не уделяли внимания, то летом-осенью 1938 г. они стали основой для разворачивавшейся чистки органов госбезопасности.

¹⁴⁶ Из рапорта начальника паспортного стола сержанта милиции Борискова от 26 декабря 1938 г.

¹⁴⁷ Копия письма была приобщена к архивно-следственному делу В.П. Каретникова.

30 декабря 1938 г. данные расследования в Кунцевском районе были обобщены и вместе с рапортами оперативных работников направлены Журавлеву. В документе содержалась следующая статистика: под следствием продолжало находиться 73 человека, арестованных в конце 1937 — начале 1938 г., 55 из них в рамках национальных операций. «Ряд арестованных при передопросах заявляют, что они русские, украинцы или евреи, людей, указанных в их показаниях и подписанных ими как участников и руководителей контрреволюционной группы или организаций они или совсем не знают или знают только по работе на предприятиях, или по месту жительства». При проведении графологических экспертиз выяснилось, что имелись случаи фальсификации подписей обвиняемых на следственных документах¹⁴⁸.

Из аппарата УНКВД торопили поскорее «закругляться» с доследованием, и в здании на проезде Загорского начался новый штурм. Новогодним подарком в райотдел пришло требование помощника военного прокурора Московского военного округа закончить следствие по делу о контрреволюционной организации на заводе № 46 в трехдневный срок, к 5 января 1939 г.¹⁴⁹ Сененков постоянно докладывал Журавлеву о пересмотре дел, «последний уже окончательно решал вопрос или об освобождении арестованного или об оставлении ранее вынесенного решения в силе». Согласно служебной записке нового помощника начальника Кунцевского райотдела НКВД Леонова, из 48 продолжавшихся находиться под следствием работников заво-

¹⁴⁸ ГАРФ. 10035/2/30515.

¹⁴⁹ Резолюция на обороте списка из 49 проходивших по этому делу, составленного и подписанного Каретниковым (ГАРФ. 10035/1/п-33920).

да 27 получили свободу, «причем 6 или 9 человек были освобождены по приказам Наркома»¹⁵⁰.

В горячке будней случались и трагикомичные встречи: А.И. Кудрявцева допрашивал в декабре 1938 г. тот же самый Рукоданов, который в марте того же года сделал его руководителем подпольной эсеровской организации. Следователь не постеснялся спросить, чем обвиняемый объясняет свои вымышленные показания, данные несколькими месяцами ранее, и сам же записал в протоколе: «тяжелыми тюремными условиями»¹⁵¹. Другой из лидеров эсеровского заговора, учитель Зверев был обвинен Рукодановым ни много ни мало в клевете!

После того, как в конце 1938 г. была разрешена проверка жалоб приговоренных «тройками» или их родственников, сотрудники Кунцевского райотдела оказались последней инстанцией, куда спускался девятый вал просьб о пересмотре приговоров. Соответствующие задания они получали и от прокуратуры, и от областного управления НКВД. Несмотря на жесткие сроки и грозные резолюции начальства, рассмотрение жалоб затягивалось на несколько месяцев. Неразбериха в компетенциях вышестоящих инстанций позволяла работникам на местах уверенно лавировать между ними.

В отличие от оказавшихся под судом военного трибунала руководителей НКВД районного звена простые оперативники в течение 1939 г. переводились на новое место службы или подвергались дисциплинарным взысканиям. Рукоданов, трижды получавший выговоры за фальсификацию следственных материалов,

¹⁵⁰ Объяснение Леонова, направленное в следственную часть УНКВД МО 1 мая 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-25482).

¹⁵¹ ГАРФ. 10035/1/п-53465.

в апреле 1940 г. был уволен из органов внутренних дел «за невозможностью дальнейшего использования». Он пытался сопротивляться, писал письма в ЦК ВКП(б), но его убедили «уйти по тихому»¹⁵².

По некоторым данным, Ефремов и Дикий тоже попали под суд. Молодые оперуполномоченные отделались легким испугом. А.В. Соловьев получил 10 суток ареста за фальсификацию допросов свидетелей, так как «в его действиях не усматривается злонамеренных целей»¹⁵³. Еще один новичок райотдела А.А. Цыганов остался работать в органах госбезопасности и погиб в 1943 г. на Воронежском фронте.

После ноября 1938 г. то же самое происходило во всех низовых структурах органов госбезопасности СССР. «Альбомные дела» стали возвращаться из областных управлений на доследование, и работникам городских и районных отделов внутренних дел приходилось освобождать арестованных. В наиболее одиозных случаях на места выезжали «особоуполномоченные» центрального аппарата наркомата, материалы их проверок превращались в справки на аресты работников госбезопасности низового и среднего звена¹⁵⁴. По данным автора, в 1939 г. было репрессировано более половины начальников райотделов НКВД Московской области, есть данные о подобных «чистках» в ря-

¹⁵² Выписка из личного дела Рукоданова находится в следственном деле п-23240.

¹⁵³ ГАРФ. 10035/1/п-26041.

¹⁵⁴ Так, в Серпуховском райотделе НКВД комиссия областного управления закончила свою работу рапортом, в котором суммировались «нарушения социалистической законности» в предшествующий период. По итогам работы комиссии были осуждены начальник райотдела М.И. Веселов и оперуполномоченный В.И. Хватов.

де других областей¹⁵⁵. На судебное заседание военного трибунала вместе с ними попадали один—два сотрудника, особо «отличившихся» в период массового террора. В начале войны многие из тех, кто не был расстрелян, получили помилование и вернулись на работу в органы госбезопасности¹⁵⁶.

Исполнители или палачи — попытка психологического портрета

Несколько лет занимаясь кунцевским райотделом, я не могу заставить себя поверить в то, что горы следственных дел, братские могилы в Бутово, тысячи искалеченных человеческих судеб являются результатом деятельности всего лишь одной низовой ячейки НКВД, делом рук какого-то десятка человек, облеченных в мундиры офицеров госбезопасности. Да, над ними были большие начальники, принимавшие преступные решения, внизу были сотрудники комендатур, стрелявшие в затылок — но все же львиную долю работы вершили за письменным столом они, оперативные работники из дачного поселка Кунцево, которые в других условиях так и остались бы сельскими детективами. Мог ли нормальный человек добровольно стать к конвейеру «массовых операций», приняв на себя роль судьи и палача? И можно ли было не сойти с ума после всего увиденного и содеянного?

¹⁵⁵ См. например: Книга памяти жертв политических репрессий Ульяновской области. Т. 1. С. 914, Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. С. 50—56.

¹⁵⁶ Так, начальник Мценского райотдела НКВД Орловской области Пикалов, приговоренный в ноябре 1939 г. к семи годам лагерей, получил помилование и снятие судимости в декабре 1941 г. (см. там же. С. 54—55).

Проведенное на примере Кунцево исследование не предполагает глобальных обобщений — они станут возможны только тогда, когда будет накоплена критическая масса исследований, посвященных террору районного масштаба. И все же складываются определенный портрет исполнителей «массовых операций» на местах, который кое в чем перекликается с данными по руководящим кадрам НКВД¹⁵⁷. Большинство не имело даже среднего образования, было вырвано из крестьянской среды в годы гражданской войны и отличалось абсолютной преданностью своим покровителям среди непосредственного начальства. Природная смекалка в сочетании с привычкой к военной дисциплине давали первый толчок карьере «сталинских кадров». В то же время быстрый социальный подъем в условиях господства не совсем понятной идеологии порождал страх потерять материальный комфорт и прочие привилегии, сделав всего лишь один неверный шаг. В качестве защитной реакции формировались вертикальные неформальные группы (кланы), интеграция в которые оказывалась более эффективной, чем официальное служебное рвение.

Оперативные работники, прежде всего на низовом уровне, невольно перенимали нравы уголовного мира, с которым им приходилось ежедневно сталкиваться по долгу службы. Речь идет о замешанном на страхе подчинении авторитетам, наличии особого «кодекса чести», круговой поруке, ритуале раздела добычи и даже использовании кодированного языка. В условиях массового террора все это выльется в причудливые формы строго регламентированного произвола. Лимиты на аресты врагов народа образца 1937 г. явля-

¹⁵⁷ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 491—502.

лись такой же нелепицей, как и выполнение планов по раскрытию преступлений, с которыми приходилось иметь дело работникам милиции еще совсем недавно.

Верили ли уполномоченные госбезопасности на местах, что их жертвы, набранные из райцентра и окрестных деревень — шпионы и вредители? Вряд ли. Конечно, им приходилось объяснять самому себе и своим «подопечным» логику безосновательных обвинений. Многие из тех, кто оказался в лагерях, писали позже в своих заявлениях о том, что в Кунцевском райотделе НКВД их вводили в заблуждение относительно ближайшего будущего. Сотрудники, проводившие допрос, говорили о выселении из Подмоскovie или нескольких годах ссылки, указывали на временность репрессий и даже увязывали их с расцветом «сталинской демократии». «Когда меня в Кунцево после ареста вызвал Соловьев, то он мне на вопрос, за что меня взяли, сказал, что меня нужно выселить, а когда я спросила, зачем для этого арестовывать, ведь вот кулаков выселяли с семьями и не арестовывали, то он мне объяснил, что сейчас не позволяет Конституция»¹⁵⁸.

Несмотря на широкое применение насилия в процессе следствия, садистские наклонности у кунцевских следователей тоже не просматриваются. Быть может, им доставляло удовольствие глумиться над теми, кто еще вчера являлся сильными мира сего, будь то глава райсовета, директор местной фабрики или председатель колхоза. Но в целом мы имеем дело с сознательным выключением чувств и подчинением разума высшей необходимости, пусть даже в образе

¹⁵⁸ Из допроса Ю.С. Дробик, освобожденной на этапе следствия, от 28 марта 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-51556).

начальника райотдела НКВД. Избиение арестованных являлось для них частью партийного задания, которое никогда не бывает приятным, но которое следует беспрекословно выполнять.

Чем выше становилась скорость вереницы обвиняемых, проносившихся мимо следователя в период «массовых операций», тем менее различимы были в ней отдельные лица. В конечном счете личная вина жертвы не играет в обряде жертвоприношения никакой роли. Пожалуй, только Каретников получал удовольствие, загоняя невинных людей в придуманные им шпионские сети. Но как наивно выглядит его орудие пыток — увесистый справочник «Вся Москва» — на фоне изготовленных из покрышек резиновых дубинок и мраморных пресс-папье, которыми пользовались его старшие товарищи на Лубянке¹⁵⁹.

Служебному рвению сопутствовал (и способствовал) постоянный страх сотрудников госбезопасности самим оказаться в роли обвиняемых. Об «опасности разоблачения» говорили практически все те из них, кто был арестован на закате ежовщины. Даже с учетом корректировки подобных показаний, они дают представление о настроениях исполнителей массовых ре-

¹⁵⁹ Из заявления репрессированного ректора Всесоюзной академии архитектуры В.М. Крюкова, следствие по делу которого вел 5-й отдел УНКВД МО: «Меня избивали по ночам в течение более двух недель, не давая днем спать. Били следователи Бочков, Омельченко, Прищепа и др. кулаками, пинками, ремнями с пряжками, резиновой палкой, веревками. О плечи мои были сломаны два мраморных пресс-папье, об бока был сломан стул, били меня по голове толстой скалкой, ножкой от стула, причем следователь Бочков говорил: “Будем бить, пока не напишешь всего... До смерти не убьем, но калекой будешь ползать на четвереньках”» (ГАРФ. 10035/1/п-60179).

прессий. Эти люди вполне отдавали себе отчет в том, что оказались пешками в большой игре, и цеплялись за любой шанс остаться на шахматном поле, в том числе и за счет ближайшего окружения. В показаниях Каретникова от 9 февраля 1939 г. содержится пересказ его разговора с Сорокиным накануне отъезда последнего на Дальний Восток, дающий представление о «круговой поруке» в клановых структурах: «Говоря о нашей с Кузнецовым предательской работе в Кунцевском районе, Сорокин сказал: “О работе Кунцевского РО и о Вас с Кузнецовым среди честных работников НКВД МО имеются разговоры, невыгодные для нас. Вашу с Кузнецовым работу легко было маскировать, когда в УНКВД был Заковский, который Кунцевское РО ставил другим в пример, отвлекая этим всякие подозрения честных работников и зажимая им рты. А вот теперь, когда Заковского арестовали, а Каруцкий застрелился, может случиться, что среди нас кого-либо арестуют и тогда, несмотря ни на что, заговорщицкую организацию проваливать нельзя и показаний об этом ни в коем случае не давать. Если тебя, Виктор, арестуют, то ты показаний о заговоре не давай, а признавайся в крайнем случае в злоупотреблениях, но не участии в заговоре, так как, если ты дашь показания о заговорщицкой организации, то всех нас, в том числе и тебя, расстреляют”». Последняя фраза Сорокина звучала как откровенный шантаж.

Психологическое состояние Каретникова и Кузнецова мало чем отличалось от состояния тысяч их коллег по всему Советскому Союзу. Они лучше других видели, насколько размыта черта между тюрьмой и свободой, и их страх был вполне осознанным. Оперативный работник Ульяновского горотдела НКВД П.К. Филихин, принимавший участие в массовых рас-

стрелах, накануне собственного ареста летом 1939 г. писал в заявлении на имя секретаря ЦК ВКП(б) Жданова: «Работая наравне со всеми, я ежеминутно ждал, что вот меня обезоружат, арестуют и спустят в подвал... Переживая ежедневно нечеловеческое напряжение нервов (ожидание ареста, расстрелы), я стал применять те же методы, как и все. Аналогичное положение было у многих рядовых старых чекистов. А по рассказам в некоторых областях даже многих спустили в подвал. Сейчас же нам эти методы работы и даже расстрелы осужденных людей вменяют в вину»¹⁶⁰.

Реальный страх рядового работника госбезопасности образца 1937 г. быть спущенным в подвал, т.е. на расстрел, вполне сопоставим с ужасом орвелловского героя перед «крысиной клеткой». Реакцией организма на подобный стресс была стойкая депрессия, психические заболевания, попытки самоубийства. Записи в медицинских картах работников НКВД за 1937—1938 гг. могли бы рассказать о многом. Но даже не зная статистики «профессиональных заболеваний», нетрудно представить себе, как ломало человеческую психику соучастие в преступных деяниях под прикрытием государственного авторитета. Тот же Филихин писал о себе: «Я сейчас психологически совершенно больной человек и моментами забываю даже родной язык». Оперативный работник УНКВД Нижегородской области Е.Ф. Богомолов, пришедший на работу в начале 1938 г., менее чем через год получил инвалидность с диагнозом эпилепсия¹⁶¹.

¹⁶⁰ Факсимиле заявления см.: Книга памяти жертв политических репрессий Ульяновской области. Т. 1. С. 896.

¹⁶¹ Книга памяти жертв политических репрессий Нижегородской области. Т. 2. Нижний Новгород, 2001. С. 96—97.

Покончил жизнь самоубийством не только начальник УНКВД Московской области Каруцкий, но и простой следователь Кунцевского райотдела Смирнов. Серию самоубийств продолжили сотрудники органов госбезопасности, которым была отведена роль «стрелочников». Оперуполномоченный Мытищенского райотдела НКВД Прелов застрелился при аресте¹⁶². Следователь Серпуховского райотдела НКВД Хватов, деяния которого не уступали деяниям Каретникова, покончил с собой в Таганской тюрьме 21 сентября 1939 г.¹⁶³

Современные юристы справедливо говорят о «профессиональной деформации» работников политической юстиции, участвовавших в проведении репрессий. «В итоге некоторые сотрудники превращались в откровенных садистов, порой неполноценных психически; другие старались забыться в пьянстве и разврате; третьи заболели или кончали самоубийством. Всех их рано или поздно ждал глубокий распад личности»¹⁶⁴.

И все же не следует забывать то, что мы имеем дело не с жертвами, а с организаторами и исполнителями репрессий. Перестроечный тезис о том, что система не щадила своих и число жертв среди чекистов в процентном отношении превышало другие категории населения, требует серьезного уточнения. Если сотрудники советской разведки действительно становились жертвами террора, обращенного против сталинской номенклатуры в целом, то оперативные работни-

¹⁶² Из показаний оперуполномоченного райотдела Н.Д. Петрова (ГАРФ. 10035/1/п-59771).

¹⁶³ Из справки по архивно-следственному делу В.И. Хватова (ГАРФ. 10035/1/п-64568).

¹⁶⁴ Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 88.

ки Управления госбезопасности, как показывает ситуация в УНКВД МО, лишь в редких случаях арестовывались в разгар репрессий¹⁶⁵. Только летом 1938 г. в их среде начались кадровые перестановки, взыскания и аресты. Руководители всех уровней пытались создать себе алиби, переложив ответственность на других, причем как снизу вверх, так и сверху вниз.

Рядовые сотрудники отдавали себе отчет не только в том, что творят беззаконие, но и в том, что их ждет за это неминуемая кара. Оказавшись перед угрозой ареста, они называли вещи своими именами: «Сейчас Бюро Обкома ВКП(б) и Управление НКВД ищет конкретных виновников нарушения революционной законности, хочет кому-то навязать роль козла отпущения за чьи-то грехи... Судить сейчас нужно не тех, кто применял в следственной работе указанные методы, так как тогда нужно судить всех работавших в органах НКВД без исключения»¹⁶⁶.

Радзивиловский, Якубович, Сорокин и другие руководители Московского управления НКВД, повязанные круговой порукой и неформальными отношениями, были репрессированы не за то, что совершили на самом деле. Мастера политико-уголовной фальсификации, они сами стали ее жертвой. Но это еще не повод говорить об их невинности и даже реабилитировать, как это произошло с кунцевским выдвиженцем, начальником административно-хозяйственной части УНКВД МО Бергом, отвечавшим среди прочего за организацию расстрелов в Бутово.

¹⁶⁵ См. об этом подробнее: Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 501.

¹⁶⁶ Из заявления П.К. Филихина (см.: Книга памяти жертв политических репрессий Ульяновской области. Т. 1. С. 897).

Рассмотренные сюжеты не могут приблизить нас к ответу на вопрос о причинах массовых репрессий 1937—1938 гг. Но все же один побочный эффект проведенной по прямому указанию Сталина акции налицо. Живший предчувствием большой войны вождь проверял выпестованные за двадцать лет советской власти кадры госбезопасности, он хотел видеть, на что они способны ради выполнения его приказа. Проверив, в очередной раз ужаснулся. Но других кадров у него не было. «Большой террор» означал их кардинальную перетряску, он разрушил сложившиеся кланы от районного до государственного масштаба, вернул страху роль главного мотива продуктивной работы. Без подобного «кровопускания» сталинская модель модернизации страны была обречена на потерю темпа и застой. Такие потери, как в «верхах», так и в «низах», хладнокровно принимались в расчет, ведь в соответствии с большевистской логикой новые люди и новые кадры по определению должны быть лучше старых.

И в заключение возникает проблема морального порядка: как же эти люди жили дальше, не мучили ли их кошмары, не являлись ли к ним по ночам невинные жертвы? Случаев добровольного покаяния среди работников НКВД всех уровней, принимавших участие в репрессиях 1937—1938 гг., не зафиксировано. Большинство гнало прочь воспоминания об этом, хотя прошлое напоминало о себе на каждом шагу. Руководов продолжал жить в доме для персонала, расположенном на территории Кунцевского райотдела, где он обрекал на смерть десятки невинных людей. К началу хрущевской «оттепели» он заведовал сектором кадров Кунцевского горсовета и по долгу службы вполне мог встречаться со своими жертвами. Вызы-

вавшийся в процессе их реабилитации для дачи показаний, он не отрицал содеянного, но привычно сводил его причины к давлению «свыше»: «Все дела, законченные с августа 1937 г. по апрель 1938 г., проведены с нарушением социалистической законности. Это я объясняю тем, что от нас требовали такой работы все вышестоящие начальники, заявляя, что мы призваны вести самую беспощадную борьбу с представителями пятой колонны, указывая при этом, что мы прежде всего чекисты, а потом уже члены партии. Установка же была такова, что раз человек происходит из социально чуждой среды, он враг советского государства»¹⁶⁷. Эта установка исчезла только с исчезновением последнего. Но осталось нежелание общества вспоминать о темных страницах своего прошлого и осталось ведомственное сопротивление, которое не позволяет узнать всю правду о нем. Террор районного масштаба в Кунцево и не только в нем — всего лишь маленький осколок большой трагедии, пережитой народами России на пике сталинизма.

¹⁶⁷ Показания от 4 октября 1956 г. (ГАРФ. 10035/1/п-61785). Прокуратура Московской области в октябре 1957 г. внесла представление в МК КПСС о привлечении Рукоданова к партийной ответственности.

Часть 2.

Жертвы

Соучастие общества в репрессиях

Неуравновешенное состояние, в котором находилось советское общество со времен «великого перелома», на рубеже 1937 г. было переведено в фазу коллективного психоза. Освященные властью репрессии давали шанс свести старые счеты, будили в человеке инстинкты загонщика дичи. Накатывавшиеся одна за другой кампании прессы по разоблачению троцкистов, шпионов, вредителей находили массовый отклик. Если типичной реакцией «бывших людей», как показывают материалы следственных дел, было плохо скрываемое злорадство («совсем дела плохи, если за своих принялись»), то социальные низы воспринимали происходившее как руководство к действию. Поток «сигналов» во все адреса — от ЦК ВКП(б) и органов НКВД до местной профсоюзной организации — многократно увеличился. Мотивы авторов невозможно обобщать, в каждом конкретном случае что за ними стояли особые чувства и намерения. Было и искреннее стремление «спасти любимого вождя», были и корыстные расчеты.

Характерно письмо некоего Гончарова, работавшего на уже упоминавшейся станции полеводства шофером грузовика. Оно датировано 24 марта 1937 г. и явно навеяно сообщениями прессы о разоблачениях шпионов и вредителей. «Я как прочел эту заметку из

газеты и мне сразу блеснула мысль в голову о терроре и никак не могу успокоиться и заметку все берег и думал только об этом»¹. Результатом размышлений стали сразу два озарения: во-первых, руководство МОСП затеяло банкет и пригласило на него лидеров партии и правительства, чтобы их убить. Во-вторых, оно выпускает в рейс неисправные машины, которые рано или поздно столкнутся на правительственной трассе со сталинским лимузином. Впрочем, письмо условно осужденного Гончарова заканчивалось весьма тривиальной просьбой вернуть ему трудовую книжку.

Все это можно было бы отнести к разряду параноидального бреда, если бы подобные домыслы несколько месяцев спустя не превратились в официальные обвинения в адрес тысяч и тысяч людей. Любая информация, если речь шла о жизни Сталина, тщательно проверялась и откладывалась в оперативных архивах НКВД, чтобы в нужный момент оказаться востребованной. В деле о полеводческой станции сохранилась серия доносов на К.А. Позднякова. В случае, если последнего не репрессируют («Я прошу изолировать его в 24 часа... Изолировать так, чтобы пулю в лоб пустить. Он неисправимый гад, я его знаю»), автор писем, дальний родственник Позднякова, обещал покончить жизнь самоубийством. Получив в 1936 г. срок за клевету, он не успокоился, и обращался отныне прямо к Сталину: «Когда вы получите мое письмо, меня не будет, я буду лежать в могиле, но т. Сталин, я очень доволен, что вы остались живы, вы ценный человек для нашего общества, вождь мирового пролетариата».

¹ ГАРФ. 10035/1/п-25316. Т. 1.

Нетрудно догадаться, что автор этих строк оказался в конечном счете на излечении в психбольнице, но каждое из его писем вызывало проверку Кунцевского райотдела, а в конечном счете отложилось в деле, по итогам которого жертва преследований политического маньяка получила десять лет лагерей. Сверхбдительность, ведущая к сумасшествию, стала в те годы массовым явлением и популярным диагнозом. Некоторым жертвам Кунцевского райотдела НКВД, арестованным за клевету в адрес руководителей партии и правительства, на этапе прокурорской проверки приходилось назначать психиатрическую экспертизу. Хотя для того, чтобы установить диагноз, вполне хватило бы здравого смысла.

Так, машинистка Кунцевской ткацко-отделочной фабрики писала наркому Ежову об антисоветской деятельности секретарей ЦК ВКП(б) Хрущева и Андреева. Ее донос не поместился в двух ученических тетрадях, хотя она не знала лично ни того, ни другого и черпала информацию для своих домыслов из прессы. Подобных людей можно было бы назвать клиническими жертвами пропаганды революционного насилия. Болезнь, которую на протяжении первых десятилетий большевистской диктатуры усиленно прививали массам, в конечном счете проникла в политическую верхушку страны и обернулась для общества невосполнимыми потерями.

Значительное число доносов выросло из персонафикации неурядиц, сотрясавших хозяйство района на двадцатом году советской власти. Их авторы по-своему переживали происходящее, указывая на пьянство председателей колхозов и коррупцию районного начальства, расхищение «социалистической собственности» и оставленный сгнивать на полях урожай. Не-

заинтересованность и «верхов», и простых работников в результатах своего труда воспринималось некоторыми из окружающих как сознательное вредительство. Кто-то из будущих жертв «запряг неезженного жеребчика и проехал 20 верст», кто-то не укрыл бурты со свеклой или просто не закрутил как следует гайки при ремонте двигателя. Если бы авторы писем знали, какими окажутся последствия для обвиняемых ими людей, большая часть подобных заявлений так бы и осталась ненаписанной.

Другая категория доносов даже в экстремальных условиях 1937 г. рождалась по прагматическим соображениям, отражая затаенную социальную злобу неудачников. Многие жители района продолжали заниматься предпринимательской деятельностью: разного рода артели инвалидов и надомники производили дефицитные товары широкого спроса, крестьяне-огородники снабжали всю Москву свежей зеленью, женщины носили на станцию свежее молоко. Согласно письмам, попадавшим в райотдел, некоторые из них имели усадьбу площадью до гектара и вели весьма прибыльное тепличное хозяйство, совершенно забросив работу на общество².

Кроме того, Кунцево превратилось в место постоянного проживания разного рода изгоев столицы, многие из которых жили за счет мелочной торговли, попадавшей под понятие «спекуляции». Социальную структуру города и окрестных деревень дополняли выходцы из дворянства и предпринимательских кругов дореволюционной России, в целом сохранявшие кастовую замкнутость. Несмотря на то, что Кунцевский район считался

² ГАРФ. 10035/1/П-23240.

«режимным», высланные из него в административном порядке нередко возвращались обратно, нелегально проживая у родственников. Все эти категории лиц займут центральное место в «сигналах» бдительных граждан.

Во многих доносах из деревни речь шла не о конкретных злодеяниях, а о «социальном лице» того или иного крестьянина. Как правило, точкой отсчета оставался 1930 г. и связанные с ним репрессии — выселение, конфискация имущества, индивидуальное налогообложение и т.д. При этом авторы доносов не скрывали своего страха перед местью вернувшихся в родные места кулаков. «Раскулачивание, которому подвергли некоторые семьи, давая возможность остальным нагреть руки на их несчастье, невероятно повысило число взаимных обид и претензий в деревне», в результате «в 30-е годы поток жалоб и доносов из деревни принял поистине беспрецедентные размеры»³.

Страсть к свежему воздуху и зелени приусадебного участка нередко становилась роковой для любителей провести летний вечер на природе. Стандартной формулой свидетельских показаний кунцевского образца было следующее: «проходя вечером мимо террасы соседской дачи, я видел контрреволюционное собрание» (или как вариант: «слышал антисоветские разговоры»). При пересмотре дел в 1939 г. иногда даже проводилась привязка к местности и указывалось на то, что с расстояния десяти метров, да еще из-за забора содержание соседских разговоров невозможно услышать⁴.

³ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 23, 24.

⁴ См. дело С.М. Зайцева (ГАРФ. 10035/1/п-7934).

Значительная часть доносов вырастала из неприязненных отношений родственников. Мы не имеем в виду вынужденные показания, выбитые в ходе следствия. Здесь у человека практически не было выбора. Речь идет о добровольных сигналах, дававших первый толчок следственным действиям. «Темное прошлое моего отца, а также не менее подозрительное поведение его в настоящее время заставляют меня думать о том, что отец мой является врагом народа», — писал кунцевский Павлик Морозов в комсомольскую организацию, откуда его письма переправлялись в органы госбезопасности. Подобные случаи, не укладывающиеся в нормы человеческой морали, можно пересчитать по пальцам. Чаще жертвами становилась не кровная родня, а свойственники, прежде всего тещи — Ульяна Павловна Пода, Евдокия Андреевна Студенова. В последнем случае Рукоданов даже запросил сельсовет, не поступало ли туда жалоб, связанных с неприязненными взаимоотношениями тещи и зятя⁵.

И все же среди авторов доносов лидируют соседи. Скученность проживания, социальная неустроенность, соблазн поправить собственное положение за счет «ближнего своего» — все это заставляло их браться за перо. Даже разделенные на множество каморок, кунцевские дачи оставались полем ожесточенных боев за передел собственности. Уже упоминавшийся штатный свидетель Щаденко еще в бытность свою участковым инспектором поселка Баковка вел настоящую классовую борьбу со своими соседями из «бывших», которым когда-то принадлежал целый дом. Она завершилась победой представителя советской власти: братья Селины и жена одного из них были репрессированы⁶.

⁵ ГАРФ. 10035/2/20955.

⁶ ГАРФ. 10035/1/п-26195.

Для многих потерпевших не вызывало сомнений то, что их жизнь испортил «квартирный вопрос»⁷. Получившая десять лет лагерей буфетчица железнодорожной станции В.М. Чуприк так описывала обстоятельства своего ареста в ноябре 1937 г.: «Возможно, что против меня возбудил дело домоуправ, который проживал в том же доме, что и я, претендовавший занять одну из комнат тогдашней моей квартиры после ареста мужа. Однажды, когда он настойчиво просил меня об этом и я ему отказала, последовал его угрожающий ответ: “Если не уступишь мне комнату, я тебе дам бесплатную квартиру”. После моего ареста этот домоуправ занял комнату моей квартиры»⁸.

Последней жертвой «массовых операций» в Кунцево, если судить по дате ареста, стал Х.А. Аврамович, черногорец по национальности. Он работал в районном суде членом коллегии адвокатов, нередко выступая по имущественным делам в защиту «бывших». Аврамович взялся помочь бывшему хозяину дома, в котором сам снимал угол, выселить неугодного квартиранта. Тот являлся участковым инспектором милиции. Проиграв судебный процесс (свидетели по делу Аврамовича живописали шумный скандал, разыгравшийся в зале заседаний суда), инспектор нанес ответный удар, «организовав» нужные показания свидетелей. Адвокат был арестован 12 апреля 1938 г., и его дело

⁷ См., например, заявление матери осужденного С.Г. Зудина, которая была уверена, что арест подстроил сосед по даче, который подпольно занимался кустарничеством и хотел избавиться от лишних свидетелей (ГАРФ. 10035/1/п-28856).

вели сотрудники уголовного розыска райотделения милиции⁹.

Если на исходе массовых репрессий в доносах преобладал бытовой подтекст, то первоначально значительную роль в «наполнении» следственного дела играли сигналы с места службы. Их авторами становились те, кто не попал в директорский клан и чувствовал себя обделенным. Здесь трудно отделить сведение личных счетов от партийной принципиальности, но очевидно, что по степени тяжести политические обвинения имели гораздо больший вес, нежели доказательства профессиональной некомпетентности. Зачастую одна ошибка на «идеологическом фронте» стоила дороже, чем развал работы во вверенном хозяйстве.

Весной 1937 г. житель Немчиновки сигнализировал в газету «Правда»: «На митинге, созванном по поводу процесса над контрреволюционной бандой троцкистов Пятакова, Радека и К^о, директор Московской областной опытной станции полеводства Николаев Н.П. заявил, что в случае войны СССР с Японией и Германией еще неизвестно, кто выйдет победителем, мы или они... Характерно, что ни один член партии по этому вопросу не выступил с тем, чтобы дать сокрушительный отпор контрреволюционному выступлению Николаева»¹⁰. Последнее было совсем не удивительно — вопрос о невозможности окончательной

⁸ ГАРФ. 10035/1/п-63233. Л. 36.

⁹ В обвинительном заключении по делу Аврамовича появились совсем не милицейские формулировки типа «использует в суде Сталинскую конституцию в защиту кулаков» (ГАРФ. 10035/1/п-48234).

¹⁰ ГАРФ. 10035/1/п-25316. Л. 42.

победы социализма увязывался официальной идеологией именно с опасностью иностранной интервенции.

Очевидно, автора доноса обуревали сомнения — вначале он подписался, затем оставил только «сотрудник МОСП» и наконец написал «дополнение» и полностью указал свои координаты. В постскриптуме выводы о директорском клане шли гораздо дальше: «Как видите, создается круговая порука, друг друга поддерживают, ибо делают общие для них делишки контрреволюционного порядка». Письмо бдительного партийца проделало традиционный путь по инстанциям: редакция «Правды» отправила его в областное управление НКВД, а оттуда оно спустилось к только что назначенному Кузнецову с визой начальника УНКВД С.Ф. Реденса.

Наряду с делом МОСП новое руководство райотдела НКВД провело пробу сил на директоре завода им. КИМ Н.И. Лазареве — человеке, весьма заметном в Кунцево. В доносах, которые регулярно писали на своего директора подчиненные, речь шла о шикарном образе жизни (у Лазарева был собственный легковой автомобиль) и подозрительных контактах с иностранцами, один из которых привез ему в подарок даже пишущую машинку. Действительно, завод, производивший швейные иголки, располагал новейшим немецким оборудованием, и сам Лазарев неоднократно выезжал в Германию по служебным делам. Чувствуя угрозу, он предпочел подстраховаться, организовав за счет завода ремонт помещений райотдела НКВД. Впрочем, эта любезность его не спасла.

Персональное дело Лазарева первоначально разбиралось в партийных инстанциях. 10 мая 1937 г. первый секретарь Кунцевского райкома ВКП(б) Морозов направил письмо на имя Ежова, в котором изложил

собранный компромат. Через Фриновского письмо вернулось в Московское управление НКВД с пометкой, что Лазарев мог быть завербован в Германии. Очевидно, об этом был проинформирован и райком, исключивший директора завода из партии. Через пять дней, 11 июня 1937 г. он был арестован.

До тех пор дела подобного рода, содержавшие обвинение в шпионаже, да еще в адрес видного номенклатурного работника, велись только в областном управлении. То, что следствие по делу Лазарева от начала до конца проходило в Кунцевском райотделе, свидетельствовало об особом доверии Радзивиловского к своему выдвиженцу Кузнецову и о переносе акцента политических репрессий на места. Сигнал там был правильно понят.

Райотдел НКВД стал подменять собой государственные и партийные органы в выявлении «стрелочников», ответственных за постоянное невыполнение народнохозяйственных планов, срыв сроков строительства, порчу оборудования. Общая незаинтересованность людей в результатах своего труда перекладывалась на плечи отдельных лиц, обвинявшихся во вредительстве. М.М. Авдеенко, главный механик патронного завода, постоянно находившегося в «прорыве», был снят со своей должности в июне 1937 г. Однако за ним уже более двух лет тянулся шлейф доносов, многие из которых были написаны весьма квалифицированно и, вероятно, отражали реальные упущения производственного процесса. Как правило, письма подписывались и направлялись в партком, а оттуда отсылались в райотдел, но ряд авторов сразу направлял «копию в органы НКВД».

Для пущей убедительности авторы доносов не ограничивались описанием производственных неурядиц,

а выносили их причины в политическую плоскость. Здесь им помогали как пропагандистские кампании «сверху», так и собственный жизненный опыт. Один из коллег главного механика писал весной 1937 г. о своих заслугах: «Я стал присматриваться к Авдеенко. Имея некоторый опыт работы, ибо я работал в НКВД, должен сделать вывод, что Авдеенко явно антисоветски настроен, правда, он эти настроения скрывает, но все-таки они выскакивают наружу»¹¹.

В ходе следствия по делу Авдеенко, завершившегося расстрельным приговором, факты конкретного вредительства отошли на второй план и не перепроверялись. Гораздо важнее оказалось то, что он до революции проживал в Харбине и «имел контрреволюционные связи». Начало массовых операций избавляло органы госбезопасности на местах от процедуры проверки многочисленных сигналов и тем самым превращало их в аппарат устрашения, обладавший более широким кругом полномочий, нежели поиск и наказание виновных в политических преступлениях. Эти полномочия не являлись большим секретом для окружающих и использовались как для сведения личных счетов, так и для сокрытия собственных промахов и некомпетентности.

Группы риска и анкетный принцип

Расхожее утверждение, что в условиях сталинского режима жертвой карательных структур мог стать абсолютно любой, верно лишь отчасти. Были категории населения, которые не только могли, но и должны были попасть в разряд жертв «большого террора».

¹¹ ГАРФ. 10035/1/п-26549.

Они названы в оперативных приказах НКВД 1937—1938 гг.: «бывшие» всех категорий, антисоветские элементы, т.е. уже осуждавшиеся ранее по политическим статьям, члены любых партий, кроме ВКП(б), участники разного рода внутрипартийных оппозиций. Особые операции проводились по иностранцам и лицам, побывавшим за рубежом, будь то в качестве военнопленных в ходе Первой мировой или советско-польской войны, или работавшим там, например, на Китайско-Восточной железной дороге («харбинцы»). Статистика репрессий в Кунцевском районе показывает, что риск ареста для «пришлых» был гораздо выше, чем для местных уроженцев.

Среди первых жертв оказались лица, уже находившиеся под следствием. Наряду с номенклатурными «одиночками» в эту категорию попала группа иностранных специалистов игольного завода, а также круг их знакомых. Входящие в нее люди вели сомнительный с точки зрения соседей образ жизни — устраивали шумные застолья, выражали свое недовольство существующим положением, рассказывали антисоветские анекдоты¹². Первоначально следствие вели сотрудники районного уголовного розыска. Им пришлось бы немало попотеть, переводя бытовой нонконформизм в политическую плоскость, но тут как раз подоспели приказы о развертывании «массовых операций». Вынос спирта с оборонного завода превратился в «хищение взрывматериалов», анекдоты — в подготовку покушения на Сталина, и судьба шестерых участников группы была предрешена.

Лиц, следствие по которым было начато до июля 1937 г., в Кунцевском районе было не более двадцати.

¹² ГАРФ. 10035/1/п-40549.

Рекордсменами здесь являлись братья Арцименьевы, арестованные еще в октябре 1936 г.¹³ Формой отбора жертв, наиболее адекватной массовому террору, стала работа с документами, причем не только в оперативном архиве НКВД, но и в отделах кадров предприятий и учреждений, адресных столах и даже справочных бюро. Списки кандидатов на арест составлялись на основе обычных биографических данных, из которых решающую роль играли национальность (или точнее, иностранная фамилия), место рождения, социальное происхождение, предшествовавшие судимости или административные наказания, наличие родственников за границей.

От угрозы ареста не спасали ни прошлые заслуги, ни предыдущая работа в чекистских органах. Латыш Жан Миклау олицетворял собой тип истинного революционера: он вступил в большевистскую партию в 1914 г. восемнадцати лет от роду, участвовал в захвате власти в Москве в ноябре 1917 г., находился в отряде латышских стрелков, охранявших Кремль, являлся комиссаром в частях Первой конной армии, а после гражданской войны работал в ВЧК—ОГПУ. Шел двадцатый год советской власти, когда он, начальник крупного треста химической промышленности, поделился с одним из подчиненных своим чекистским опытом, который в полной мере был востребован его наследниками: «...даже если человек невиновен, то его заставят признаться»¹⁴. Результат откровенности не замедлил сказаться — донос, исключение из партии и арест.

¹³ ГАРФ. 10035/2/20713.

¹⁴ ГАРФ. 10035/1/п-48708.

Единственным сотрудником Кунцевского райотдела НКВД, который был репрессирован своими колллегами, стал П.И. Виглей. Он работал участковым инспектором БИР и являлся выходцем из немцев Поволжья. Виглей дал показания, что «мне было поручено устраивать на работу в органы НКВД по Кунцевскому району людей, которые были нашими ставленниками»¹⁵.

Более сложной была история секретной сотрудницы райотдела, которая давала информацию еще Бергу, а в 1937 г. стала агентом центрального аппарата НКВД, получив псевдоним «Снежинка». Очевидно, Каретников почувствовал себя ущемленным — «Снежинка» писала позже об этом разговоре, что он вызвал ее в райотдел, и спросил, почему она прервала работу с ним. «Я в досаде ответила, что поскольку он не пожелал интересоваться материалом, о котором я ему говорила, я его передала в Москву». Воспользовавшись тем, что ушедшая на повышение женщина-агент была латышкой, Каретников арестовал ее и убедил подписать выдуманные признания, сказав, что это необходимо для разоблачения шпионской сети. «Слепо веря ему, видя в его лице представителя НКВД, я так глупо попала в расставленные сети». Все просьбы доложить о случившемся кураторам из центрального аппарата Каретников оставил без внимания, и «Снежинка» получила стандартные десять лет лагерей.

Но вернемся от частного к общему. Самой массовой и легко выявляемой группой риска оказывались раскулаченные крестьяне, которые подвергались административной высылке в начале 1930-х гг. Большинство из них, отбыв срок или получив амнистию,

¹⁵ ГАРФ. 10035/1/п-52301.

вернулось в родные деревни. Вот типичная биография одного из жителей Кунцевского района, расстрелянного в Бутово: «Тихонов В.А., около 35 лет, уроженец деревни Барвиха, занимался крестьянством и сапожничеством, имел 4 дома, облагался индивидуально, был лишен прав голоса, в 1931 г. выслан с семьей: женой и двумя детьми. В 1933 г. восстановили и прибыл обратно в Барвиху, два дома до выселения продал, один дом отдал зятю, а остальное имущество изъято. Теперь он купил у Макаровой М.С. чулан, крытый тесом, и там проживает»¹⁶.

Даже потеряв все имущество и будучи не в состоянии вести самостоятельное хозяйство, раскулаченные сохраняли былой авторитет и влияние на односельчан. Некоторые из вернувшихся из ссылки крестьян, как свидетельствовала оперативная разработка «Пролетарии», смогли утвердиться на руководящих должностях в кунцевских колхозах. Однако в массе своей репрессированные не скрывали враждебного отношения к новому строю, рассматривая очередное послабление режима как проявление его слабости. Оперативный архив Кунцевского райотдела НКВД регулярно пополняли донесения их оппонентов о «кулацкой пропаганде» и «тайных сходках». Надежды «раскулаченных» на скорый реванш держали власти — и в Кремле, и в сельсовете — в постоянном страхе. Приказ № 00447 был отголоском этого страха, выражая типичное для большевистской логики стремление решить проблему раз и навсегда. Под его действие попадали и дети ссыльнопоселенцев, в анкетах которых навсегда осталось соответствующее клеймо. Как

¹⁶ Из оперативного донесения 1934 г. (ГАРФ. 10035/1/п-70909).

правило, они вели самостоятельное хозяйство или отправлялись на заработки в Москву, но для властей продолжали оставаться социально враждебными элементами.

При арестах и обысках по «кулацкому» приказу в деревнях изымалось немало оружия. Как правило, это были либо мелкокалиберные берданки, либо сувениры гражданской войны — знаменитые «наганы». Но изымались и экзотические вещи вроде шпаги — вероятно, трофей войны 1812 г. служил в хозяйстве в качестве вертела. В самом Кунцево оружия практически не было, а изымаемые патроны указывали на то, что проблема «несунов» существовала даже на оборонном заводе № 46, выпускавшем боеприпасы.

Каждый изъятый ствол приводил к тому, что в обвинительном заключении по делу его владельца появлялась формулировка о «террористических намерениях». Как правило, хозяина оружия приписывали к той или иной группе, что позволяло распространить вещественное доказательство на нескольких обвиняемых. Так, Ф.П. Печников, у которого был обнаружен револьвер с просроченным разрешением, стал членом «эсеровского подполья» в Кунцево, хотя сочувствовал эсерам только в 1902 г., когда учился в школе¹⁷. Конечно, оружие припрятывалось не для проведения индивидуального террора. Скорее, это был запас на черный день, который позволял его владельцу чувствовать себя спокойней перед слухами о неизбежной войне или близком конце советской власти.

¹⁷ Несмотря на наличие вещественного доказательства, Печников получил самый маленький срок среди участников эсеровской группы — три года ссылки (ГАРФ. 10035/1/п-55451).

Легкой добычей в ходе массовых репрессий оказывались и священнослужители, которые по роду своей деятельности активно общались с населением, являясь «носителями враждебной идеологии». Практически на каждого из них в органах госбезопасности велась агентурная разработка. Судя по донесениям, за священником церкви села Федосьево Кунцевского района Д.И. Остроумовым следило не менее пяти секретных сотрудников. Их псевдонимы свидетельствовали о фантазии штатных работников НКВД: «Заказной», «Зоркий», «Бинокль» и т.д. Находясь под плотной опекой, федосьинский поп сумел за год до ареста мобилизовать односельчан и отстоять собственный приход. В обвинительном заключении это выглядело следующим образом: «Остроумов в 1936 г. имел попытку организовать восстание верующих, послав по деревне двух старух церковниц, которые спровоцировали население, что советская власть намерена закрыть церковь, в результате чего большая группа верующих ворвалась в сельсовет, требуя объяснения...»¹⁸

8 августа и 20 августа в районе прошли массовые аресты «церковников». Среди арестованных служителей культа оказался и Елисей Федорович Штольдер. Если верить обвинительному заключению, его послужной список являлся примером сопротивления безбожным властям — будучи священником церкви в Немчиновке, он всячески сопротивлялся ее закрытию, перебравшись в Ромашково, продолжал утверждать, что «скоро будет конец советской власти и церкви все равно скоро возвратят»¹⁹. Там же оказался и священник Соколов. По показаниям свидетелей, он говорил прихожанам вещие слова: «Надо пока мириться, но

¹⁸ ГАРФ. 10035/1/п-23962.

¹⁹ ГАРФ. 10035/1/п-56812.

придет время и снова все церкви откроются, да еще новые будут, нас поддержат, а Сталина и его помощников будем поминать»²⁰.

Группы церковных активистов не скрывали своего отношения к «безбожникам», и в то же время требовали от местных органов власти соблюдения конституционных прав. Тлевший конфликт между председателями городских и сельских советов и «церковниками» был разрешен в 1937 г. методом поголовных репрессий последних. Для массовости к ним относили потомственных дворянок, церковных старост и певчих, тех, кто когда-то давал деньги на строительство и реставрацию православных храмов.

В сети органов НКВД попадали не только местные «служители культа» и их окружение. Монашка Всехвятского монастыря в г. Болхов, в миру Александра Фроловна Бородина, получила свой первый срок еще в 1931 г. В БамЛАГе стала домашней работницей в семье врачей, которая взяла ее с собой при переезде на строительство канала Москва—Волга. Заключительный участок канала проходил по территории Кунцевского района неподалеку от Хорошевского шоссе. Освоившись на новом месте, Бородина стала посещать церковь, что не понравилось ее хозяйке. Последняя написала заявление в милицию, не забыв приписать в заключение: «О Вашем решении прошу меня поставить в известность, чтобы я заранее могла взять сразу себе другую работницу». На допросах у Каретникова Бородина признала: «я являюсь человеком религиозным», но категорически отрицала контрреволюционную агитацию. Она была расстреляна 14 сентября 1937 г.²¹

²⁰ ГАРФ. 10035/2/20952.

²¹ ГАРФ. 10035/2/20950.

Репрессии не щадили и представителей иных конфессий. П.С.Гуткин проводил «нелегальные еврейские молитвенные собрания», за что получил контрреволюционную агитацию и расстрельный приговор²². Вдвойне под угрозой оказывались члены религиозных сект, о которых особо говорилось в приказе № 00447. Они нелегально собирались на квартирах единоверцев, проводили религиозные беседы в кругу соседей и родственников. На станции Немчиновка и в окрестных деревнях существовала община баптистов-евангелистов, которая несколько раз пыталась легализоваться, но безуспешно. 5 сентября девять баптистов, из них пятеро женщин, были арестованы. В ходе следствия все они защищали свои убеждения, в том числе и отказ от службы в армии, но не признавали их контрреволюционными²³.

Еще два пресвитера баптистов-евангелистов, пытавшиеся скрыться в Подмоскowie от репрессий, избрали профессию, которая, по мнению работников местных НКВД, открывала невиданный простор для религиозной агитации. Украинцы П.И. Полегенько и П.К. Кордон, арестованные по доносу бдительных граждан, являлись письмоносцами отделения связи в с. Очаково. До перехода к баптистам один из них был священником украинской автокефальной церкви.

Следующей группой риска оказывались представители «бывших», т.е. верхних слоев дореволюционного общества. Для их определения в органах госбезопасности не существовало четких критериев. Иногда в делах встречаются выписки из метрической книги о дворянском происхождении. Бесспорным подтверждением принадлежности к высшим слоям дореволюци-

²² ГАРФ. 10035/1/п-50478.

²³ ГАРФ. 10035/1/п-61546.

онного общества являлись справки о наличии недвижимости до 1917 г., данные налоговых органов о частнопредпринимательской деятельности в годы нэпа. По материалам репрессий можно проследить историю кунцевского предпринимательства — Г.П. Петров открыл первый кинотеатр «Рекорд», И.М. Занегин поставлял в город лес и древесный уголь, М.К. Волков изготавливал игрушки и т.д.²⁴ Среди «бывших» были и политики национального масштаба — И.А. Маевский являлся членом Украинской центральной Рады от партии левых эсеров, Н.С. Ченыкаев занимал до революции пост калужского губернатора.

Графа анкеты арестованного «социальное происхождение» оставляла достаточно простора для фантазии следователя. Главное, чтобы из нее можно было вывести преступный характер мыслей или действий арестованного. Каретников написал однажды в этой графе: «никولاевский солдат, проживал на царскую пенсию». Мастерская превращалась в фабрику, землевладелец становился помещиком, околоточный — агентом охраны. «Использование наемного труда» или потомственное дворянство звучали как приговор. Участие в Первой мировой войне приравнивалось к «службе в царской армии». Впрочем, для отправления дела на «тройку» оказывалось достаточно собрать свидетельские показания о том, что обвиняемый ведет себя как «социально чуждый элемент».

Особое внимание уделялось бывшим членам «антисоветских» (т.е. любых, кроме большевистской) партий. Люди с дореволюционным опытом политической борьбы вели себя на следствии более стойко, нежели молодежь. В.М. Одинокоев, примыкавший к партии эсеров в начале века, постоянно комментировал ход

²⁴ ГАРФ. 10035/2/18853, 19769, 20953.

следствия. На постановлении об избрании меры пресечения он написал, что никакой контрреволюционной деятельностью не занимался, на постановлении об окончании следствия — «с материалами дела ознакомлен следователем, т.к. мне не были предоставлены очки»²⁵. С больными и немощными оперативные работники предпочитали не связываться — по делу о группе церковников во главе с Фелициным проходил некто В.Е. Егоров, записанный в показаниях обвиняемых как член Союза Михаила Архангела. 23 сентября 1937 г. Каретников подписал постановление, согласно которому арест смертельно больного раком откладывался «до его выздоровления»²⁶.

К особой категории «бывших» можно отнести тех хозяйственных, советских и партийных работников, которым не удалось удержаться в седле. Даже если они не были замечены в оппозициях, сам факт увольнения с ответственной работы, а тем более партийного взыскания, давал достаточный повод для внимания со стороны НКВД. Среди них было немало иностранцев, как политэмигрантов, так и бывших функционеров зарубежных компартий и Коминтерна. Зачастую они оказывались заложниками фракционных и клановых битв в руководстве своих партий. Будучи в России «чужими среди своих», иностранные коммунисты полностью зависели от коминтерновских структур, которые пытались их трудоустроить если не в Москве, то по крайней мере в ближайшем Подмосковье.

Некоторые из людей с революционными биографиями оказались и в Кунцевском районе. О немецкой колонии политэмигрантов и бывших функционеров КПГ, насчитывавшей несколько десятков человек,

²⁵ ГАРФ. 10035/1/п-55451.

²⁶ ГАРФ. 10035/1/п-60184.

речь пойдет ниже. Болгарка П.Д. Димова, арестованная 20 февраля 1938 г., прятала у себя на родине в Плевене подпольную типографию коммунистов. После того, как та была раскрыта полицией, она вместе с мужем бежала в Советский Союз. Димова не имела связей в руководстве болгарской компартии, и на новой родине ей пришлось несладко. Она устроилась работать завхозом в ясли завода № 95 и сумела получить жилье в рабочем поселке. Чтобы подвести Димову под смертный приговор, следователь Соловьев вложил в ее уста признание, достойное учебников по подготовке кадровых шпионов: «Зная слабость каждой матери, я старалась усиленно нахваливать ребенка той матери, с которой хотела познакомиться. Этим самым я располагала к себе эту работницу, пускалась с ней в разговоры и таким путем узнавала все, что мне было необходимо узнать о заводе № 95».

Кореец Сан-Таги Ким, в квартиру которого вселился начальник райотдела Кузнецов, в 1925—1926 гг. выезжал к себе на родину по заданию Восточного отдела ИККИ. Среди арестованных в Кунцево были бывшие члены американской, югославской, польской и ряда других компартий. Все эти люди могли бы немало рассказать о своей нелегальной работе во имя мировой революции. Вместо этого им пришлось подписывать признания о шпионской и вредительской деятельности, для которой они были завербованы в своих странах десять, а то и двадцать лет назад.

В рамках «национальных операций» НКВД 1937—1938 гг. под ударом оказывались все лица иностранного происхождения, хотя многие из них до 1917 г. имели российское подданство. После того, как ряд национальных окраин Российской империи получил независимость, их жители — поляки, финны, прибал-

ты — стали рассматриваться как потенциал для формирования «пятой колонны» в случае возможной войны. Притоку иностранцев в СССР способствовал набор зарубежных специалистов в годы первых пятилеток, политическая эмиграция. Все те, кто остался, в середине 1930-х гг. в обязательном порядке должны были принять советское гражданство, без этого они лишались работы и минимума социальных благ²⁷. Подавляющее число граждан СССР «враждебной национальности» в публикуемом списке жертв Кунцевского райотдела НКВД — поляки, за ними примерно в равных долях следуют латыши и немцы. Но встречаются и редкие случаи — там есть словенец, черногорец, хорват, перс, несколько корейцев и греков.

Еще одну группу риска составляли местные жители, имевшие контакт с иностранцами. Для района, находившегося под боком у столицы, да еще и славившегося своими дачными местами, эти контакты, за которыми внимательно следили органы госбезопасности, были не такой уж редкостью. Дело о греческой шпионской сети в Кунцево основывалось на том, что Елену Костаки навещал родственник, работавший в посольстве Греции. Главой этой сети волей Каретникова оказался сосед семьи Костаки, русский рабочий Дмитрий Исаков²⁸. Проживавший в Баковке лесник Н.А. Павленкович сдавал свою дачу дипломату из Литвы (в обвинительном заключении по его делу это звучало как «тесная связь с секретарем литовского посольства»).

Отношения семьи Крысьевых из д. Крылатское и их дачников — семьи секретаря посольства Германии

²⁷ См.: Дель О.А. От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997. С. 82—91.

²⁸ ГАРФ. 10035/1/п-61718.

Фрица Вирта — вышли за рамки простой аренды помещения на лето. Крестьяне ходили в гости к дипломатам, их дочь возила им в подарок продукты нехитрого подсобного хозяйства²⁹. Неформальные отношения завершились арестом главы семейства еще до начала «массовых операций». Живописное Крылатское дало достаточно высокий процент обвинений в шпионских связях. Сдача дома под дачу иностранным дипломатам стоила жизни не только Тимофею Ивановичу Крысьеву, но и шестерым представителям семьи Пресновых, о судьбе которых речь пойдет ниже. Преступной считалась и переписка с границей, а тем более получение оттуда посылок, даже если их отправителями выступали ближайшие родственники жителей Кунцево³⁰.

Как видно из приведенной классификации, мотивов, по которым тот или иной житель СССР (и соответственно Кунцевского района) мог попасть в поле зрения органов НКВД, было предостаточно. Естественно, после его ареста под подозрением оказывались члены его семьи, родственники и просто знакомые. Но даже тот, кто находился вдали от любой из описанных «групп риска», не был застрахован от репрессий. Сочетание рациональных мотивов и иррациональной практики «большого террора» остается одним из самых острых пунктов в современных дискуссиях ученых и публицистов. Его история на кунцевском примере способна скорее дать дополнительную пищу для споров, нежели выступить истиной в последней инстанции.

²⁹ ГАРФ. 10035/2/28174.

³⁰ К делу по обвинению М.Ю. Рывкина была приложена таможенная декларация на продуктовую посылку, которую прислал в Кунцево его сын, работавший в Лондоне и являвшийся британским подданным (ГАРФ. 10035/2/23043).

Контрреволюционная агитация или общественное мнение?

Использование в качестве основного источника настоящей работы архивно-следственных дел периода массовых репрессий неизбежно ставит перед исследователем вопрос о том, насколько можно им доверять, где заканчиваются крупницы истины и начинается размазываться «клубок лжи, клеветы и насилия»³¹. Соглашаясь с тем, что наполнение этих дел представляет собой, «в основном, фальсифицированный материал» и в них «отсутствуют сведения, хоть как-то противоречащие обвинительной тенденции следователя»³², мы не должны на этом ставить точку. При всей фантазматичности самооговоров, прежде всего шпионских и террористических, в них присутствует определенный «сухой остаток», отражающий реалии тех лет. Так, вменяемые в вину арестованным взрывы и аварии действительно имели место, хотя и не являлись следствием сознательного «вредительства». Группы заговорщиков нередко состояли из реальных приверженцев того или иного начальника, проигравшего в карьерной или внутрипартийной борьбе, уволенного с работы, исключенного из ВКП(б).

Вряд ли стоит отмахиваться и от «антисоветских высказываний», содержащихся в делах о контрреволюционной агитации, считая их плодом фантазии

³¹ См.: Головкова Л.А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников российских // Альфа и омега. 2000. № 4. С. 214.

³² Литвин А.Л. Следственные дела советских политических процессов как исторический источник // Проблемы публикации документов по истории России XX века. М., 2001. С. 334.

ежовских палачей. Многое из того, что дошло до нас в протоколах допросов свидетелей, они просто не могли (и не успели бы) выдумать — вспомним хотя бы стихи, частушки, анекдоты. Это часть антитоталитарного общественного мнения, образа мысли, который уже на этапе следствия трансформировался в образ действий, т.е. «агитацию». Скорее всего авторство произведений подобного жанра не принадлежит ни следователям, ни обвиняемым. И те, и другие воспроизводили то, о чем говорили в колхозных пивных и на вокзалах, в очередях и на перекурах.

Чаще всего антисоветские высказывания были подслушаны свидетелями в очереди, где обсуждались новости большой политики и местные сплетни. Второе место занимают разговоры на производстве, в содержании которых преобладало социальное недовольство. Нередко в делах отмечается, что подследственные были в подпитии, их забирали в отделение милиции за дебош, и только там всплывал вопрос о «контрреволюционных высказываниях»³³. Более десятка несдержанных на язык жителей Кунцево и близлежащих поселков были задержаны на перроне Белорусского вокзала, где они в ожидании пригородного поезда давали волю своим эмоциям. Следствие по их делам, завершившимся не одним смертным приговором, вело 54-е отделение милиции г. Москвы³⁴. Сплошь и рядом в свидетельских показаниях читаем: «разговор подслушан в железнодорожном буфете», «находился рядом в тамбуре поезда», хотя в по-

³³ ГАРФ. 10035/2/18543.

³⁴ См., например: дело А.В. Луковникова и В.А. Шушунова, дело П.Е. Дормова (ГАРФ. 10035/1/п-72809; 10035/2/-24149).

следнем случае даже собеседники едва ли слышали друг друга.

Среди высказываний жителей Кунцевского района, зафиксированных в ходе следствия, есть просто перлы городского фольклора, например заявление о том, что «членские билеты служат коммунистам хлебной карточкой»³⁵, или тост «за погибшие корабли, потопленные фашистскими пиратами в Испании»³⁶. Не менее яркие и сценки деревенской жизни, превратившиеся в состав преступления. Елизавета Селина вышла во двор и крикнула мужу, чинившему забор: «Иди кушать, чего стараешься, все равно советские бандиты отберут». Зачастую составом преступления становилось простое сетование на произвол местных властей: «Вся советская власть существует только на взятках, а прямым путем ничего не добьешься»³⁷.

Существуют ли критерии проверки истинности подобных цитат? Они появятся тогда, когда будет накоплен и обработан значительный объем примеров «контрреволюционной пропаганды». Пока же можно ограничиться очевидным: чем дальше то или иное утверждение от усредненного стандарта (типа «высказывал ругательства в адрес Сталина»), тем больше шансов, что оно действительно имело место и было лишь отредактировано работниками госбезопасности. Последним приходилось применять особые меры предосторожности в обращении с подобными материалами. В ряде дел рассказанные подследственными анекдоты записывались на клочках бумаги и заключались в особый конверт, имя Сталина заменялось многоточием, ругательства в адрес коммунистов заменялись наводя-

³⁵ ГАРФ. 10035/1/п-46575.

³⁶ ГАРФ. 10035/1/п-34643.

³⁷ ГАРФ. 10035/1/п-26301.

щими словами (например «антисемитизм», «похабщина» и т.п.).

Просмотренные дела содержат примеры только устной «агитации», дошедшей до нас в показаниях свидетелей или донесениях «сексотов». Единственным исключением является письмо жителя д. Раменское Николая Ремизова, отправленное весной 1937 г. своему дяде Василию Михайловичу. В нем он сообщал о гибели своего отца в лагере для спецпереселенцев. Эти несколько строк не нуждаются в комментариях. Просто удивительно, как мог обычный крестьянский парень так точно и образно выразить чувства, обуревавшие многих.

«Прощай отец! Ты умер вдали от родного дома, заброшенный роковым ударом судьбы в глухие дебри Сибири. Ужасная доля, ужасная судьба миллионов, подобных тебе, загнанных людей, уже исчезнувших в страшной пасти голода, лишений и непосильного труда. Кто вас обрек на эту медленную мучительную смерть? О, сколько вашими силами вырыто каналов, вырублено непроходимых лесов и проведено железных дорог! Вашими черепами замощены русла, вырытых вами каналов, и вместо шпал под рельсами белеются ваши кости, и телами вашими забутили непроходимые болота, чтобы пройти к задуманной цели, неосуществимой в наше время, на ваших костях строим мы воображаемый социализм. И все это скрывается за плотной стеной лжи и неправды. Подтягиваются уже давно затянутые гайки, но всему есть предел, и болты могут лопнуть, если не ослабить гайки. Правда повсюду безжалостно душится, но придет время, найдется великий смелый человек, который выставит на показ эту истину, и ужасна она будет в своей наготы, и

удивятся, отворачиваясь, те, по чьей вине произошли эти ужасы».

По воспоминаниям односельчан, двадцатидвух-летний юноша считался в деревне выдающейся личностью — он был очень начитан, совмещал работу с учебой на факультете журналистики, являлся селько-ром районной газеты «Большевик». Письмо было перехвачено в оперативном отделе лагеря, где находился В.М. Ремизов, прислано в Кунцево и запустило процедуру проверки. В деле самого молодого из пяти Ремизовых, арестованных в районе летом 1937 г., помимо письма сохранились стихи и карикатура на председателя Раменского колхоза, проспавшего прополку. Каждый из листов бумаги превратился в особый пункт обвинительного заключения.

Мысли, созвучные письму Николая, опубликованному в 1991 г.³⁸, высказывались постоянно, хотя и дошли до нас только в пересказе следователей Кунцевского райотдела НКВД. «Советская власть не дает развиваться сельскому хозяйству, она хвалится, что многое сделала, а это все делается кулаками или ссыльными деревенскими мужиками», — утверждал раскулаченный житель деревни Троице-Голенищево В.В. Пыльнов³⁹.

Единственный, кто в ходе дополнительного расследования 1939 г. не отрицал того, что высказывал недовольства существующими порядками, был самый старый из арестованных в Кунцево — сторож Очаковского совхоза немец Карл Коцин. Он продолжал утверждать, что «у помещиков были лучше порядки при ведении хозяйства, чем в совхозах», а «сейчас на каж-

³⁸ Независимая газета. 1991. 4 декабря.

³⁹ ГАРФ. 10035/2/19766.

дого рабочего приходится по одному администратору». После года, проведенного в тюрьме, Коцин был выпущен на свободу — Особое совещание при НКВД признало достаточным ограничиться сроком предварительного заключения. Причиной столь мягкого приговора (единственного среди кунцевских репрессий) явился не учет чистосердечного признания, а более прагматичные мотивы — в лагерях не нужны были иждивенцы. ОСО согласилось с мнением прокурора, предложившего «при рассмотрении дела учесть, что Коцин в возрасте 74 лет согласно медзаключению к труду не годен»⁴⁰.

Попытаемся на кунцевских материалах систематизировать основные темы «контрреволюционной агитации», отдавая себе отчет в том, что они отражают не только общественные настроения, но и установки оперативных работников НКВД. В подавляющем большинстве случаев речь шла о вполне актуальных проблемах — «липовой» Конституции и формальных выборах, безоглядном вранье газет, нехватке товаров в магазинах и некомпетентности начальства. Вина за все неурядицы возлагалась на коммунистов, узурпировавших власть в стране и неспособных наладить нормальную жизнь. Из этого нехитрого набора формировался остов обвинения, на который затем нанизывались специфические моменты.

Особо недовольными оказывались те, кто имел возможность сравнивать свою нынешнюю ситуацию либо с дореволюционной жизнью, либо с положением в других странах. Вот выдержка из протокола допроса поляка В.М. Штыбора, который родился в Германии, провел молодость в США и в 1932 г. прибыл в СССР,

⁴⁰ ГАРФ. 10035/1/п-47738.

с характерным противопоставлением «мы и они»: «Разве это всенародные выборы. Из всего видно, что навязывают людей, которые им нужны, а не рабочим, они все это делают с целью, если у власти будут представители рабочих, то вся промышленность будет работать на их пользу, а сейчас она работает в военных целях»⁴¹.

Для высказываний лиц, отнесенных у кулакам, характерна не только понятная озлобленность («У меня эта власть всю жизнь испортила. На старости лет выгнали из дому, мало этого, за мое же добро, которое ограбили, осудили и посадили»⁴²), но и ожидание близкой войны, которая завершится крахом существующего режима. Это поистине самый упорный из слухов 1930-х гг., присутствие которого в общественном сознании крестьян подтверждается и другими источниками⁴³. Вторжение иностранных армий в Россию (как правило, назывались немцы, поляки или японцы) должно было привести к разгону колхозов и к тому, что «всех коммунистов повесят на первом столбе».

Обилие воинственных заявлений подобного рода, зафиксированных в протоколах допросов 1937 г., выдавало установку на выявление и ликвидацию «пятой колонны», которую местные работники НКВД получали на Лубянке. Угрозы, порожденные чувством собственного бессилия, превращались в «программы террористов». Например, высланный ранее житель деревни Троице-Голенищево В.Е. Летучев говорил о

⁴¹ ГАРФ. 10035/2/24746.

⁴² Из свидетельских показаний о высказываниях П.Н. Фатеева, высланного из своей деревни в ходе коллективизации (ГАРФ. 10035/1/п-52089).

⁴³ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 13.

большевиках: «подождем еще немного, а потом уж будем с ними разделяться, двадцать раз они меня ссылать не будут, а за то, что два раза ссылали, я им отомщу и с ними разделаюсь». Здесь присутствует интересный момент: многие из репрессированных ранее «кулаков» были уверены в том, что хуже уже не будет, не понимая, что власть может отнять у них последнее — саму жизнь.

Массовый террор 1937—1938 гг. не имел аналогов в прошлом, которые заставили бы недовольных скрывать свои эмоции. Отсюда открытость и резкость высказываний еще не пуганых граждан, кажущаяся невероятной в условиях сталинского режима. Многие обращались к историческим параллелям, пытаясь найти ответы на жгучие вопросы. Нередко утверждалось, что «в деле свержения Романовых большое значение сыграла война. Так вот нам нужно быть готовым к предстоящей войне и так тряхнуть этих (оскорбление) коммунистов, чтобы от них не осталось военнопленных»⁴⁴.

Еще более популярным было противопоставление двух периодов советской истории: «Советская власть и организация колхозов крестьянство сделали лодырями, хороших тружеников разогнали по всему Союзу, кого сослали, а кто сам убежал. Когда был жив Ленин, он вел другую политику, сделал НЭП, и если бы он жил до этого времени, так бы и было, а Сталину доверили, так он разогнал все крестьянство»⁴⁵.

Представители высших слоев дореволюционного общества высказывали откровенное злорадование по поводу неудач советской власти, считая, что рано или

⁴⁴ ГАРФ. 10035/1/п-28856.

⁴⁵ Из обвинительного заключения по делу В.Т. Давыдова (ГАРФ. 10035/1/п-31802).

поздно их позовут на помощь. «Ворошилов много нарастил полковников, но толку мало, им еще далеко до старых полковников, вот будет война, нашим определенно наколотят, тогда и нам старым патриотам будет хорошо»⁴⁶. Частным случаем социального злорадства было восприятие показательных процессов: «скоро мы с вами посчитаемся, ни одного живого не оставим, вот уже ваши своих начали расстреливать и всем вам такая же участь»⁴⁷. «Начинают постреливать приближенных к Сталину. Скоро видно доберутся и до Сталина, тогда этой власти будет крышка»⁴⁸.

Бывший владелец самоварной мастерской в Туле Н.Е. Баташев согласно показаниям свидетелей заявлял: «Жду я не дожусь прежних условий жизни, когда я чувствовал себя свободным и жил в почете, а теперь живешь и трясешься. Все это потому, что у власти сидят (антисемитизм) евреи и (оскорбление) коммунисты»⁴⁹. Антисемитских высказываний в делах о «контрреволюционной агитации» достаточно много, они трактуются какотягчающее обстоятельство, даже если были произнесены в пьяном виде⁵⁰. Это косвенный аргумент против того, чтобы видеть в предшествующей фазе репрессий чистку номенклатурных кадров от евреев. В то же время многие высказывания содержали уверенность в том, что при Троцком и Зи-

⁴⁶ Из дела офицера царской армии Ф.Ф. Абросимова (ГАРФ. 10035/1/п-24913. Л. 20).

⁴⁷ ГАРФ. 10035/1/п-60092.

⁴⁸ Высказывание С.П. Каретникова (ГАРФ. 10035/1/п-28856).

⁴⁹ ГАРФ. 10035/1/п-28856. Л. 10.

⁵⁰ ГАРФ. 10035/2/18543.

новьеве жилось бы легче («если бы Троцкий был у власти, не было бы нам вечной каторги»⁵¹).

Материалы следственных дел показывают, что ни для кого в стране не являлся секретом ни размах, ни направленность репрессий 1937 г. «Советская власть во главе с коммунистами (оскорбление), думая избежать войны, начала сажать всех бывших людей, а особенно старое офицерство, но всех не пересажает, у нас еще остался кое-кто из них по Советскому Союзу, и будут продолжать свою деятельность. Вот скоро будет война, придет Гитлер в СССР, а мы ему поможем здесь, и тогда коммунистам будет жара, за все свои обиды отомстим»⁵².

Жертвы сталинских чисток в высшем руководстве страны часто записывались на счет обострения междоусобной борьбы, а дальше ситуация описывалась по принципу «паны дерутся, у холопов чубы летят». Один из кунцевских обвиняемых выражал уверенность в том, что «Тухачевский, Гамарник и другие ни в чем невинные, Ворошилову захотелось их уничтожить и он их уничтожил, сейчас свирепствует ужасный террор, много невинного народа сгниет в тюрьмах»⁵³. Будь фраза об ужасном терроре и его массовых жертвах фантазией следователя, он мог бы быть обвинен в разглашении служебной тайны.

Общественный протест звучал не только в частных разговорах, но и на официальных мероприятиях накануне выборов в Верховный Совет СССР. В этом случае показания свидетелей рисовали похожую картину. Житель д. Татарово М.Г. Бушинов на одном из предвыборных собраний вступил в дискуссию с док-

⁵¹ ГАРФ. 10035/1/п-18431.

⁵² ГАРФ. 10035/1/п-59678.

⁵³ ГАРФ. 10035/2/19265.

ладчиком: «Вы говорите, что наша Конституция самая демократическая в мире, но согласно нашей Конституции и слова нельзя сказать, а если скажешь и заденешь наших руководителей, то тебя за шкуру и в тюрьму. Вот тебе и демократия, лучше бы ее такой демократии не было». Его подельник К. Галеев отказался голосовать за редактора газеты «Правда» Л.З. Мехлиса («неужели хороших людей нет в Кунцевском районе»), предложив в кандидаты себя самого⁵⁴. В ряде показаний свою кандидатуру на предстоявших в декабре 1937 г. выборах предлагали местные священники. Страх властей перед альтернативным движением кандидатов нарастал, и от такой процедуры предпочли вообще отказаться⁵⁵.

Еще одним популярным сюжетом антисоветских высказываний было одобрение убийства Кирова, принимавшее официальную версию, что это был контрреволюционный акт. Отсюда кунцевские следователи перекидывали мостик к «террористическим намерениям», ценившимся в иерархии политических преступлений более высоко. В уста старушки-помещицы Т.П. Ивановской было вложено следующее кровожадное предложение: «У нас в районе хорошо бы сделать то же, что и в Ленинграде. Действовать нужно решительно, достать оружие, выйти на Можайское шоссе и, подождав правительственную машину, кинуться под нее, а другие уничтожат сидящих в ней»⁵⁶.

Огромный поток следственных дел о попытках уничтожить Сталина вызывал насмешку даже у самих

⁵⁴ Цитаты из показаний свидетелей, которые отказались подтверждать их в 1958 г. (ГАРФ. 10035/1/п-51292).

⁵⁵ Getty J. Arch. State and Society under Stalin: Constitution and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. № 1.

⁵⁶ ГАРФ. 10035/1/п-60184.

работников госбезопасности. Исполнявший обязанности начальника третьего отдела УНКВД МО А.О. Постель признавался впоследствии на одном из допросов: «...Если проанализировать протоколы и альбомы осужденных “террористов” по датам и местам, где они намечали осуществление терактов, то получается такая совершенно дикая и невероятная картина, что в дни празднеств 1 мая и 7 ноября в колоннах демонстрантов на Красной площади шагали чуть ли не целые десятки и сотни “террористов”, которые проходя мимо мавзолея должны были якобы стрелять, но по различным причинам им якобы помешали, или же на Можайском шоссе, где проезжали правительственные машины, о чем террористы даже и не знали, в определенные дни летом “дежурили” целые группы разных “террористов”, поджидавших якобы эти машины для стрельбы по ним, чему опять таки якобы помешали какие-то причины, которые и придумывались для правдоподобности показаний»⁵⁷.

Недоумение кадрового сотрудника органов госбезопасности можно сформулировать и по-иному: почему в толпу мифических террористов не затесался хотя бы один реальный? Несмотря на богатые традиции политического террора в российской истории, каких-нибудь реальных действий на этом пути ни в Кунцево, ни где-либо еще не предпринималось. Мы далеки от того, чтобы высказывать по этому факту сожаление, но за ним стоит более широкая проблема. Зарубежные историки указывают на то, что в годы массовых репрессий общество смотрело на власть, как кролик на удава, так и не воспользовавшись своим правом на сопротивление диктатуре. Не вдаваясь в де-

⁵⁷ Бутовский полигон. Вып. 3. С. 345—346.

тали научных споров, отметим ряд моментов, выходящих за рамки районного масштаба.

Даже в деревнях Кунцевского района, в хозяйственном плане ориентированных на потребности столичного региона, сохранялась ментальная автаркия традиционного общества. К большевистской партии можно было относиться с восторгом или ненавистью, но только она выступала в роли скреп, связующих разрозненные социально-географические ячейки в единое государство. Идеи альтернативной власти в материалах следственных дел не простирались дальше внешней агрессии или внутреннего реванша Троцкого и Зиновьева. Потенциал же народного бунта был исчерпан в ходе двух гражданских войн (1917—1921 и 1930—1932 гг.), каждая из которых раскалывала и ломала крестьянский мир. Даже самые активные из селян, сумевшие в те годы устоять и сохранить свое хозяйство, годились только на роли распространителей антисоветских анекдотов.

Не случайно Рукоданов записывал в руководители «повстанческих групп» той или иной деревни людей пришлых — председателей колхозов, учителей, ветеринаров. Если бы не поголовные аресты предшествующих лет, на эту роль вполне подошли бы местные священники. В кунцевских делах содержится информация о том, что они в 1930-е гг. сохраняли свое влияние. Так, при проведении переписи населения раздавались призывы, чтобы «все писались верующими, а то если нас будет мало, советская власть всех нас верующих сошлет и будет издеваться, а когда запишемся всей деревней, то она, т.е. власть, побоится нас тронуть»⁵⁸. К активным протестам и неповинове-

⁵⁸ ГАРФ. 10035/1/п-23962.

нию призывали только жены арестованных, сами находившиеся в состоянии аффекта. Председатель Бакковского сельсовета Узунов жаловался в райотдел НКВД, что жена Б.И. Селина Елизавета «терроризирует население против советской власти», угрожая и ему, и участковому Щаденко кровавой расправой⁵⁹.

Террористы из Немчиновки

Председатель поселкового совета подмосковной Немчиновки И.В. Куликов давно являлся объектом эпистолярных атак своих односельчан. Главный упрек, который выдвигался в его адрес — покровительство «бывшим», прежде всего домовладельцам, которые всеми правдами и неправдами умудрились сохранить свою собственность, переписав ее на родных и знакомых. Квртиранты из социальных низов, неуютно чувствовавшие себя под злобными взглядами прежних хозяев жизни, требовали выселения последних, что автоматически означало улучшение их собственных жилищных условий. Очевидно, Куликов сдерживал подобные настроения, а может быть, и имел материальную выгоду от «бывших», проживавших в Немчиновке. Так или иначе, он находился под пристальным наблюдением аппарата госбезопасности Кунцевского района.

Впрочем, не он один, а весь поселок, т.к. рядом с ним находились дачи высокопоставленных лиц, в частности С.М. Буденного, и кроме того, переезд через железную дорогу, где были вынуждены останавливаться даже правительственные автомобили. Более удобного места для совершения террористического акта

⁵⁹ ГАРФ. 10035/1/п-34643.

трудно было найти. Неизвестно, судачили ли на эту тему местные жители, но в их следственных делах организация покушения на Сталина стала первым пунктом обвинения.

На роль главы террористической организации планировался сам Куликов, но к моменту первых арестов он исчез из поселка. Не исключено, что его предупредили «свои люди» из райотдела НКВД. Пробыв в бегах две недели, Куликов покончил жизнь самоубийством. Следствию пришлось на ходу перераспределять роли. Среди арестованных в первую очередь, 28 октября 1937 г., выделялся П.А. Домнинский, бывший домовладелец и офицер царской армии. У него был найден гостевой билет на прошедший съезд Советов, в котором принимал участие сам Сталин. Домнинскому и предписано было стать во главе заговора.

Только один из арестованных, бухгалтер Наркомата машиностроения Д.П. Сальников начал сразу же давать нужные следователям показания. Его допрашивал Каретников, очевидно, сумевший убедить своего визави в том, что «так нужно для пользы Родины». Следует отметить, что подпись обвиняемого стоит не под каждым ответом, а в конце страницы. Это может служить косвенным показателем того, что Сальников подписывал готовый протокол. 5 ноября в нем появился такой ответ на вопрос о том, подтверждает ли обвиняемый свои показания: «Они являются правдоподобными, соответствуют действительности и записаны с моих слов верно»⁶⁰. Промашка с «правдоподобностью» свидетельствует о том, что Каретников

⁶⁰ Из протокола допроса 5 ноября 1937 г. (ГАРФ. 10035/1/п-32338).

еще не выработал должного стиля. Так или иначе, это дело стало важной ступенькой его кунцевской карьеры.

Признаний Сальникова, который был в поселке чужим человеком, оказалось явно недостаточно для создания обвинительной базы, и в Немчиновку командировали начинающего оперативного работника Никитина. Прибыв на место с инструкциями Рукоданова, образцом свидетельских показаний и списком подозрительных лиц, тот сразу связался с председателем Ново-Ивановского сельсовета С.Ф. Жирновым. Пригрозив последнему соучастием в контрреволюционных действиях, Никитин не только получил негативные характеристики на арестованных жителей Немчиновки, но и добился согласия на стратегическое сотрудничество. Допрошенный в январе 1940 г., Жирнов признал, что следователь оставил ему списки имен и конспект допроса, «и по этому конспекту я сочинял показания свидетелей, а затем предлагал им подписывать»⁶¹. Во время своих постоянных приездов в поселок Никитин «работал» с теми свидетелями, которые отказывались от соучастия в этом спектакле.

Массовый и открытый сбор показаний вызвал в Немчиновке состояние гражданской войны. Фигура оперативника стала символом зла вселенского масштаба. Один из свидетелей позже рассказывал на допросе: Никитин заставил меня два раза подписать протокол, заявляя, что я инвалид и мне ничего не будет. «Больше я не подписывал, я его избегал, потому что в поселке узнали, что я давал показания и стали меня считать лягашом, и даже были случаи, когда ме-

⁶¹ ГАРФ. 10035/1/п-32338. См. также: Бутовский полигон. Вып. 5. С. 350.

ня избили, об этом я говорил Никитину, а он мне один раз просил собрать сведения об одной девушке, за которой он ухаживал. Я отказался, а он меня хотел посадить, довел до станции, а потом отпустил»⁶². В этих нескольких фразах — сюжет для целого романа. Как видно, даже амурные дела вершились в тридцать седьмом году чекистскими методами — сбором компромата и шантажом возлюбленной.

Согласно Жирнову, было собрано более 30 протоколов свидетельских показаний, которые придали томам немчиновского дела необходимую солидность и использовались позже для новых арестов⁶³. Еще не зная, как отнесутся в областном управлении НКВД к столь масштабному заговору, кунцевские следователи разделили двенадцать арестованных на три четверки. Страх перед разоблачением оказался напрасным. В Москве на «тройке» УНКВД все прошло гладко, если не считать того, что предполагавшийся исполнитель теракта Владимир Шнайдрук получил «всего» восемь лет (у лиц, рассматривавших представленные с мест документы, была своя логика — Шнайдруку исполнилось всего семнадцать лет, и с этим, вероятно, связан мягкий приговор). Дело «террористов из Немчиновки» стало образцом для развертывания новых операций в следующем, 1938 г. Еще через два года оно будет пересмотрено и прекращено за недоказанностью обвинения.

⁶² ГАРФ. 10035/1/п-49320. См. также: Бутовский полигон. Вып. 5. С. 349.

⁶³ Так, свидетельские показания, собранные Жирновым, сыграли решающую роль при аресте братьев-близнецов Григория и Евгения Стасуев (ГАРФ/1/п-49298).

Антисоветский заговор главы советской власти. Дело Муралова

Председателем Кунцевского райисполкома с 1933 г. являлся Сергей Константинович Муралов, безупречная биография которого не раз выручала ее хозяина во время кампаний «самокритики» и вызовов на ковер к начальству. Потомственный рабочий, Муралов прошел всю гражданскую войну, служил комиссаром полка в Первой конной армии, был награжден орденом Красного Знамени за участие в подавлении Кронштадтского мятежа. Пожалуй, единственным минусом его дальнейшей карьеры на двадцатом году советской власти было наличие знаменитого однофамильца Николая Муралова, одного из самых верных соратников Троцкого.

Чтобы обезопасить себя от недоброжелателей, Муралов поддерживал приятельские отношения с начальником райотдела НКВД Багликовым, оказывая ему разного рода услуги. Однако тот был смещен со своего поста, и «нужное знакомство» не принесло ожидаемых плодов. Тучи над главой советской власти в Кунцевском районе стали сгущаться весной 1937 г., когда бывший командир его полка вдруг вспомнил, что комиссар Муралов в 1923 г. проявлял троцкистские колебания. Что заставило человека, проживавшего в Иркутской области, спустя столько лет взяться за перо и сочинить донос в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), остается загадкой. Эта бумага стала первой в объемистом деле, ставшем результатом секретного разбирательства — пока в райкоме партии. Собранный компромат был спрятан под сукно, чтобы в нужный момент продемонстрировать бдительность районной номенклатуры.

Момент не заставил себя ждать. Муралов вступил в затяжной конфликт со столичной бюрократией — руководителями областного земельного отдела, ведавшего вопросами сельского хозяйства, и явно переоценил свои силы. Приехавшая в район комиссия первым делом обратила внимание на «засоренность руководящего звена социально чуждым элементом», которая и стала первопричиной всех кунцевских бед — снижения урожайности, падежа скота и даже «вредительского севооборота». Выводы комиссии вели из области аграрной в уголовную: «В Кунцевском районе проводилось организованное вредительство, направленное на развал колхозов. Необходимо передать материал следственным органам для привлечения виновных к ответственности»⁶⁴.

В СССР и тогда, и позже, партийный комитет являлся отцом всех побед, а райисполком нес ответственность за все огрехи и проблемы будничной жизни. Его председатель и был снят со своего поста в первую очередь. Апелляции к московскому комитету ВКП(б) завершились приемом у секретаря, где, как вспоминал впоследствии Муралов, «я получил классический ответ: “Покойников обратно в дом не несут”». Последующие события прояснили скрытый смысл этих слов.

Последний звонок прозвучал в декабре 1937 г., когда был арестован председатель Мособлисполкома Н.А. Филатов. Все его подчиненные автоматически попадали под подозрение в «связи с врагом народа». Областная прокуратура получила из райкома ВКП(б) пухлое дело на Муралова, содержавшее в себе троякое обвинение: троцкистские колебания в 1923 году, за-

⁶⁴ Из дела С.К. Муралова (ГАРФ. 10035/1/п-25777).

жим колхозной демократии и бытовое разложение. Каждого из этих пунктов хватило бы в ту пору для ареста. Но боевая биография в последний раз выручила бывшего комиссара Первой конной: он получил назначение на крупный директорский пост в Ленинград. Как оказалось, ненадолго. С конца января 1938 г. начались аресты в Кунцевском райземеделе, где еще не так давно сам Муралов проводил кадровую чистку. Лучшего кандидата на роль руководителя контрреволюционного заговора в масштабах района трудно было найти.

Приехав к семье на выходные, 11 марта Муралов был арестован прямо на Ленинградском вокзале. Родные были в полном неведении относительно его судьбы до тех пор, пока к ним с обыском не явился лично Каретников. Жена Муралова Екатерина Степановна так описывала обстоятельства этого обыска в заявлении на имя наркома внутренних дел:

«При обыске абсолютно ничего компрометирующего моего мужа не найдено. По окончании обыска тов. Каретников при мне позвонил по телефону и сообщил, что ничего не нашел. Тут же тов. Каретников меня предупредил, переходите с сыном в одну комнату, так как остальные две комнаты у вас наверное заберут и тут же их запечатал. Через день при беседе тов. Каретников сказал, что дело Муралова плохо, а вы ищите работу». Запоздалый обыск был связан с тем, что арестованный отказывался давать показания и упоминание в ходе допроса о печальной участи семьи, снабженное несколькими личными деталями, могло побудить его к «сотрудничеству со следствием». Каретников изъял документы и личную переписку Муралова, а также орден Красного Знамени. Впослед-

ствии выяснилось, что орден не был сдан на хранение в райотдел, а попросту присвоен.

В своем первом заявлении на имя Ежова (а всего их будет написано несколько десятков) через неделю после ареста мужа Екатерина Степановна подчеркивала: «Я пишу Вам не как жена, а как Советская гражданка и заявляю, что у меня хватило бы мужества сообщить НКВД, если бы на протяжении двадцати лет совместной жизни я заметила что-либо антипартийное за своим мужем». Общественная атмосфера тех лет не позволяет усомниться в искренности этого крика души.

Сам Муралов первые дни находился в камере предварительного заключения при райотделе. Состояние шока, охватывавшее в момент ареста человека, убежденного в своей невинности, невозможно передать словами. Именно поэтому «свеженького» обвиняемого сразу же вели на допрос, чтобы добиться нужных признаний. Первые признания от Муралова были получены 14 марта, на третий день после ареста.

Вернувшись живым после восьми лет лагерей на Колыме, он продолжал наивно верить в то, что все произошедшее было всего лишь местным извращением генеральной линии партии. В одном из писем Сталину Муралов писал: «Я считаю себя виновным в том, что я, пробывший в рядах ВКП(б) 20 лет, прошедший большую боевую школу, оказался слабохарактерным и податливым на физическую силу и уловки следователей, которые заставили меня подписать самую мерзкую клевету на себя заявлением: “если ты любишь партию, то должен подписать этот протокол следствия”, “такого рода признания сейчас нужны нашей стране”».

Протокол первого допроса Муралова начинался вопросом, который являлся фирменным знаком кун-

цевских палачей и задавался всем без исключения арестованным: «Ваши политические взгляды?» Столь же стандартно выглядел в каждом случае и протокольный ответ: «Мои политические взгляды на существующий строй и партию отрицательные». Далее начинался индивидуальный подход — в деле Муралова можно прочесть следующее: «Политику ВКП(б) я еще с 1923 г. идейно не разделял, а стоял на точке зрения платформы право-троцкистских элементов (Бухарина, Рыкова, Троцкого), но формально маскируясь членом партии, занимал в ней двурушническо-предательскую политику».

Фактические несуразности, здесь также очевидны, как и их источник. 13 марта 1938 г. завершился третий показательный процесс, на котором бывшие лидеры «правого уклона» во главе с Бухариным были занесены в разряд приспешников Троцкого. Откуда было знать следователю районного звена, воспитанному на «Кратком курсе истории ВКП(б)», что в двадцатые годы Бухарин и Троцкий являлись наиболее непримиримыми оппонентами во внутрипартийной борьбе!

Дальнейший разворот дела Муралова подсказали передовицы «Правды». Среди приговоренных к расстрелу в ходе третьего показательного процесса находился и бывший нарком земледелия М.А. Чернов, которому инкриминировалось вредительство в сфере сельского хозяйства, вплоть до засеивания полей сорняками. Приговор был опубликован в газетах в тот день, когда Муралова заставили подписать первый протокол. Сотрудникам госбезопасности сельского района аграрные проблемы были весьма близки, и следствие направилось по этому пути.

И здесь неоценимую помощь им оказала райкомовская папка с компроматом на Муралова, приоб-

щенная к делу 15 марта. Значительную часть ее объема составляли регулярные доносы воистину гоголевского персонажа — мелкого чиновника в ранге инспектора районного управления народнохозяйственного учета по фамилии Гоголь. В своем роде это был тоже большой писатель. Начав «сигнализировать» в райком, он быстро разобрался в том, кому нужны все нараставшие разоблачения вредителей. Рукоданову пришлось попотеть над таблицами и расчетами добровольного помощника, над процентами бескоровности и осемененности. Вывод был задан заранее — притаившиеся враги подорвали сельское хозяйство района и поставили под угрозу снабжение продуктами столицы. Оставалось лишь подобрать «кадровый состав» вредительской организации и распределить роли между ее членами.

Сценарий, озаглавленный как «показания Муралова 14—26 марта 1938 г.» и сохранившийся в нескольких десятках дел, выглядел следующим образом. Связанный с областным звеном всесоюзного «право-троцкистского центра», Муралов возглавлял подпольщиков в масштабах вверенного ему района, создав «разветвленную контрреволюционную вредительскую организацию с охватом всех отраслей народного хозяйства». Местные подгруппы возглавлялись арестованными представителями номенклатуры. Так, в деревнях Ромашково и Каменная Плотина это были председатели колхозов, в Рассказово, Одинцово и Мневниках — руководители сельских и поселковых советов.

Наряду с ними существовали и отраслевые группы, так или иначе связанные с сельским хозяйством. Сюда были включены работники Машинно-тракторной станции, земельного отдела райисполкома,

районные уполномоченные центральных ведомств по статистике, заготовкам и т.п. Особую группу образовывали кунцевские ветеринарные врачи, арестованные почти поголовно. Кризисное состояние животноводства после коллективизации давало огромный материал для обвинения их во вредительстве. Рукоданов и его подручные рисовали страшные картины: «быки-производители держались на привязи, занимались онанизмом и быстро изнашивались», в то время как яловость коров в районе достигла 30%⁶⁵. Главное обвинение заключалось в том, что врачи-вредители сознательно заражали колхозные стада ящуром. На новом этапе следствия весной 1939 г. выяснилось, что быков и нельзя было выпускать в стадо, а искусственное инфицирование являлось обычным приемом ветеринарной практики. Однако никто из врачей и зоотехников Кунцевского района так и не был реабилитирован.

Сложнее обстояло дело с бывшими членами «контрреволюционных партий» преклонного возраста, арестованных лишь в марте в ходе «последнего призыва». Их подтягивание к заговору «правых» позволяло Рукоданову создать необходимую обвинительную базу. С этой целью в конспекте показаний Муралова появилась следующая фраза: «Областная тройка правых в своих директивах о расширении и укреплении контрреволюционных организаций на местах постановила не замыкаться только кадрами правых, а расширять состав организации за счет эсеровских, меньшевистских и других враждебных элементов, стараясь их не только сохранять, но и продвигать в советский аппарат». Далее следовало перечисление имен, которые в

⁶⁵ ГАРФ. 10035/1/п-44002.

свою очередь становились лидерами районных комитетов «контрреволюционных партий».

В попытках придать заговору «правых» внешнюю правдоподобность кунцевские следователи переходили границы разумного. Так, один из арестованных выступал в качестве «учетчика террористической организации», что, вероятно, должно было подразумевать учет ликвидированных руководителей партии и правительства. Алфавитный список пунктов, описывающих направления подрывной деятельности группы Муралова, заканчивался на букве «р», поражая своим всеохватывающим характером. Реализация даже нескольких пунктов контрреволюционной программы грозила превратить жизнь мирных жителей Кунцево в сущий ад.

Следствие в отношении мураловцев не удалось втиснуть в рамки «массовых операций», и оно продолжалось еще в течение года. Смертных приговоров здесь не выносилось, но в отличие от операций по «националам» смена Ежова Берией не привела даже к робким попыткам реабилитации невинных людей. В январе 1939 г. бывший руководитель Кунцевского райотдела НКВД Багликов был арестован среди прочего за «связь с врагом народа Мураловым»⁶⁶. Последнего все еще держали «про запас», на случай новой волны репрессий. После интенсивной обработки в марте бывшего председателя райисполкома не вызывали на допросы в течении последующих девяти месяцев. Лишь 29 мая 1939 г. он получил по приговору Особого совещания при НКВД от восьми лет лагерей.

⁶⁶ ГАРФ. 10035/1/п-7698.

Семейный подход в практике репрессий.

Дело Пресновых

Следующий сюжет демонстрирует слепоту и беспощадность «массовых операций» начала 1938 г. в Кунцевском районе. В небольшой деревушке Крылатское, расположенной на крутом берегу Москвы-реки, не было даже названий улиц, а дома имели сплошную нумерацию. Едва ли не половина деревни носила фамилию Пресновых — объединяла она и большую крестьянскую семью, проживавшую в доме под № 127. Мать, Екатерина Николаевна, после смерти мужа одна поднимала четверых детей. Старшему, Василию, в 1937 г. исполнилось тридцать восемь, младшему, Николаю, двадцать два. Близость столицы да большой огород позволили семье Пресновых пережить голодное время после коллективизации, когда родовой надел пришлось отдать в колхоз «Свободный труд». Братья постоянно ездили на заработки в Москву, сестра Варвара освоила труд вязальщицы-надомницы. Жизнь стала постепенно налаживаться, Василий и Иван обзавелись собственными семьями.

А тут еще невиданное счастье привалило — живописная деревушка приглянулась немцу Эрнсту Шуле, работавшему в посольстве Германии. Дипломат снял на лето часть дома у радушной крестьянской семьи, отвалив за сезон немалые по тем временам деньги — полторы тысячи рублей. Наверняка Шуле привлекли не только красоты природы, но и возможность поближе познакомиться с загадочной русской душой, пожив в самой настоящей деревне всего в десяти километрах от Кремля.

Судя по всему, немцу здесь понравилось — он продолжал наведываться к Пресновым и после завер-

шения дачного сезона, демонстрируя деревенским ребятишкам скоростной спуск на лыжах со знаменитых Крылатских холмов. Идиллия образца 1937 г. не могла продолжаться долго — посольская машина смотрелась уж слишком необычно на скромных деревенских улицах, и кто-то из бдительных соседей написал донос в райотдел НКВД. Знали бы в семье Пресновых, чем обернется для них кратковременное знакомство с западным дипломатом — не подпустили бы его и за версту. Но от судьбы не уйдешь... 22 января 1938 г. она явилась к ним в образе уполномоченных, и просторный крестьянский дом сразу опустел. По одному и тому же ордеру арестовали всех, кого застали — Василия, Николая, Ивана, Варвару и жену Ивана — Татьяну. Заодно прихватили с собой и Ивана Сергеевича Преснова, двоюродного брата, проживавшего по соседству.

Их знакомство с немецким дипломатом стало отправной точкой дела о шпионской группе, якобы существовавшей в деревне. Но какие секреты могли выдать иностранцам чернорабочий, строитель, грузчик, слесарь и вязальщица на дому? Первый допрос каждого из арестованных братьев и сестры ограничился биографическими данными и признанием знакомства с Шуле, на основе которого был сочинен «деревенский детектив». В заранее подготовленных протоколах присутствовала ключевая фраза: «Основной целью шпионской группы, участником которой являюсь я и перечисленные мной лица, являлся подрыв оборонной мощи Советского Союза путем систематического сбора сведений об объектах оборонного значения»⁶⁷. В качестве последних в деле фигурировали продовольст-

⁶⁷ ГАРФ. 10035/1/п-60950—п-60952, п-60958—п-60960.

венный склад, дом отдыха и колхоз «Свободный труд».

Сочинение подобной фантазмагии было еще половиной дела — следователь должен был заставить арестованных подписать весь этот бред. После первого допроса в следствии по делу шестерых Пресновых наступил более чем недельный перерыв. Известно, что период «интенсивной обработки» арестованных не протоколировался, и мы можем только гадать, какими методами малограмотных крестьян заставляли сознаться в не содеянном преступлении. Первой не выдержала Татьяна — 2 февраля она подписала протокол допроса с признанием своей шпионской деятельности. В последующие два дня были получены аналогичные признания и от остальных арестованных. Каждый из протоколов, умещавшийся на двух страницах машинописного текста, был как две капли воды похож на своих собратьев. Практически неотличимы друг от друга были и подписи крестьян, возможно, сфальсифицированные самим следователем.

20 февраля 1938 г. «двойка» приговорила всех шестерых Пресновых к расстрелу. Спустя несколько дней все они оказались на полигоне смерти в Бутово. Для следователя Кунцевского райотдела НКВД сержанта госбезопасности Б.Д. Смирнова это дело, приведшее обычную крестьянскую семью к роковому итогу, оказалось последним успехом. 26 февраля 1938 г. в своем служебном кабинете он покончил жизнь самоубийством.

Трагическая история семьи Пресновых получила еще одно неожиданное продолжение. После их ареста единственным хозяином большого крестьянского дома остался шестилетний сын Ивана и Татьяны Витя, которого забрал к себе дедушка. Дом стоял опечатанным

до начала дачного сезона, когда в него вселился... все тот же Каретников. Новоявленный дачник не только не собирался платить за наем жилого помещения, но и не пускал в дом мальчика и его опекуна. Дед Павел Иванович Морозов не побоялся написать по этому поводу возмущенное заявление в суд, отправив копию наркому внутренних дел Ежову. Арест Каретникова разрешил вопрос в пользу последнего из Пресновых.

Дело семьи из Крылатского было далеко не единственным, где аресты проводились по принципу родства. В условиях сельского района семейный принцип был очень удобен — помимо очевидной экономии времени при арестах и обысках не приходилось выдумывать связь между арестованными. С июля 1937 г. по март 1938 г. Кунцевским райотделом НКВД по неполным данным было сфабриковано более сорока следственных дел, в которых фигурировали ближайшие родственники.

В один день, 26 января 1938 г., были арестованы в своем доме в деревне Теплый стан Семен Козлов и Александр Шувалов, приходившиеся друг другу тестем и зятем. В один день ровно через месяц из Тропарево были доставлены на улицу Загорского отец и сын Складновы⁶⁸. Вместе арестованных, их вместе вели к расстрельному рву в Бутово. Кто знает, удалось или нет им перекинуться прощальными словами перед револьверным выстрелом.

В один день, 16 августа 1938 г. были расстреляны три брата, Иван, Иосиф и Бронислав Этминусы. Все трое работали в Кунцево на игольном заводе, ходили в передовиках и строили планы на будущее. Их перечеркнула польская национальность, хотя родились

⁶⁸ ГАРФ. 10035/2/23854-23857.

братья еще в пределах Российской империи⁶⁹. В рамках той же шпионской группы были репрессированы брат и сестра Болтруковичи, отец и сын Цихотские. Отца и сына Бревдо, вместе работавших на патронном заводе, арестовали в разное время, но в Таганской тюрьме им довелось оказаться в одной камере⁷⁰.

Целыми семьями согласно приказу НКВД № 00593 репрессировались «харбинцы», т.е. лица, проживавшие ранее в Манчжурии и работавшие на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). 20 ноября 1937 г. в Кунцево были арестованы Евдокия Михайловна Балыкова и ее сын Василий. Второй из близнецов Петя, студент одного из столичных вузов, на следующий день нашел пустую квартиру (отец семейства был репрессирован ранее). Он тут же направился в райотдел, чтобы выяснить судьбу матери и брата. Выяснение завершилось трагично — после беседы с Каретниковым Петя был также арестован⁷¹. Близнецы получили по десять лет лагерей, их мать приговорили к расстрелу. Сестры Евдокия и Ульяна Пода, муж одной из них Артемий и сын Леонид приехали в Кунцево уже после того, как КВЖД была возвращена Китаю. У «харбинки» Веры Михайловны Чуприк, вначале были арестованы сын и муж, затем она сама и ее брат⁷².

Порой достаточно трудно установить степень родства людей, попавших в список кунцевских жертв. Особенно это касается жителей деревень, где все приходились друг другу дальними родственниками. Семь Ремизовых из деревни Аминьево являлись друг другу

⁶⁹ ГАРФ. 10035/1/п-24984, п-26041, 29143.

⁷⁰ ГАРФ. 10035/1/п-50029.

⁷¹ ГАРФ. 10035/1/п-63240.

⁷² ГАРФ. 10035/1/п-63233.

братьями, дядьками, сыновьями, племянниками. О самом молодом из них, Коле Ремизове, речь уже шла выше. Если выйти за рамки «массовых операций», то число Ремизовых, репрессированных по политическим мотивам, вырастет почти вдвое. Все они оказались в числе кулаков, сопротивлявшихся насильственной коллективизации. Михаил Иванович и Иван Егорович в 1932 г. были высланы на три года, брат последнего Николай, являвшийся председателем Аминьевского сельсовета, продержался до 1935 г. Накануне июльского приказа 1937 г. получил срок за контрреволюционную агитацию Александр Павлович Ремизов. Все эти дела вел следователь Рукоданов, который специализировался на классовой борьбе в деревне. Кто знает, может быть особая «урожайность» исторического села Аминьево была связана с тем, что оно находилось в двух шагах от центра Кунцево, где располагался райотдел НКВД⁷³.

Немецкая колония в Кунцевском районе. Дело Фейергердов

В этом разделе речь пойдет не просто о лицах немецкой национальности, а об иностранцах-коммунистах. Как минимум десять имен — таков вклад Кунцевского райотдела НКВД в список членов КПГ — жертв сталинского террора, опубликованный в Германии в 1991 г.⁷⁴ Всех их в Советскую Россию, а следовательно, в Кунцево, привело революционное

⁷³ ГАРФ. 10035/1/п-8454, п-13778, п-40663, п-40664.

⁷⁴ In den Fängen des NKWD. Deutsche Opfer des stalinistischen Terrors in der UdSSR. Berlin, 1991.

прошлое, все они после прихода Гитлера к власти стали политэмигрантами.

Этот статус, дававший ранее солидные преимущества, с середины 1930-х гг. превратился в несмыслимое клеймо. Пестовавшийся правящей партией в СССР в годы нэпа культ «наших за границей», подразумевавший радостные встречи с зарубежными братьями по классу, покровительственное отношение к ним, живущим еще при капиталистах, исподволь сменил культ «чужих в нашей стране», куда чохом были записаны и иностранные коммунисты.

Те из них, кто до приезда в Советский Союз побывал в полиции или тюрьме, автоматически подозревался в «вербовке классовым врагом». Сложный механизм перепроверки состава политэмиграции привел к резкому сокращению ее рядов. Растущий разрыв между привезенными из-за границы идеальными образами страны социализма и советской реальностью вел иностранцев к психологическим срывам, а порой и самоубийствам. Того, кто сумел вписаться в образ «советского человека», ждало последнее испытание — испытание террором 1937—1938 гг. Как и в сюжетах, представленных выше, здесь господствовал семейный принцип.

Самыми заметными из немецких политэмигрантов в Кунцево были Луиза и Вильгельм Гадроссек. Согласно автобиографии Вильгельм вырос в семье левых социал-демократов, в возрасте семнадцати лет участвовал в Ноябрьской революции, позже являлся сотрудником военно-политического аппарата КПГ и готовил осенью 1923 г. так называемый «германский Октябрь». После того, как на его след вышла полиция, он эмигрировал в СССР и работал в Республике немцев Поволжья. Через три года он вернулся в Германию и до 1932 г. числился

служащим советского торгпредства, фактически выполняя роль связного между КПП и Коминтерном⁷⁵.

Луиза Гадроссек также выросла в революционной атмосфере. Отец, Курт Штейнбрехер, был членом КПП с момента основания партии, шесть ее братьев и сестер также разделяли леворадикальные взгляды. В марте 1921 г. Луиза была курьером во время коммунистического восстания в Центральной Германии, и после его разгрома несколько месяцев провела в тюрьме г. Галле. Позже товарищи по партии укрыли молодую девушку в Берлине, где она под именем Розы Штиллер начала работать в аппарате ЦК КПП, а потом стала машинисткой в советском торгпредстве.

В 1932 г. семья Гадроссек оказалась в Кунцево, где Вильгельм получил должность технического директора игольного завода. Если не считать задержки с переводом в ряды ВКП(б), карьера молодого инженера складывалась весьма успешно. На заводе использовалось новейшее оборудование из Германии, и Гадроссек не раз сопровождал его директора Лазарева в служебные командировки, выполняя роль советчика и переводчика. Воспитывавшая маленького Гейнца Луиза пыталась играть роль хозяйки немецкой колонии на заводе, устраивая для соотечественников «общие завтраки». Несмотря на образцово-показательный образ жизни политэмигрантов в Кунцево, отдел кадров Коминтерна неоднократно получал запросы из органов НКВД с требованием предоставить на них негативную информацию. До поры до времени давался стандартный ответ: «компрометирующих данных не имеется».

⁷⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). 495/205/4660.

15 октября 1936 г. один из кунцевских коллег написал на Вильгельма достаточно абсурдный донос. Он и не скрывал, что причиной его поступка стал разлад в отношениях его семьи и семьи Гадроссек. Хотя в Коминтерне письму не поверили, но отправили его в «соответствующую организацию», как на жаргоне тех лет назывались органы госбезопасности. 11 ноября Вильгельм был арестован центральным аппаратом НКВД. В апреле 1937 г. он получил «всего» пять лет, но ровно через год в лагере Дальстроя вновь попал в поле зрения карательных органов и был расстрелян.

После ареста мужа вокруг Луизы образовался вакуум. Никто из старых знакомых не хотел навлекать на себя подозрения, общаясь с подозрительной иностранкой. Данные из райотдела НКВД использовала местная пресса, нагнетавшая атмосферу всеобщей подозрительности. Районная газета «Большевик» подчеркивала в передовой статье: «Оторвавшись от партийной организации, обманывая и лицемеря, Лазарев был окружен подхалимами, угодливо обдelyвавшими любые грязные делишки. В этой атмосфере долгое время орудовали враги, в частности, германский шпион Гидросек, бывший одним из приближенных Лазарева»⁷⁶.

Колония немецких коммунистов в Кунцево с каждым днем уменьшалась. Луиза Гадроссек попала в здание райотдела на улице Загорского 25 октября 1937 г. Еще при аресте Вильгельма был конфискован и бесследно пропал немецкий мотоцикл. Когда арестовывали Луизу, исчезло и остальное имущество, привезенное из

⁷⁶ Передовая статья «Правдивость и честность» // Большевик. 1937. 8 июня.

Германии. Попытки найти следы утраченного в 1950-е гг. завершились ничем. Допрошенный спустя двадцать лет работник Кунцевского райотдела Ефремов пояснил, что «опись и сдача имущества арестованных в госфонд сотрудниками райотдела производилась самостоятельно»⁷⁷. Однако ни в одном из следственных дел кунцевских жертв не имеется соответствующих бумаг. Документы же районного финотдела, которые могли бы пролить свет на судьбу имущества репрессированных, были уничтожены в годы войны.

Еще большим ударом, чем потеря свободы, стало для Луизы Гадроссек насильственное расставание с сыном. Десятилетний мальчик был направлен в Даниловский приемник, куда свозили детей «врагов народа». Это единственный подобный случай а практике Кунцевского райотдела НКВД. Обычно, чтобы избежать лишних хлопот, детей оставляли родственникам, благо, в деревнях их хватало. Сыну Луизы и Вильгельма дали русские имя и фамилию, правда, созвучные истинным. После стандартного следствия с вымышленным протоколом дело Луизы отправили на Особое совещание НКВД. 10 лет, полученные якобы за контрреволюционную агитацию среди жителей Кунцево, звучали прямым издевательством — даже из лагеря она могла писать заявления Ежову и Вышинскому только на немецком языке

Подбор остальных кандидатов в «группу Гадроссека» производился по остаточному принципу уже после того, как Луиза была осуждена. В январе 1938 г. были арестованы латыш Карл Бурхард, немки Эрика Гюбнер, Татьяна Зоммерфельд и ее отец. Сохранившая немецкое гражданство Маргарита Гюнтер отделалась дос-

⁷⁷ ГАРФ. 10035/1/65924.

таточно легко — с нее была взята только подписка о невыезде. После полугодового разбирательства обвинения со скромной парикмахерши были сняты обвинения в шпионаже.

А вот Вильгельма Штейница (подлинное имя Артур Ковалевский) германское гражданство не спасло от расстрела. Член КПГ с 1920 г., он состоял в Союзе красных фронтовиков, на деле являясь функционером военизированной организации партии. В ночь под новый 1932 год Штейницу удалась дерзкая операция: со склада в местечке Тросдорф под Кельном им было похищено около 200 килограммов динамита, более 8 тыс. детонаторов и бикфордов шнур. Взрывчатка понадобилась бы коммунистам в ходе готовившегося вооруженного восстания («половину я отправил в Берлин, а часть раздал в местных организациях», утверждал в ходе следствия Штейниц), но вместо него в Германии к власти пришел фашизм.

Штейниц и его помощник Петер Цирт сразу же после проведения «экспроприации» перешли на нелегальное положение и в мае 1933 г. были переправлены партией в СССР⁷⁸. Оба обосновались в Кунцево и начали работать на игольном заводе. Отношения Штейница с немецкими товарищами и заводской администрацией сразу же испортились. Он постоянно жаловался на маленькую зарплату и «добровольные» поборы, а в мае 1935 г. отказался подписываться на очередной заем в размере месячного заработка и уволился. Согласно сообщению Гадроссека в представительство КПГ, Штейниц «повел себя не как коммунист» и «дезертировал с завода». Тем не менее немецкая пар-

⁷⁸ РГАСПИ. 495/205/4644, 4646.

тия выхлопотала заслуженному боевику через МОПР персональную пенсию.

Внутренний разлад в душе Штейница нарастал — вначале от него уехала жена Кристина, вернувшись к детям в Германию. Немецкий коммунист отказался принять советское гражданство и стал искать забытья в вине, его несколько раз задерживали в пьяном виде кунцевские милиционеры. После того, руководству КПГ как стало известно о его попытках выехать в США, он был исключен из партии.

Петля вокруг Штейница затягивалась постепенно — уже в апреле 1937 г. был арестован весь круг его русских знакомых — сестры Михайловы, Г.Н. Белоусов. От них был получен необходимый «компромат». Но для того, чтобы арестовать иностранного подданного, требовалась санкция вышестоящих инстанций. Появление приказа НКВД № 00439, подразумевавшего арест всех германских граждан, работавших на оборонных заводах, развязало руки сотрудникам Кунцевского райотдела. Чтобы попасть в рамки приказа, Штейниц был определен главой мифической шпионской сети на заводе № 46, где он никогда не работал.

Тот факт, что Вильгельм Штейниц проживал в СССР под вымышленным именем, избавил карательные органы от отношения к нему как к иностранному подданному. Германское посольство вряд ли бы нашло его следы, а тем более заступилось за человека с такой биографией. На родине Артура Ковалевского ждало гестапо и концентрационный лагерь. Из Кунцево Вильгельм Штейниц был отправлен на расстрел в Бутово.

В его группу были включены коммунистические эмигранты из Германии Фридрих Гриче и Эрнст Мей-

ер. Последний жил в одной квартире со Штейницем и, вероятно, по его совету накануне ареста забрал из милиции заявление о переходе в гражданство СССР. На допросе он так объяснил мотив своего поступка: «Во-первых, у меня в Германию 17 июля 1937 г. уехала жена, я не хотел жить без нее, и во-вторых я знал, что меня все равно здесь должны арестовать». Посещение посольства обернулось немедленным арестом, следствием, которое вел третий отдел УНКВД МО, и приговором к высшей мере наказания.

В группе Штейница оказались также Карл и Гертруда Гефлих — оппоненты семьи Гадроссеков в борьбе за неформальное лидерство над кунцевской колонией немцев. Карл (подлинное имя Георг Хелеи) был одним из ведущих деятелей Венгерской революции 1919 г., возглавляя Военно-революционный трибунал в Будапеште. После разгрома Венгерской советской республики он бежал в Германию, отвечал в центральном аппарате КПП за финансирование газетных издательств. Позже Карл и Гертруда Гефлих работали в советской школе в Берлине, в марте 1933 г. эмигрировали в СССР⁷⁹.

Уже после ареста Карла Гефлиха за него поручился Вальтер Дитбендер, секретарь комиссии КПП по переводу эмигрантов в ВКП(б). Такое в 1937 г. случилось крайне редко, обычно от арестованного органами НКВД открещивались даже близкие друзья. Мужество Дитбендера, поставившего под сомнение тезис о том, что «чекисты не ошибаются», достойно всяческого уважения. Вскоре арестуют его самого, и на допросах

⁷⁹ РГАСПИ. 495/205/4651, 4652.

всплывут факты тесного сотрудничества его комиссии с органами государственной безопасности⁸⁰.

Младший товарищ и поделщик Штейница в краже взрывчатки также сменил фамилию, став Петером Функом. В отличие от строптивного функционера военного аппарата КПГ он нашел свое место в кунцевской жизни. На игольном заводе Функ-Цирт был в передовиках и в ноябре 1935 г. получил советское гражданство. За год до этого из Германии приехала его жена Кэти Лоршейд, которой после прихода нацистов к власти пришлось провести несколько месяцев в концлагере⁸¹. В 1936 у молодой семьи родилась дочь Татьяна. В личном деле Цирта-Функа, которое велось в московском представительстве германской компартии, нет ни одной негативной строчки. Наверное, поэтому обвинительное заключение по его делу ограничилось «контактами с арестованными шпионами». Однако и этого оказалось достаточно для расстрельного приговора.

Вторым после Игольного завода местом сосредоточения немецких политэмигрантов в Кунцевском районе был «пункт номер один отдела международной связи Коминтерна», находившийся неподалеку от деревни Суково. Здесь проживали тайные курьеры зарубежных компартий, проходило их обучение и конспи-

⁸⁰ Müller R. «Wir kommen alle dran». Säuberungen unter den deutschen Politemigranten in der Sowjetunion (1934—1938) // Terror. Stalinistische Parteisäuberungen 1936—1953. Paderborn u.a., 1998. S. 125.

⁸¹ К.Лоршейд была арестована в феврале 1938 г. и приговорена к восьми годам заключения. Подробнее о ее дальнейшей судьбе см.: Stark M. «Ich muss sagen, wie es war». Deutsche Frauen des GULag. Berlin, 1999. S. 256—257.

ративные встречи с руководителями Исполкома Коминтерна (ИККИ). Попутно «пункт номер один» использовался для летнего отдыха коминтерновцев, а также для обеспечения столовой ИККИ свежими продуктами. Он был создан в 1932 г., когда из-за продовольственных трудностей аппарат Коминтерна открепили от Инснаба⁸² и ее руководителям всерьез пришлось заниматься легальным «самоснабжением» вплоть до создания собственной свинофермы⁸³.

История этого подсобного хозяйства, проходившего по документам как «дом отдыха Кунцево», имеет непосредственное отношение к теме книги и заслуживает нескольких слов. Его первым директором стал немец Адольф Штанге. Он попал в Россию военнопленным, с конца 1918 г. работал в Немецком совете рабочих и солдатских депутатов, взявшем на себя функции посольства Германии в столице Советской России. После того, как посольское здание в Денежном переулке досталось Коминтерну, Штанге стал курьером этой организации.

Посланный в начале 1920-х гг. с агитотрядом ИККИ в деревню, он присмотрел себе живописное место неподалеку от станции Немчиновка. Сельсовет выделил ему землю и сторожку во владениях бывшего суковского помещика. Немецкий поселенец наладил образцовое хозяйство, стал разводить цветы и клубнику. Он продолжал играть роль просветителя и агитатора, вызывая зависть и недоброжелательство односель-

⁸² «Иностранное снабжение» — организация, занимавшаяся обеспечением продуктами дипломатических миссий в Москве.

⁸³ РГАСПИ. 495/7/24. Л. 1, 9.

чан. В деревне поговаривали: «Появился новоявленный помещик, да еще и из Коминтерна».

Сдача сторожки на лето дачникам, молоко и ягоды, которые Штанге возил и продавал прямо в здании Коминтерна, не могли пройти бесследно. В 1929 г. при партийной чистке коллеги потребовали его исключения из ВКП(б) как спекулянта. Спасло Штанге заступничество секретаря Исполкома Коминтерна финна Отто Куусинена. Как замечает в своих мемуарах жена последнего, «защищая немецкого коммуниста, Отто ничем не рисковал. И потом, он любил клубнику...»⁸⁴.

Выговор, полученный Штанге за «хозяйственное обращение», оказался только первым звеном в цепи неприятностей. Решающий удар по его «фермерскому хозяйству» (так в материалах чистки) нанесла коллективизация. Чтобы не потерять хозяйство, Штанге придумал гениальную комбинацию — он сдал его... в Коминтерн, получив солидную компенсацию и став директором «подсобного хозяйства».

Четыре гектара земли и помещичья усадьба, ставшая домом отдыха для 30 человек, не решили проблемы обеспечения продовольствием и организации летнего отдыха коминтерновцев. Зато они стали предметом подробного разбирательства в ходе следующей партийной чистки осенью 1933 г. Штанге был обвинен в бесхозяйственности и взятках, которые он давал руководителям местного колхоза овсом и картошкой. Больше всех товарищей по партии возмущало

⁸⁴ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Петрозаводск, 1991. С. 46.

то, что им приходилось самим выезжать в Немчиновку для прополки сорняков.

Присутствовавший на заседании член ЦКК ВКП(б) А.А. Сольц, одна из весьма заметных фигур в иерархии большевизма, вынес приговор: «Он живет в вашем “имении” и одновременно вы позволяете ему развивать свое хозяйство. В таких условиях оно обязательно должно стать кулацким»⁸⁵. Под грузом политических обвинений Штанге вернулся на работу в ИККИ. Вместо собственного дома он получил от кунцевских властей угол в Немчиновке, где ютился с женой и шестью дочерьми. В августе 1937 г. его уволили по сокращению штатов. После ареста в январе 1938 г. работники Кунцевского райотдела НКВД определили Адольфа Штанге в одну шпионскую группу с российскими немцами, даже не доверив поста ее руководителя.

Наследником Штанге на посту директора коминтерновской дачи стал еще один немец, Артур Гольке. В 1920-е гг. он являлся членом ЦК КПГ и ведал партийными финансами. Будучи депутатом прусского ландтага, Гольке прославился потасовками в его стенах с представителями правых партий. Оказавшись в результате внутрипартийных коллизий вне руководства КПГ и эмигрировав в Советский Союз, Гольке по протекции руководителя отдела международной связи ИККИ Я.Абрамова-Мирова получил этот хозяйственный пост. Повальные аресты сотрудников ОМСа привели к увольнению Гольке из аппарата Коминтерна за «связь с врагами народа».

Аналогичное обвинение становилось прелюдией к аресту многих политэмигрантов, оказавшихся в 1937 г. в Советском Союзе. Наивно пытаясь «пересидеть»

⁸⁵ РГАСПИ. 495/205/11788. Л. 25.

волну репрессий, они уезжали из столицы в подмосковные деревни или на ударные стройки, но и там их настигали репрессии. При доме отдыха Коминтерна, переименованном в «пункт связи № 1», образовалась целая колония немецких эмигрантов, существовавшая независимо от кунцевской. Помимо Гольке там проживали Инга Фелькер, сестры Берта и Лидия Фейергерд, там же работал их брат Александр.

Трагическая история шести братьев и сестер Фейергерд, с начала 1920-х гг. работавших в Берлине на советское посольство, а затем на Коминтерн и разведку, эмигрировавших после прихода Гитлера к власти в СССР и ставших жертвами сталинского террора, заслуживает особого внимания. Семья проживала в Кишиневе и в начале мировой войны мужчины были интернированы. После подписания Брестского мира один за другим они смогли вернуться в Германию.

Старший из братьев, Фриц, в декабре 1918 г. по рекомендации одного из лидеров группы «Спартак» Л. Иогихеса стал курьером советских эмиссаров, прибывших в Берлин для помощи германской революции. Позже он основал магазин по продаже электротоваров, служивший одной из самых надежных явок КПГ⁸⁶. В берлинском аппарате Имперского комиссара по наблюдению за общественным порядком имелись данные на всех представителей семьи Фейергерд.

Особый интерес германской контрразведки вызывали Фриц, ставший секретарем советского полпреда в Берлине Н.Н. Крестинского и его двоюродный брат Пауль, работавший дипкурьером и перевозивший ценности для финансирования коммунистической пропаганды. Так, согласно донесению от 23 июля

⁸⁶ РГАСПИ. 495/205/3163. Л. 1.

1927 г., он привез из Москвы коробку с бриллиантами общей стоимостью 2 млн марок⁸⁷. Вильгельм Фейергерд оказался в годы гражданской войны в России и был мобилизован в армию Деникина. Через Турцию он пробрался в Берлин, где поступил на службу в советское посольство. Там же его братья Франц и Александр работали шоферами, а сестра Берта — машинисткой.

Первым из семьи был репрессирован старший, Фриц, работавший в Разведывательном управлении Красной Армии. Он был арестован 13 августа 1937 г. в рамках подготовки «антикоминтерновского дела», которое планировалось на роль четвертого показательного процесса. 5 ноября, через неделю после расстрела Фрица, арестовали Пауля. Его судила Военная коллегия Верховного суда, и он, как и все приговоренные этой инстанцией к смертной казни, был погребен на территории бывшей дачи Ягоды⁸⁸. Это место находилось совсем недалеко от Бутовского полигона, где 28 мая 1938 г. расстреляли Вильгельма Фейергерда⁸⁹.

Оставшиеся к этому моменту в живых три представителя семьи Фейергерд уже стали подследственными Кунцевского райотдела НКВД. После смерти отца семейства в 1935 г. мать Розина Этингер с двумя дочерьми переехала из Берлина в Москву. Через месяц после приезда она умерла, и Берта приняла на себя роль главы семейства. Она устроилась работать в службу связи Коминтерна, Лидия продолжала учебу.

⁸⁷ Российский государственный архив военной истории, 772/1/10. Л. 16; 772/1/19. Л. 101.

⁸⁸ Расстрельные списки. Москва, 1937—1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000. С. 416.

⁸⁹ ГАРФ. 10035/2/24455.

Найти жилье в столице было очень трудно, и женщин поселили на коминтерновской даче. Проживание в подмосковной деревне, особенно зимой, явно не выдерживало сравнений с былой берлинской жизнью. Следующим ударом судьбы стал арест братьев и увольнение из аппарата ИККИ. Оказавшись в безвыходной ситуации, Берта решилась на отчаянный шаг — отправилась за визой в германское посольство.

На следующий день, 26 января 1938 г., ее арестовали. Заодно районные оперативники прихватили и младшую сестру. Хотя их везли в Кунцево в одном «воронке», в следственном деле у Лидии появилась запись, что она арестована по показаниям своей старшей сестры. У запуганных женщин удалось без труда получить признания в шпионской деятельности. О том, как конструировались подобные обвинения, свидетельствует следующий отрывок из допроса одной из сестер:

«Вопрос: Проживая при деревне Суково, знали ли Вы, что там находится аэродром (речь идет об аэропорте, получившем позже более благозвучное название Внуковский. — *А.В.*)?»

Ответ: Проживая при деревне Суково, я знала, что там находится аэродром и видела, что там спускались аэропланы и находились палатки.

Вопрос: Были ли Вы когда на территории аэродрома и зачем?

Ответ: На территорию аэродрома при деревне Суково я никогда и ни за чем ни ходила.

Вопрос: Следствием установлено, что Вы часто гуляли по территории, расположенной возле Суковского аэродрома. С кем Вы гуляли и цель Ваших прогулок?

Ответ: Да, действительно, по территории возле Суковского аэродрома я часто гуляла в свободное время и в выходные дни со своей сестрой Фейергерд Бертой Карловной, а также с братьями — Александром, Вильгельмом, Фридрихом, с их женами и детьми... Целью было хорошо провести время, так как место там дачное»⁹⁰.

Из этого диалога было скроено обвинение, достаточное для передачи дела во внесудебные органы — сестры прогуливались по лесу и попутно заводили знакомства с летным составом, выпытывая у юных и неопытных «учлетов» секретные сведения. Показания Берты и Лидии должны были породить цепную реакцию арестов всех тех, с кем они были знакомы и кто по анкетным данным подходил на роль «врага народа». Главную роль отвели Артуру Гольке. В ночь на 14 марта 1938 г., когда были получены первые признания от Сергея Муралова, Кунцевский райотдел НКВД провел операцию по «обезвреживанию шпионской националистической группы», куда помимо безработного к тому времени Гольке вошли шофер Александр Фейергерд, пенсионеры, два повара, бухгалтер «Главсахара» и пожарник — всего восемь человек, немцы, поляки и латыши.

Согласно протоколам допросов, через шофера шла в Берлин «информация о состоянии шоссейных дорог Московской области», повара должны были в момент начала войны спровоцировать антисоветское восстание своих клиентов (очевидно, резко уменьшив вложение продуктов в готовившиеся ими блюда), ну а работник сахарного фронта уже в мирное время систематически дезорганизовывал снабжение столицы.

⁹⁰ Копия допроса Лидии Фейергерд находится в следственном деле ее сестры (ГАРФ. 10035/1/23478).

Все это можно было бы свести к дурному анекдоту, если бы следствием подобных самооговоров не оказывался приговор к высшей мере наказания.

Тяжелей всего приходилось кунцевским следователям при подготовке протоколов допросов пенсионеров, домохозяек и безработных. Один из образцов их «творчества» сохранился в следственном деле поляка В.В. Колбута, за недостатком немцев записанного в состав группы Гольке: «Я, будучи хорошо знаком с Кунцевским районом и имея много свободного времени, т.к. нигде не работал, имел возможность делать продолжительные прогулки, а поэтому узнавал в это время о состоянии шоссейных дорог района, расположении важных объектов для обороны и эти сведения мною передавались Александру Фейергерду. Получив от него сорные семена трав, я их рассыпал на колхозные поля, тем самым снижался урожай и сеялось недовольство среди колхозников»⁹¹.

В отличие от большинства «шпионских дел» в Кунцевский райотдел НКВД было вызваны несколько рабочих «пункта номер один» для дачи показаний против Гольке. Они так и не смогли привести примеров шпионской деятельности своего начальника, подписав придуманную следователем формулировку о том, что Гольке «насаждал фашистскую систему управления хозяйством», «с презрением относился к русским рабочим и умышленно не изучал русский язык». Пожалуй, искренним было лишь заявление свидетелей, что немец отбирал у них на проходной спиртное, а изрядно выпивших сажал на ночь в подвал для протрезвления⁹².

⁹¹ ГАРФ. 10035/1/п-21602.

⁹² ГАРФ. 10035/1/п-23556.

Главным аргументом обвинения по делу Гольке было его знакомство с Б.Н. Мельниковым (Мюллером), расстрелянным в 1937 г. сотрудником ОМС ИККИ. Нити шпионских заговоров, которые изобретали в то время и на Лубянке, и в низовых структурах НКВД, вели, как правило, в тупик. Недоступными для следствия «резидентами» могли быть либо вернувшиеся на родину иностранные специалисты, либо пользовавшиеся дипломатическим иммунитетом сотрудники посольств, либо уже казненные жертвы террора. Тем самым исключалась возможность проверки этих дел, очевидные пробелы в которых объяснялись объективными обстоятельствами. В августе 1938 г. трое членов «группы Гольке» были расстреляны, остальные были отправлены в лагеря.

Чтобы завершить историю семьи Фейергерд, следует сказать о единственном выжившем из шести братьев и сестер — Франце. Ему «повезло» — он работал в советском посольстве в Вене и после присоединения Австрии к «третьему рейху» попал в концлагерь Равенсбрюк. Вопрос о том, почему Франц Фейергерд не сумел своевременно выехать в Советский Союз, остается открытым — быть может, он какими-то путями узнал о трагической судьбе своих родных и не захотел ее повторять. Ему удалось выжить в нацистском концлагере, и в 1950-е гг. он работал дипломатическим курьером ГДР⁹³.

⁹³ Устное сообщение его дочери Веры Фейергерд, Берлин, июнь 1997.

Национально-производственный принцип в практике репрессий

Дело о вредительстве на Московской областной станции полеводства стало первым, где обвиняемые во главе с директором Николаевым отбиралась по производственному принципу. До начала 1938 г. в Кунцевском районе была репрессирована только одна заводская группа, состоявшая из восьми рабочих и служащих Одинцовского лесотарного комбината⁹⁴. С переносом акцента на «национальные операции» методы фальсификаторской работы в Кунцевском райотделе НКВД радикально изменились. На первый план выдвинулся национально-производственный принцип формирования шпионских групп, а значит, акцент репрессий переместился из деревни в город.

Последний день зимы на Бутовском полигоне выдался необыкновенно жарким. Нет, речь не о погоде, февральский мороз щипал как надо. Комендантской команде как будто пришлось закрывать месячный наряд — 562 расстрелянных за один день, это страшный рекорд Бутово. Завершалась операция по приказу № 00447, и «посадочные места» готовились для другой категории жертв террора. Среди расстрелянных 28 февраля 1938 г. были и первые ласточки «национальной» операции. Среди них — жители Кунцево Роман Клят и Эдуард Цихотский, которых поспешно убрали после получения показаний, необходимых для «шпионского разворота» на оборонном заводе № 95.

Резидентом шпионской группы Каретников определил Е.С. Бабушкину, когда-то работавшую на заводе, а затем ставшую научным сотрудником Академии

⁹⁴ ГАРФ. 10035/1/п-46575.

наук. Она не была полькой, зато ее мать до 1930 г. работала прачкой в польском консульстве в Москве и проживала на его территории. Более подходящий случай вряд ли бы представился. В группу Бабушкиной было включено пять человек, и по каждому из них было заведено отдельное следственное дело. Еще не все из них были отправлено на заседание «двойки», а на заводе № 95 начались новые аресты. 22 февраля и 12 марта было арестовано 18 человек, записанных в анкетах как поляки. Чтобы справиться с потоком арестованных, Каретников ограничивался только выбиванием подписей на уже готовых протоколах. По данным графологической экспертизы, протокол допроса М.М. Аниковича был переписан от руки сотрудницей Кунцевского ЗАГСа Метелкиной⁹⁵.

Через членов семьи арестованных ниточки шпионских заговоров протягивались и на другие предприятия Кунцево. Мечислав Цихотский к моменту расстрела сына уже неделю находился под арестом. Из дел следует, что сын и отец ничего не знали о шпионской деятельности друг друга, хотя и тот, и другой работали на польскую разведку⁹⁶. Мечислав Цихотский являлся заместителем главного бухгалтера на игольном заводе, а потому вполне подходил на роль руководителя «националистической террористическо-повстанческой, вредительско-диверсионной и шпионской группы», как она именовалась во всех обвинительных заключениях. Отбор рядовых шпионов в нее

⁹⁵ ГАРФ. 10035/1/п-29137.

⁹⁶ Это случалось довольно часто — ничего не знали о шпионской деятельности друг друга Ольга Розенберг и ее муж Василий Климентьевский, отец и сын Зоммерфельд и другие семейные жертвы кунцевского террора.

фактически производился отделом кадров, давшим информацию о поляках, работавших на заводе.

На его администрацию возлагалась и поставка обвинительного материала в отношении 13 арестованных. Директор завода Д.М. Чистов позже рассказывал об этой практике: «Сотрудники Кунцевского районного отдела НКВД всегда подчеркивали, что на арестованных лиц у них имеются веские материалы, и поэтому сами указывали, в каком плане нужно дать характеристику на того или иного работника завода. Если мною давалась характеристика объективная, то они такие характеристики возвращали обратно. При этом намекали мне, что Вы, мол, сами себя ставите под подозрение, давая такие характеристики на врагов народа»⁹⁷.

Среди арестованных преобладала «номенклатура» — начальники цехов, инженеры, но были и простые рабочие. Поскольку завод выпускал швейные иголки, обвинить его сотрудников в шпионаже было непросто. Чтобы как-то выйти из положения, следователь Соловьев вложил в уста одного из арестованных такую фразу: «Если развалим завод, поставим под угрозу снабжение одеждой армии, а отсюда и моральное состояние ее бойцов»⁹⁸. Десять из тринадцати членов «контрреволюционной польской организации» были расстреляны. Игольный завод, разом лишившись значительной части своего руководства, вошел в полосу хозяйственных неудач.

В то время как подчиненные «чистили» скромную индустрию провинциального городка от лиц польской и латышской национальности (к ним заодно присте-

⁹⁷ ГАРФ. 10035/1/п-26041.

⁹⁸ ГАРФ. 10035/1/п-26041.

гивали украинцев, белорусов и евреев, особенно выходцев из Прибалтики), Каретников изобретал все более экзотические формы шпионской паутины, якобы окутавшей Кунцево. После самоубийства следователя Смирнова ему достались в качестве подследственных два грека, записанные в анкетах как лица без определенных занятий. Один из них так и не признал себя виновным, другой — Г.Х. Илиадис стал «резидентом германской разведки, возглавлявшим шпионскую контрреволюционную группу греков»⁹⁹.

Точнее было бы написать — гречанок, поскольку только они входили в группу Илиадиса. Такого раньше не было в практике репрессий (шпионаж считался все-таки мужской профессией), очевидно, мужской контингент с подходящими анкетными данными в Кунцевском районе был практически исчерпан. Возможно и иное объяснение — женщину было проще запугать и добиться подписи под протоколом, а в условиях «мартовского пика» экономия времени и сил работников НКВД выступала отнюдь не последним фактором следствия.

Тот факт, что все гречанки являлись домохозяйками или лотошницами, а посему не имели доступа к военным тайнам, никого не смущал. За два дня допросов, 3 и 5 марта 1938 г., Каретников получил восемь признаний в шпионской деятельности. Потомки жителей Эллады якобы совращали рабочих оборонных заводов и выпытывали у них секретную информацию. А пока комиссия наркома внутренних дел и прокурора СССР определила каждой из них от 8 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

⁹⁹ ГАРФ. 10035/1/п-61786.

Скорее исключением, чем правилом в практике кунцевских репрессий было сведение в одну группу лиц, которых нельзя было связать друг с другом ни по национальному, ни по производственному принципу. Их аресты свидетельствовали о том, что информация о «лицах враждебной национальности» собиралась не только в паспортном столе и заводских отделах кадров, но и от участковых милиционеров, до которых фактически спускался общегосударственный план репрессий. В результате в немку превращалась даже учительница немецкого языка, среди разоблаченных шпионов, как в случае с гречанками, стали нормальным явлением лица без определенных занятий, кустари и домохозяйки.

Следователи Дикий и Соловьев буквально в три дня, 14—16 марта сколотили из них особую шпионско-диверсионную группу, участники которой, как признавал в 1940 г. на допросе тот же Соловьев, «узнавали друг друга только в камере предварительного заключения»¹⁰⁰. Из двенадцати членов группы, которую волей следствия возглавил токарь текстильной фабрики В.Ф. Данич, было пять женщин. Достаточно бледно выглядели и их преступные деяния. Так, учительница немецкого языка Г.Г. Ферапонтова «проповедовала преимущества фашистского строя среди школьников», домохозяйки ограничивались распространением антисоветских слухов. Связанная якобы с польской разведкой группа представляла собой целый интернационал: латыши, немцы, евреи. Попытка поскорее избавиться от явного даже по меркам 1938 г. «липачества» не удалась: на расстрел успели отправить

¹⁰⁰ Из показаний Соловьева от 16 июля 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-50176).

только Данича и Р.К. Неймана, дела остальных членов группы были позже пересмотрены.

Отказ Москвы осуждать по первой категории женщин-домохозяек (и возврат следственных дел из УНКВД МО на «доработку», хотя в них самих этот факт не отмечался) вновь и вновь возвращал исполнителей к производственному принципу проведения репрессий. Если исходить из числа арестованных, то главной жертвой «массовых операций» в Кунцево оказался завод № 46, производивший патроны для стрелкового оружия. Специфика производства, связанного со взрывчатыми веществами, текучесть кадров и слабая дисциплина вели к постоянным авариям на заводе, хотя вряд ли он особо выделялся на общем фоне форсированной индустриализации советской экономики. Однако для разоблачения вредительства и диверсий вряд ли можно было бы найти более благодатную почву.

К числу первых жертв репрессий на заводе № 46 можно отнести его директора Плоткина, который застрелился в предчувствии ареста. Главный механик завода М.М. Авдеев был арестован еще в октябре 1937 г., главный инженер Д.В. Новиков и коммерческий директор С.А. Марткович — в ноябре. В конце января следующего года одиночек-вредителей сменили шпионские коллективы. Первый из «резидентов» был импортирован из Москвы. Им стал латыш Карл Озолин, арестованный 28 января 1938 г. Сокольническим райотделом НКВД г. Москвы. В обвинительном заключении по делу Озолина ни слова нет о заводе № 46, не допрашивался он об этом и после ареста членов своей «шпионской группы» в Кунцево¹⁰¹.

¹⁰¹ ГАРФ. 10035/1/п-25966.

После приговора к высшей мере наказания Озолин был превращен из несправедливо обвиненного в заочного обвинителя, от которого в разные стороны потянулись цепочки арестов. Вероятно, ценную информацию о его знакомстве с работавшими на заводе № 46 латышами предоставили Кунцевскому РО НКВД коллеги из Сокольников. Следствие, которое вели оперативные работники Смирнов и Соловьев, завершилось в течение недели. Десять из двенадцати членов «латышской шпионской группы» на патронном заводе, в которую определили также Новикова и Мартковича, были расстреляны.

Вскоре оказалось, что это была только «пристрелка» к предстоявшей операции на том же заводе — самой крупной из массовых репрессий в Кунцево и последней — в карьере Каретникова. Чтобы экономить время, он с оперативной группой выезжал на завод и там производил аресты¹⁰². За несколько дней начиная с середины марта было арестовано около 50 заводчан, причем около трети из них составляли женщины. Более половины из них были записаны в анкетах как поляки, затем шли немцы, латыши и представители других национальностей.

Основой сценария разоблаченного заговора явилась адресованная в Кунцевский райотдел НКВД справка за подписью главного инженера патронного завода, в которой были расписаны особо уязвимые места этого предприятия¹⁰³. Там было перечислено буквально все — от электроподстанции до пороховых складов, от пожарного водоема до подъездных путей,

¹⁰² См. заявление А.П. Важинского от 1 марта 1939 г. (ГАРФ. 10035/1/п-50163).

¹⁰³ ГАРФ. 10035/1/п-52533.

и Каретникову оставалось только расставить по местам арестованных членов шпионской сети.

Их допросы велись с ошеломляющей скоростью. Из просмотренных 30 протоколов, составленных в течение двух недель, 14 подписаны Каретниковым, 10 — инспектором ЗАГСа Петушковым и 6 — начальником пожарной охраны Живовым. Последние только переписывали то, что сочинял «мозговой центр» райотдела НКВД, и добивались признаний арестованных. Абсурдность выдвигавшихся обвинений не требует комментариев — в случае войны взорвать каждый из заводских цехов должны были независимо друг от друга не менее десятка диверсантов. Вспомним иное — при аресте Каретникова помимо «квартирного вопроса» ему вменялось в вину, что на обслуживаемых им предприятиях продолжало работать более ста человек с подозрительными биографиями. Если бы не контрольная дата прекращения «национальных операций», утвержденная на самом высоком уровне¹⁰⁴, — 15 апреля 1938 г. — вторая чистка патронного завода оказалась бы не последней.

Уже после того, как был арестован «серый кардинал» районного аппарата госбезопасности, запущенный им механизм продолжал поглощать все новые жертвы. Прекратились аресты, но следствие спешно доводилось до заседания «двойки». Словосочетание «оборонный завод» имело роковое звучание — шесть работниц завода № 46 были приговорены к расстрелу. Их судьба была решена 29 июля 1938 г., а постановление о передаче их дел на рассмотрение внесудебных органов было оформлено только задним числом,

¹⁰⁴ Решение об этом было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1938 г. (см.: Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 190—191).

13 августа. К этому дню Александру Шпакову уже засыпали бутовской землей. Остальным женщинам пришлось дожидаться своего часа еще две недели.

Последствия «массовых операций» в Кунцево

По далеко неполным данным за девять месяцев «массовых операций» в Кунцевском районе было арестовано около 560 человек, из них более половины было приговорено к расстрелу. Самым популярным сроком лагерного заключения, который давали «тройки» и «двойки», были десять лет. Максимальный срок — 15 лет — получил С.Г. Дулин, один из участников мифической организации «Наше дело» в Кунцево¹⁰⁵. В то время как дела эсеров рассматривались Особым совещанием при НКВД, Дулин попал на Военную коллегия Верховного суда. Очевидно, сказалось его знакомство с оппозиционерами высокого ранга М.П. Томским и Г.Н. Мельничанским в бытность директором института заочного обучения при ВСНХ.

Беззаконие вершилось не только на этапе следствия и решения внесудебной инстанции. Людей отправляли на расстрел без объявления приговора¹⁰⁶. Приговоренным к лагерному заключению срок называли только при выходе из вагона уже на месте¹⁰⁷. Невозможно измерить и описать мучения родных и близких репрессированных. Они увольнялись с работы, изо дня в день ездили по московским тюрьмам, нередко получая стандартное извещение: «десять лет

¹⁰⁵ ГАРФ. 10035/1/п-34140.

¹⁰⁶ О том, как приводились в исполнение смертные приговоры см. Бутовский полигон. Вып. 1. С. 25—26.

¹⁰⁷ ГАРФ. 10035/1/п-70909.

без права переписки». Зачастую их под тем или иным предлогом выселяли с занимаемой жилплощади. Так, жена А.А. Гайлеша зимой 1938 г. оказалась с двумя маленькими детьми на неотапливаемой веранде размером в пять квадратных метров.

Крестьянские семьи теряли кормильцев и оказывались на грани физического существования. У жителя деревни Терешково Ивана Дючкова после ареста осталось девять детей, самый младший из них только что родился. Мать из-за нервного потрясения не смогла его выкормить, и он умер. На многих в те годы ложилось клеймо «пособников врага народа», им приходилось вытравливать из собственной памяти родственников, друзей и сослуживцев.

После смены Ежова Берией попытки разобраться в содеянном остановились на полпути — никто не решался поставить вопрос ни о причинах репрессий, ни о реабилитации их жертв. В предварительном заключении, в том числе и в самом Кунцевском райотделе, продолжало находиться около сотни человек, большинство из которых уже призналось в несовершенных преступлениях. Из Москвы поступили негласные рекомендации завершать следствие любой ценой. Цыганов в своем рапорте 26 декабря 1938 г. отмечал: «Некоторые люди были посажены недоработанными, поэтому мы в настоящее время надрываемся над следствием».

В начале следующего года в Кунцево было переброшено несколько оперативных сотрудников из соседних районов — Красногорского и Истринского. Дела срочно приводились в порядок, проводились новые допросы. Откровенных фальсификаций уже не допускалось, но их инерция давала о себе знать. Заявления обвиняемых о даче «мартовских» показаний под

давлением следствия фиксировались в протоколах допросов, однако эти показания продолжали фигурировать в обвинительных заключениях, датированных первой половиной 1939 г.

Вызванных по второму кругу свидетелей четко ориентировали на то, чего от них ждут. Обвинения в подготовке диверсий и вредительстве исчезли, но их сменили не менее стандартные формулировки вроде «опошления колхозного строя». Оперативные работники запрашивали компрометирующие документы (характеристики, акты об авариях, браке и т.д.) от администрации кунцевских заводов. Так, у кладовщицы Брониславы Болтрукович через год после ее ареста было обнаружено «крайне запущенное и запутанное состояние склада»¹⁰⁸. Обвиняемым в соответствии со статьей 206 УПК стали объявлять о завершении следствия. Шпионаж и террор заменялись контрреволюционной агитацией¹⁰⁹, эти дела передавались на заседание Особого совещания при НКВД, где обвиняемые получали от трех до восьми лет лагерей.

Лишь с января 1939 г. в Кунцево стронулся с места процесс освобождения жертв «массовых операций». Первыми освободили 12 работников завода № 46¹¹⁰. При их допросах выяснилось, что Т.С. Кохановская оказалась украинкой, И.Я. Редько — белорусом, хотя в анкетах их записали поляками. Такая же участь по-

¹⁰⁸ ГАРФ. 10035/1/п-21839.

¹⁰⁹ В ряде дел имеется отпечатанный на машинке бланк: «В процессе следствия участие _____ в контрреволюционной эсеровско-меньшевистской организации не установлено, а добыты данные о том, что _____ занимался контрреволюционной агитацией», куда лишь вписывалась соответствующая фамилия (ГАРФ. 10035/1/П-55451).

¹¹⁰ По данным на 1940 г. всего было освобождено 27 работников завода № 46.

стигла нескольких евреев, некоторые из которых вообще никогда не были в Польше. Однако про методы ведения следствия Каретниковым и его подручными в протоколах передопросов не было записано ни единого слова.

Даже те из жителей Кунцево, кому вернули свободу, получили шок на всю жизнь. У многих было подорвано здоровье из-за невероятной скученности в тюрьме, где они провели почти год. У М.С. Голенгрин, арестованной 13 марта 1938 г. на пятом месяце беременности, в Новинской женской тюрьме, располагавшейся на месте нынешней столичной мэрии, родился ребенок. Хотя райотдел НКВД получил указание о предоставлении освобожденным жилья по прежнему месту жительства, на деле это было невыполнимо. Люди потеряли работу, социальные связи, их встречало отчуждение окружающих.

Директива НКВД и прокурора СССР от 26 декабря 1938 г. за № 2709 требовала от органов внутренних дел принимать к рассмотрению любые жалобы на несправедливые приговоры «троек»¹¹¹. Она же применялась и в отношении лиц, осужденных «двойками». Как правило, по письмам проводилась формальная проверка, в лучшем случае передопрос свидетелей. Подавляющее большинство итоговых документов по пересмотру дел заканчивалось словами: «приговор не подлежит изменению». Но были и счастливые исключения. Владимир Шнайдрок, единственный оставшийся в живых из двенадцати немчиновских «террористов»¹¹², написал в 1939 г. грамотную жалобу в Прокуратуру. Проверка, проведенная следственной частью УНКВД МО, показала, что дело, начиная от показа-

¹¹¹ Полный текст см.: Бутовский полигон. Вып. 5. С. 344.

¹¹² Восемь человек были приговорены к расстрелу, Ф.Ф. Чулков умер на этапе следствия, Д.П. Сальников и И.В. Грустнов — в лагерях.

ний свидетелей и заканчивая обвинением, сфабриковано. Постановление об отмене решения «тройки» предусматривало привлечение к уголовной ответственности следователя Никитина и председателя сельсовета Жирнова¹¹³.

Наряду с заявлениями самих осужденных и их родственников толчок процессу реабилитации давали и другие запросы. Чрезвычайно редко, но встречались и коллективные заявления, вроде письма сорока двух членов колхоза «На страже социализма», направленного депутату Верховного Совета СССР от Кунцевского района Л.З. Мехлису¹¹⁴. В 1939 г. из греческой миссии в наркомат иностранных дел поступила просьба о пересмотре дел женщин, вошедших в сфабрикованную Каретниковым «греческую шпионскую организацию». Как оказалось, в нее попали мать и брат работника миссии, проживавшие в Баковке и сохранившие греческое гражданство. Этот случай находился на личном контроле Берии. При перепроверке дела оказалось, что двух свидетелей, на показаниях которых строилось обвинение, вообще не существовало в природе¹¹⁵. Попутно выяснилось, что Е.Э. Кос-

¹¹³ ГАРФ. 10035/1/п-32338, аналогичные постановления содержатся в делах п-49320 и п-49330.

¹¹⁴ Это письмо было переправлено Мехлисом Берии, и проверка проводилась на самом высоком уровне. Тем не менее в пересмотре дела было отказано, а председатель сельсовета Левин, заверивший письмо колхозников, был подвергнут партийному взысканию (ГАРФ. 10035/1/п-31357).

¹¹⁵ По результатам проверки появилось «указание Наркома о привлечении к уголовной ответственности сотрудников Кунцевского райотдела НКВД МО — Дикого Г.Н., Петушкова В.Ф., Фролова Д.С., за подлоги, фальсификацию материалов следствия и применение извращенных методов при допросах арестованных» (ГАРФ. 10035/1/п-47013). Было ли выполнено это указание, автору неизвестно.

таки и Л.Э. Папахристуло не были осуждены и продолжали находиться в Новинской тюрьме в роли подследственных. На допросах гречанки в один голос рассказывали о побоях и психологическом давлении, вынудивших их подписать заведомую неправду. В конце 1939 г. дело было закрыто за недоказанностью обвинения¹¹⁶.

Имело свое продолжение и дело секретной сотрудницы НКВД «Снежинки», арестованной Каретниковым без согласования с курировавшими ее сотрудниками госбезопасности из центрального аппарата. Ее письмо из лагеря с жалобой на произвол кунцевских следователей попало по адресу и вызвало в феврале 1939 г. грозное постановление с визой первого заместителя наркома Всеволода Меркулова. Резолютивная часть постановления требовала «обязать начальника УНКВД Московской области создать комиссию по проверке дел по Кунцевскому РО НКВД за время работы Каретникова и Кузнецова (арестованы) на предмет выявления всех дел, по которым следствие было проведено неправильно». Это так и осталось благим пожеланием. Неоднократные попытки следователей УНКВД пересмотреть приговор по делу бывшего секретного сотрудника разбивались о бюрократические препоны и были прекращены в апреле 1941 г. Сама «Снежинка» умерла в лагере всего за несколько месяцев до окончания своего десятилетнего срока.

Родные самоотверженно боролись за судьбы своих близких, попавших в лагерь. Освобожденный в январе 1939 г. из-под следствия Иосиф Илюкович искал своих родителей, арестованных незадолго до него. В письмах он рисовал картину беспредела, творившегося в Кунцевском райотделе НКВД. Анализ архивно-

¹¹⁶ ГАРФ. 10035/1/п-47468, п-48224 — п-48229.

следственных дел показывает, что постоянные апелляции во все мыслимые и немыслимые инстанции могли стронуть с места даже машину сталинского правосудия. Трое сыновей учительницы Г.Г. Ферапонтовой в своих письмах приводили все новые и новые аргументы в пользу невиновности своей матери.

Обращает на себя внимание то, что провинциальный городок был прекрасно осведомлен о состоянии дел в местных органах госбезопасности — в заявлении сыновей от 11 июня 1940 г. подчеркивалось, что «в ближайший после ареста матери год большая часть судебных работников, в том числе и следователь Дикий, были с работы сняты и арестованы»¹¹⁷. Проверка дела Василия Николаевича Углецкого началась после того, как в марте 1939 г. трое его детей-пионеров написали трогательное письмо Л.З. Мехлису, убеждая «дядю» в невиновности своего отца. Пересмотр продолжался больше полугода и был тихо свернут после того, как выяснилось, что Углецкий умер в Севвостлаге еще 10 декабря 1938 г.¹¹⁸

Почти во всех заявлениях репрессированных жителей Кунцево шла речь о том, что их угрозами и силой заставили подписать заранее подготовленный протокол допроса. Однако уже уволенный из органов НКВД Рукоданов, ставший начальником спецчасти Кунцевского райторга, продолжал настаивать на том, что «никаких репрессий и физических воздействий над этими обвиняемыми с моей стороны не было. Протоколы допроса были написаны только с их слов,

¹¹⁷ ГАРФ. 10035/1/48282. Ферапонтова была освобождена 4 января 1941 г.

¹¹⁸ ГАРФ. 10035/1/п-22114.

в чем они расписались без всякого воздействия»¹¹⁹. Его показания являлись одним из мотивов для отказа в пересмотре большинства приговоров 1937—1938 гг.

В 1939 г. постепенно очнулись от паралича и судебные инстанции. Иногда даже секретариат Особого совещания при НКВД отказывался выносить приговор, мотивируя это возможностью направления дела в уголовный суд¹²⁰. Крестьянин из деревни Мневники С.А. Шушунов был оправдан решением Московского областного суда после того, как вызванные на судебное заседание свидетели отказались подтверждать свои показания¹²¹. Областная прокуратура также неоднократно отправляла на доследование дела жителей Кунцевского района, арестованных в ходе «массовых операций»¹²².

Однако бериевская реабилитация продолжалась недолго. Из-за все нараставшего потока жалоб директива № 2709 в апреле 1940 г. была заменена приказом НКВД и Прокурора СССР № 0165, который отменял обязательную проверку дел осужденных «тройками» по их заявлениям. Приказу была придана обратная сила, и в результате освобожденный накануне его появления А.И.Зайцев так и не был выпущен из Бамлага. Пять раз с 1939 по 1946 г. пересматривалось дело пятерых работников свиноводческого совхоза «Пятилетка», территория которого вплотную примыкала к Филевскому авиазаводу. Каждый раз принимались разные решения — приговор отменить, «снизить до фактически отбытого срока» или оставить в силе. В

¹¹⁹ Протокол допроса от 3 марта 1941 г. (ГАРФ. 10035/1/п-30447).

¹²⁰ ГАРФ. 10035/1/п-34140.

¹²¹ ГАРФ. 10035/1/п-8049.

¹²² См., например, дело Я.В. Дерова, освобожденного по протесту прокурора 2 января 1940 г. (ГАРФ. 10035/1/п-7808).

результате бюрократической неразберихи досрочно не был освобожден никто — два свиновода отбыли полный срок, два погибли в лагерях и один расстрелян еще в 1937 г.¹²³

Среди реабилитированных накануне войны жителей Кунцево не было представителей колонии немецких коммунистов. Берта Фейергерд не выдержала жестких условий Крайнего Севера и умерла в лагере. Ее младшая сестра Лидия попала в печально известный транспорт с немецкими политэмигрантами, которых в конце 1939 г. насильно отправили в Германию, фактически «сдав» гестаповским палачам. В поезде она познакомилась с австрийцем, который стал ее мужем, а вскоре был отправлен на фронт и погиб. Жена Александра Фейергерда была также выслана в Германию, и на границе с Польшей покончила жизнь самоубийством. Сына, оставшегося сиротой, дальние родственники вернули в Германию при помощи Красного Креста¹²⁴.

Луиза Гадроссек, оказавшаяся в голой казахской степи, в Карагандинском лагере НКВД, обратилась за помощью к Вильгельму Пику, которого знала лично по работе в аппарате ЦК КПГ. На ее письме имеется пометка самого генерального секретаря Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова, что первый экземпляр русского перевода был послан в «соответствующую организацию». Однако данных о том, что товарищи по партии вступились за Луизу Гадроссек, не имеется¹²⁵. Ее дело рассматривалось вначале в проку-

¹²³ ГАРФ. 10035/2/20790.

¹²⁴ Устное сообщение Веры Фейергерд (Берлин, июнь 1997 г.).

¹²⁵ РГАСПИ. 495/205/1258.

ратуре, а затем в областном управлении НКВД. Окончательный результат содержался в постановлении, подписанном Меркуловым 9 сентября 1940 г. — в пересмотре дела отказать, т.к. «Гадроссек крайне подозрительна по шпионажу»¹²⁶.

Иностранка, плохо знавшая русский язык, она не теряла присутствия духа даже в нечеловеческих условиях сталинских лагерей. В письме Пику Луиза Гадроссек сообщала, что используется «в качестве строительного рабочего по изготовлению кирпичей. Работа меня удовлетворяет, несмотря на то, что она тяжелая. Чувствуешь себя все-же полезным членом общества после столь продолжительного времени (пребывания в предварительном заключении. — *А.В.*). ...В июне я получу впервые заработанные деньги, так что сумею кое-что прикупать. Климат здесь очень суровый, ветренный и непостоянный. Вокруг голая степь и холмы. Я сильно страдаю от перемены погоды, так как сердечно-больная, но нужно выдержать, ничего другого не остается»¹²⁷.

Луиза выдержала все — молчание бывших товарищей, десять лет лагерей, затем спецпоселение, борьбу за реабилитацию, которую получила лишь в 1961 г. Сын Луизы и Вильгельма Гадроссек Гейнц, ставший Геннадием Васильевичем, нашел свою мать через Красный Крест только в феврале 1962 г. В 1964 Луиза после обращения в ЦК КПСС смогла выехать на постоянное место жительства в ГДР. Сыну и его семье в выезде отказали.

Суровые условия Крайнего Севера, недоедание, изнуряющий физический труд делали свое дело. Из общего числа кунцевских жертв, приговоренных к

¹²⁶ ГАРФ. 10035/1/п-65924.

¹²⁷ Цит. по переводу на русский язык, сделанному в Исполкоме Коминтерна (РГАСПИ. 495/205/1258).

различным срокам заключения, более половины так и не вышли из лагерей. Статистика их смертности (далеко не всегда отмеченной в следственном деле) имеет два пика — 1939 и 1944 гг. Тот, кто сумел выжить, оставался в лагерях до конца войны.

Многие из жителей Кунцево и окрестных деревень после отбытия срока не могли вернуться к себе на родину, даже если там продолжали проживать их ближайшие родственники. Район попадал в режимную зону, где действовало печально известное правило «сто первого километра», и освободившиеся из мест заключения селились по линии Белорусской железной дороги, чтобы тайком навещать своих близких. У Екатерины Александровны Блиновой, получившей восемь лет лагерей за членство в секте баптистов, осталось в Немчиновке, где она проживала, семеро сыновей. К 1945 г., когда она была освобождена, трое из них погибли на фронте. Тем не менее старой женщине еще десять лет не разрешали жить в родном доме, и она тайно приезжала навещать своих сыновей из Смоленской области.

Новая полоса арестов жителей Кунцевского района, уже единожды репрессированных, пришлась на конец 1940-х гг. Людей, отбывших срок в восемь — десять лет, и, как правило, оставшихся работать в лагерях вольнонаемными, вновь обвиняли в несовершенных преступлениях, иногда по тем же пунктам, что и в 1938 г. В их следственных делах появлялся второй том со стандартным набором документов. Скидок не делалось ни для стариков, ни для женщин. Муралов после отбытия срока проживал в г. Александров на «сто первом километре», и в 1948 г. был вновь отправлен в лагерь, откуда уже не вернулся.

Массовая реабилитация жертв политических репрессий началась только после смерти Сталина. В

Кунцево, к которому вплотную придвинулась стремительно разраставшаяся Москва, стали возвращаться исхудавшие, поседевшие люди со справками об освобождении из лагерей. Для того, чтобы получить прописку, им приходилось обивать пороги все того же щитового домика на улице Загорского. Счастье, если в городе оставались родственники, готовые прописать вернувшегося из лагерей на свою жилплощадь.

Процесс реабилитации начинался только по заявлению самого осужденного или его близких. Сотрудники военной прокуратуры в своей работе опирались на материалы следствия в отношении Каретникова и Кузнецова, которые приобщались к делам их жертв. Как правило, вызывали и свидетелей, проживавших в Кунцево и давших в 1937 г. обвиняющие показания. Они многое рассказали о технологии «массовых операций». Кто-то оказался малограмотным и не мог прочитать протокола, кому-то зачитали его без «красных» мест, а кого-то вообще заставили подписать чистый лист. Были случаи, когда люди отказывались признать подпись на протоколе допроса своей.

Родным расстрелянных сообщали вымышленную дату и причину их смерти, якобы наступившей много позже. Екатерина Николаевна Преснова более двух десятилетий ничего не знала о страшной судьбе своих детей и близких. Лишь летом 1958 г. соседи написали за неграмотную женщину заявление в Комитет государственной безопасности СССР. Ей сообщили, что Пресновы-младшие в разное время умерли, отбывая длительные сроки заключения в системе ГУЛАГа.

Никакой компенсации за загубленную жизнь и потерянное здоровье в годы «стыдливой» хрущевской реабилитации не производилось, лагерные годы просто записывались в трудовой стаж. Претензии принимались только по конфискованному имуществу, есте-

ственно, при условии, если производившие арест оперативные работники НКВД тщательно его описали. Обычно объем выплат, которые причитались тому или иному человеку, укладывался в две—три месячные зарплаты. Как уже отмечалось выше, кунцевским жертвам политических репрессий из-за утраты финансовых документов компенсации вообще не выплачивались.

Последний этап реабилитации наступил только на рубеже 1990-х гг. Родственники приговоренных к смерти узнали подлинные причины и дату смерти своих близких, в 1993 г. было установлено и место расстрела подавляющего большинства жертв из Кунцевского района — Бутовский полигон. Там создан мемориал и воздвигнут храм святых Новомучеников и Исповедников Российских. Кстати, расстрелы на полигоне продолжались и много позже «массовых операций»¹²⁸.

Сами репрессированные или их родные получили возможность знакомиться с архивно-следственными делами. Сколько слез было пролито в приемной Управления ФСБ по Московской области, а позже в читальном зале ГАРФ! Люди видели все — последние фотографии близких, их вымученные признания во время следствия и письма из заключения. Было здесь и многое другое, что также заставляло восторгаться душу — доносы соседей, а порой и родственников, ложь свидетелей, боявшихся за собственную жизнь, и наконец, безжалостность карательной машины, которую волновали только темпы и контингенты репрессий. В архивно-следственных делах сосредоточена лишь часть наших знаний о произошедшем. Трудно

¹²⁸ См.: Рогинский А.Б. Послесловие // Расстрельные списки. Москва, 1937—1941. «Коммунарка», Бутово. М., 2000. С. 488—490.

поверить утверждениям официальных лиц, будто не сохранилось других документов о терроре «районного масштаба» — служебной переписки, директив областного начальства и донесений рядовых исполнителей. Придет время, и они увидят свет.

Новое Кунцево отдыхает от прошлого. Вместо заключения

Личные сентенции неуместны в книге, претендующей на характер научного исследования. И все же об одном нельзя не сказать. Архивные находки, все новые и новые имена в списке кунцевских жертв террора 1937—1938 гг. не вызывали понятной для любого ученого радости открытий. Напротив, мне все больше хотелось, чтобы поскорее иссяк этот поток человеческих трагедий, перестала скользить перед глазами вереница теней, которым уже ничем не можешь помочь. Когда открываешь следственное дело, всматриваешься в лицо человека, сфотографированного за несколько дней до расстрела, читаешь письма его близких, находившихся в полном неведении относительно его судьбы — испытываешь почти физическую боль. Здесь нет и не может быть арифметических величин.

Говорят, что время лечит. Наверное, особая мудрость истории заключается в том, что события «большого террора» были вскоре перекрыты еще большей трагедией великой войны, и в том, что после XX съезда КПСС возобладала стратегия стыдливой реабилитации жертв без наказания их палачей. На земли кунцевских колхозов все активнее наступала Москва, которая несла с собой новый образ жизни, как бульдозером равняла недавнее прошлое. В излучине Москвы-реки, на месте деревень Терехово и Мневники, должен был возникнуть гигантский детский парк под

символическим названием «Страна чудес» — советский ответ еще не появившемуся Диснейленду. Устремленность в будущее как будто оправдывала зигзаги отечественной истории, упаковывая их в расхожую формулу: «наши жертвы были не напрасны».

Прошло еще четыре десятка лет, и время сделало свое дело. Ушли из жизни те, кому было что рассказать своим детям и внукам. Многие из них так и не решились нарушить обет молчания, взятый на себя добровольно или в виде подписки о неразглашении, данной при освобождении из тюрьмы или лагеря. Давно уже пали идеологические барьеры, но историческое беспамятство в современной России не исчезло. Его питает отчаянная борьба за существование одних и безудержная гонка за материальным успехом других. Территория бывшего Кунцевского района стала Юго-Западом российской столицы. Скромные деревянные домики уступили свое место шикарным особнякам и многоэтажным башням, предназначенным для «новых русских». Память об исчезнувших деревнях сохранилась лишь в названиях современных микрорайонов — Матвеевское, Давыдково, Очаково или Тропарево.

Эта книга — напоминание о том, во что трудно поверить. Преуспевающий бизнесмен или политик, имеющий особняк в Барвихе или Немчиновке, автомобилист, ежедневно проезжающий по Аминьевскому или Рублевскому шоссе, последние представители экзотической деревни Троице-Лыково, жители спальных районов Строгино, Теплый Стан или Раменки, работающие из Солнцево, с Щукинской или Мневников, детишки, катающиеся с Крылатских холмов или отдыхающие в Суворовском парке, должны знать — по этим местам в 1937—1938 гг. прошла безжалостная машина государственного террора, унесшая с собой

сотни невинных жизней. Их материальные следы сохранились только на пожелтевших страницах архивно-следственных дел и в нескольких строчках мартирологов. За этих людей некому было заступиться тогда, когда они еще были живы. Теперь они мертвы, но их тени будут витать над нами, пока последняя из жертв не будет помянута по имени-отчеству.

Следует помнить и о другом — этой машиной управляло всего несколько человек из неприметного дома на тихой кунцевской улице. Молодые люди в ладной униформе сотрудников госбезопасности позже утверждали, что они только выполняли приказ. Нет, они согласились на роли ведущих актеров в пьесе, сценарий которой был написан в Кремле и на Лубянке. Далеко не все играли свою роль со страстью и вдохновением — было и отвращение, и робкие протесты. Об этом тоже следует помнить, но для того, чтобы помнить, следует знать.

Самое страшное заключается в том, что приведенные в книге факты содержат в себе гораздо больше типичного, чем уникального. Говоря об адресах массового террора 1937—1938 гг., не стоит ограничивать их пресловутой Лубянкой. История Кунцевского райотдела НКВД в доме № 5 по улице Загорского является маленьким осколком невиданной трагедии, пережитой страной и ее народом на пике сталинизма. Подобно дьявольскому зеркалу из сказки про Снежную королеву, которое разлетелось на тысячи кусков и заражало людей холодом и равнодушием, осколки той войны власть имущих против своего народа останутся грузом на нашей совести до тех пор, пока не будут извлечены на свет Божий. Все до единого.

**Лица, репрессированные
Кунцевским райотделом НКВД
в период «массовых операций» 1937—1938 гг.**

В последней строке таблицы для приговоренных к высшей мере наказания указана дата расстрела. Биографические данные на большинство расстрелянных содержатся в шести выпусках книги «Бутовский полигон». Отсутствие данных по ряду репрессированных объясняется недоступностью их архивно-следственных дел.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Дата ареста	Приговор
1	2	3	4
Абросимов Федор Филиппович	1896	05.09.37	Расстрел 23.09.37
Авдеев Егор Никифорович	1884	24.09.37	17.10.37 — 10 лет
Авдеев Степан Никифорович	1900	24.09.37	17.10.37 — 10 лет
Авдеев Михаил Михайлович	1898	31.10.37	Расстрел 29.12.37
Аврамович Христофор Александрович	1884	12.04.38	09.08.38 — 5 лет
Александров Спиридон Филлипович	1909	17.03.38	Расстрел 09.08.38
Алексахин Федор Николаевич	1890	19.11.37	25.11.37 — 10 лет
Алхимов Александр Васильевич	1897	26.03.38	05.06.39 — 8 лет
Алхимова Мария Оттовна	1895	28.03.38	24.06.38 — 8 лет

1	2	3	4
Андреев	1898	18.01.38	Расстрел
Лука Васильевич			05.02.38
Андреев	1892	22.03.38	Расстрел
Павел Васильевич			01.07.38
Аникальчук	1919	29.03.38	05.08.38 —
Галина Григорьевна			10 лет
Аникович	1886	22.02.38	Расстрел
Максим Митрофанович			09.08.38
Арцименьев	1898	20.10.36	Расстрел
Максим Антонович			21.10.37
Арцименьев	1894	20.10.36	17.10.37 —
Михаил Антонович			10 лет
Асеев	1885	23.10.37	Расстрел
Михаил Александрович			16.11.37
Афанасьев	1891	17.01.38	Расстрел
Алексей Михайлович			17.02.38
Бабенов	1898	18.01.38	Расстрел
Семен Никитович			21.02.38
Бабкин	1914	05.09.37	Расстрел
Всеволод Степанович			13.10.37
Бабкин	1907	20.09.37	24.06.38 —
Михаил Агафонович			8 лет
Бабкина	1900	05.09.37	09.10.37 —
Александра Степановна			8 лет
Бабкина	1895	05.09.37	09.10.37 —
Лидия Степановна			8 лет
Бабушкина	1909	17.01.38	22.02.38 —
Евгения Семеновна			10 лет
Бадаев	1900	21.03.38	27.07.38 —
Иван Прокофьевич			8 лет
Базевич	1885	13.03.38	31.03.39
Франц Станиславович			освобожден
Баженов		12.03.38	Расстрел
Петр Алексеевич			03.08.38
Байкалова	1906	27.01.38	Расстрел
Зоя Федоровна			28.02.38
Байкалова	1908	30.03.38	27.07.38 —
Клавдия Федоровна			5 лет

1	2	3	4
Бакуменко	1913	26.10.37	Расстрел
Анна Федоровна			29.12.37
Балаев	1903	08.07.37	Расстрел
Егор Ильич			31.10.37
Балыкова	1881	20.11.37	Расстрел
Евдокия Михайловна			25.12.37
Балыков	1910	20.11.37	22.12.37 —
Василий Прокофьевич			10 лет
Балыков	1914	21.11.37	27.12.37 —
Петр Прокофьевич			10 лет
Бальчевский	1870	04.10.37	Расстрел
Казимир Лаврентьевич			25.12.37
Балякин	1903	05.09.37	09.10.37 —
Карп Федорович			10 лет
Балякина	1899	05.09.37	09.10.37 —
Евдокия Алексеевна			8 лет
Баркан	1904	22.03.38	Расстрел
Борис Иосифович			16.08.38
Барон	1906	13.03.38	9.06 39 —
Вильгельм Иванович			8 лет
Барулин	1879	29.08.37	25.10.37 —
Василий Васильевич			10 лет
Барулин	1886	29.08.37	Расстрел
Петр Сергеевич			03.11.37
Бархотлев	1893	03.03.38	19.09.38 —
Алексей Васильевич			5 лет
Басов	1896	06.11.37	19.11.37 —
Константин Николаевич			10 лет
Баташев	1881	07.03.38	Расстрел
Николай Емельянович			01.07.38
Бахурин	1884	23.10.37	Расстрел
Николай Георгиевич			16.11.37
Башлаков	1905	10.08.37	Расстрел
Константин Иванович			03.09.37
Белоусов	1898	20.04.37	Расстрел
Георгий Николаевич			03.11.37
Беляков	1888	17.09.37	Расстрел
Иван Митрофанович			14.10.37

1	2	3	4
Бидерман	1876	11.03.38	24.06.38 —
Карл Августович			8 лет
Бирулин	1891	13.03.38	19.09.38 —
Исаак Владимирович			5 лет
Бичол-Мартынова	1907	26.01.38	22.02.38 —
Лидия Мартыновна			10 лет
Блах	1884	16.09.37	02.07.38 —
Лев Павлович			8 лет
Блем	1916	22.03.38	02.07.38 —
Александр Давыдович			8 лет
Блем	1883	22.03.38	14.05.39 —
Давид Христианович			5 лет
Блинова	1893	05.09.37	09.10.37 —
Екатерина Александров- на			8 лет
Бобров	1904	06.10.37	17.10.37 —
Владимир Сергеевич			10 лет
Богданов	1888	08.08.37	Расстрел 20.08.37
Гавриил Сергеевич			
Богданов	1899	06.07.37	Расстрел 31.10.37
Иван Николаевич			
Богданов	1888	21.02.37	27.08.37 —
Иван Яковлевич			6 лет
Богданов	1885	16.09.37	09.10.37 —
Михаил Сергеевич			10 лет
Богомазов	1903	06.10.37	17.10.37 —
Борис Сергеевич			8 лет
Богута	1900	06.11.37	27.12.37 —
Евдокия Павловна			10 лет
Болдырев	1882	22.03.38	14.06.38 —
Михаил Михайлович			10 лет
Болтрукович	1904	22.02.38	05.06.39 —
Бронислава Иосифовна			5 лет
Болтрукович	1908	23.02.38	Расстрел 09.08.38
Иван Иосифович			
Боровская	1908	28.03.38	Расстрел
Вера Антоновна			27.08.38

1	2	3	4
Бородина	1883	13.08.37	Расстрел
Александра Фроловна			14.09.37
Бревдо	1911	19.02.38	04.08.39
Борис Павлович			освобожден
Бревдо	1879	20.02.38	Расстрел
Павел Яковлевич			16.05.38
Брединин	1894	22.03.38	Расстрел
Георгий Дмитриевич			01.07.38
Брезжалкин	1910	06.10.37	17.10.37 —
Иван Савельевич			10 лет
Брейвинская	1900	11.03.38	24.06.38 —
Екатерина Викентьевна			8 лет
Брик	1901	25.03.38	09.04.39
Иван Дмитриевич			освобожден
Булгаков	1897	04.10.37	17.10.37 —
Василий Яковлевич			10 лет
Буренкова Елизавета	1910	19.03.38	10.01.39
Евграфовна			освобождена
Бурхардт	1903	18.01.38	Расстрел
Карл Густавович			28.02.38
Бучинский	1875	23.03.38	Расстрел
Войцех Иванович			20.08.38
Бушинов	1885	06.12.37	Расстрел
Михаил Григорьевич			10.12.37
Быхов	1901	23.03.38	02.07.38 —
Яков Семенович			8 лет
Вавичкин	1897	20.11.37	Расстрел
Василий Михайлович			02.12.37
Важинский	1900	22.03.38	05.08.38 —
Александр			8 лет
Пантелеймонович			
Вальсами	1896	27.02.38	03.09.38 —
Мария Михайловна			10 лет
Вейде	1875	22.03.38	Расстрел
Феликс Георгиевич			20.08.38
Вельчинский	1918	25.03.38	Расстрел
Иосиф Тимофеевич			27.08.38

1	2	3	4
Вераксо	1892	20.11.37	Расстрел
Петр Иосифович			25.12.37
Веселовский	1909	12.03.38	02.07.38 —
Марьян Михайлович			8 лет
Виглей	1888	10.01.38	Расстрел
Петр Иванович			07.04.38
Визул	1906	17.01.38	14.05.39 —
Август-Рейнгард			5 лет
Петрович			
Витолина	1901	01.02.38	Расстрел
Зельма Ивановна			11.04.38
Вишневский		22.03.38	23.04.39 —
Александр Иванович			8 лет
Власов	1879	05.10.37	Расстрел
Василий Михайлович			21.10.37
Воецкий	1901	20.02.38	05.06.39 —
Евгений Михайлович			8 лет
Возлинский	1890	15.06.37	Расстрел
Соломон Яковлевич			03.11.37
Володин	1904	21.03.38	14.05.39 —
Петр Матвеевич			8 лет
Волков	1898	04.03.38	19.09.38 —
Михаил Кузьмич			5 лет
Волостных	1894	01.12.37	09.12.37 —
Петр Николаевич			10 лет
Вольфсон	1905	28.03.38	27.07.38 —
Соломон Борисович			8 лет
Воронин	1888	03.03.38	04.06.39
Леонид Николаевич			освобожден
Гаврилович	1914	25.03.38	Расстрел
Ричард Викентьевич			16.08.38
Гадроссек	1902	25.10.37	29.12.37 —
Луиза Карловна			10 лет
Газелериди	1900	20.02.38	02.07.38 —
Екатерина Андреевна			8 лет
Гайворонский	1883	23.11.37	Расстрел
Георгий Антонович			08.01.38

1	2	3	4
Гайлеш	1919	11.03.38	23.04.39 — 8 лет
Адолф Адольфович			
Галеев	1891	06.12.37	Расстрел 10.12.37
Карим			
Галкин	1900	21.03.38	09.08.38 — 8 лет
Иван Григорьевич			
Галкин	1885	21.06.37	Расстрел 14.09.37
Михаил Тимофеевич			
Гальвидис	1910	23.03.38	10.01.39
Иван Людвигович			освобожден
Гангало	1884	29.03.38	23.07.39
Кароль Александрович			освобожден
Гапеев	1907	15.09.37	Расстрел 25.10.37
Илья Иванович			
Гарковик	1892	29.03.38	10.01.39
Александр Александрович			освобожден
Гарнук-Шишковский	1870	08.03.38	Расстрел 05.04.38
Арсений Яковлевич			
Гауэр	1913	23.03.38	Расстрел 20.08.38
Арвид Августович			
Генгер	1911	12.03.38	24.06.38 — 8 лет
Станислава Люционовна			
Генш	1898	29.03.38	Расстрел 16.08.38
Константин Александрович			
Гертнер	1908	14.03.38	24.06.38 — 8 лет
Эрнест Альфредович			
Гирчук	1885	05.09.37	Расстрел 13.10.37
Агафон Евстафьевич			
Гефлих	1911	20.06.37	Расстрел 03.11.37
Гертруда Георгиевна			
Гефлих	1896	22.05.37	Расстрел 03.11.37
Карл Антонович			
Глаголев	1888	20.08.37	Расстрел 9.10.37
Алексей Алексеевич			
Глаголенков	1898	09.03.38	Расстрел 28.05.38
Василий Семенович			

1	2	3	4
Гладыревская	1898	29.03.38	Расстрел
Амара Николаевна			27.08.38
Глухов	1876	18.01.38	Расстрел
Алексей Никитич			05.02.38
Голенгрин	1909	13.03.38	10.01.39
Мария Самойловна			освобождена
Голубовский	1893	01.02.38	Расстрел
Георгий Григорьевич			05.04.38
Гольдберг	1894	20.02.38	Расстрел
Лейзер-Янкель Моисеевич			02.10.38
Гольке-Арден	1886	13.03.38	Расстрел
Артур Густавович			9.08.38
Горьков	1889	24.09.37	Расстрел
Иван Арефьевич			21.10.37
Грабарь	1900	29.03.38	27.07.38 —
Максим Антонович			8 лет
Гравельсон	1874	18.02.38	Расстрел
Роберт Андреевич			16.05.38
Граф	1902	22.03.38	02.07.38 —
Давид Христианович			8 лет
Грибкова	1879	09.08.37	Расстрел
Татьяна Ивановна			14.09.37
Григорьев	1901	26.03.38	14.05.39 —
Федор Афанасьевич			3 года ссылки
Гринькин	1894	05.10.37	17.10.37 —
Михаил Ефимович			10 лет
Гриче	1884	11.06.37	Расстрел
Фридрих-Юлиус			03.11.37
Гедерович			
Гробинский	1912	11.03.38	16.02.39
Эдуард Владимирович			освобожден
Громов	1897	23.01.38	Расстрел
Владимир Кондратьевич			05.02.38
Грустнов	1894	17.11.37	25.11.37 —
Иван Васильевич			10 лет
Грюнведе	1900	13.03.38	24.06.38 —
Гертруда Евгеньевна			5 лет

1	2	3	4
Губер	1902	22.03.38	02.07.38 —
Давид Христианович			8 лет
Гудцев	1875	08.08.37	Расстрел
Степан Кириллович			21.08.37
Гузин	1905	23.03.38	05.08.38 —
Михаил Александрович			5 лет
Гурин	1894	06.11.37	Расстрел
Иван Павлович			21.11.37
Гурьев	1869	21.09.37	Расстрел
Василий Викторович			13.10.37
Гусев	1878	25.11.37	Расстрел
Александр Ефимович			29.12.37
Гусев	1914	25.11.37	21.12.37 —
Василий Александрович			10 лет
Гусев	1888	13.02.38	Расстрел
Николай Васильевич			01.07.38
Гусев	1889	03.10.37	Расстрел
Сергей Григорьевич			21.10.37
Гуткин	1880	24.12.37	Расстрел
Павел Семенович			05.04.38
Гущин	1873	20.08.37	Расстрел
Александр Родионович			14.09.37
Гюбнер	1915	09.02.38	Выслана из
Эрика Артуровна			СССР в
			марте 1939 г.
Гюнтер	1913	13.02.38	17.06.39
Маргарита Павловна			освобождена
Давыдов	1890	03.11.37	19.11.37 —
Василий Трофимович			10 лет
Данич	1903	13.03.38	Расстрел
Виктор Фаустович			10.09.38
Дашкевич	1911	22.02.38	Расстрел
Борис Борисович			09.08.38
Дворецкий	1903	22.02.38	Расстрел
Владимир Иванович			09.08.38
Дейч	1903	23.11.37	Расстрел
Иван Альфонович			08.03.38

1	2	3	4
Дембовский	1907	11.03.38	02.07.38 —
Бронислав Ильич			8 лет
Демидов	1885	03.03.38	14.10.38 —
Алексей Петрович			5 лет
Денисюк	1906	30.03.38	Расстрел
Фома Семенович			27.08.38
Дервянко	1896	20.08.37	Расстрел
Павел Филиппович			14.09.37
Деров	1897	26.03.38	02.01.40
Яков Васильевич			освобожден
Дешин	1874	09.08.37	Расстрел
Иосиф Петрович			30.08.37
Дзиндрис	1905	16.02.38	Расстрел
Эмма Яковлевна			14.04.38
Димова	1903	20.02.38	Расстрел
Прасковья Дмитриевна			10.08.38
Дмитржевский	1895	11.03.38	14.05.39 —
Василий Викентьевич			8 лет
Довольнов	1900	26.03.38	27.07.38 —
Алексей Иванович			8 лет
Долженко	1893	21.03.38	27.07.38 —
Трофим Владимирович			8 лет
Домнинский	1892	28.10.37	Расстрел
Петр Анатольевич			10.12.37
Донсков	1881	12.04.38	Расстрел
Наум Наумович			01.07.38
Дробик	1891	11.03.38	15.02.39
Юзефа Станиславовна			освобождена
Дрянин	1905	19.11.37	25.11.37 —
Илья Алексеевич			10 лет
Дубатов	1888	24.09.37	Расстрел
Иван Прокофьевич			21.10.37
Дудовцов		04.10.37	17.10.37 —
Андрей Павлович			10 лет
Дулин		03.03.38	14.05.39 —
Сергей Георгиевич			15 лет

1	2	3	4
Дундур	1897	31.01.38	02.07.38 —
Роберт Янович			8 лет
Дущис	1900	13.03.38	24.06.38 —
Альфред Иванович			8 лет
Дючков	1896	19.11.37	25.11.37 —
Иван Кузьмич			10 лет
Егоров	1889	22.03.38	Расстрел
Платон Никитич			01.07.38
Ельяшук	1907	28.09.37	Расстрел
Александр Яковлевич			11.12.37
Еремин	1916	02.02.38	28.03.38 —
Владимир Павлович			10 лет
Ершков	1897	17.09.37	Расстрел
Иван Николаевич			25.10.37
Жигарев	1898	29.03.38	19.09.38 —
Алексей Георгиевич			5 лет
Жирнов	1900	21.03.38	19.09.38 —
Федот Федотович			8 лет
Житенева	1906	27.01.38	Расстрел
Ольга Евдокимовна			28.02.38
Журавлева	1894	11.03.38	09.08.38 —
София Ивановна			8 лет
Журавский	1906	26.01.38	Расстрел
Юрий Маркович			07.04.38
Завадовский	1894	05.09.37	10.10.37 —
Иван Иванович			10 лет
Задачин	1899	20.03.38	27.07.38 —
Павел Степанович			8 лет
Зайцев	1902	19.11.37	23.11.37 —
Алексей Иванович			10 лет
Зайцев	1892	18.01.38	15.03.40
Степан Михайлович			освобожден
Заливалов	1897	28.11.37	09.12.37 —
Николай Иванович			10 лет
Заливалова	1900	19.02.38	Расстрел
Эльза Яковлевна			16.05.38

1	2	3	4
Залкинд	1912	12.03.38	Расстрел
Яков Григорьевич			09.08.38
Зальцман	1885	05.01.38	Расстрел
Владимир Иванович			05.04.38
Занегин	1879	20.08.37	Расстрел
Иван Михайлович			14.09.37
Заразонов	1902	26.03.38	29.08.39
Федор Иванович			освобожден
Зверев	1886	02.02.38	05.06.39 —
Александр Григорьевич			5 лет
Звержинский	1896	28.03.38	Расстрел
Стефан Станиславович			10.09.38
Зевакин	1883	17.11.37	Расстрел
Константин Николаевич			02.12.37
Зеленов	1891	26.03.38	19.09.38 —
Егор Иванович			5 лет
Зоммерфельд	1909	23.03.38	Расстрел
Адольф Эдуардович			16.08.38
Зоммерфельд	1905	26.01.38	Расстрел
Татьяна Эдуардовна			25.03.38
Зоммерфельд	1879	02.12.37	29.12.37 —
Эдуард Иванович			10 лет
Зудин	1870	01.11.37	23.11.37 —
Георгий Андреевич			8 лет
Зудин	1909	22.03.38	14.06.38 —
Сергей Георгиевич			10 лет
Иваненкова	1888	16.03.38	10.01.39
Татьяна Петровна			освобождена
Иванов	1883	24.09.37	17.10.37 —
Егор Романович			10 лет
Иванов	1892	04.10.37	17.10.37 —
Иван Романович			10 лет
Иванов	1889	05.10.37	17.10.37 —
Моисей Михайлович			10 лет
Ивановская	1891	08.08.37	10.10.37 —
Тамара Петровна			10 лет

1	2	3	4
Ивановская	1896	08.08.37	10.10.37 —
Зоя Петровна			10 лет
Измайлович	1911	14.03.38	10.04.39
Станислав Францевич			освобожден
Илиадис	1893	18.01.38	Расстрел
Георгий Христофорович			02.10.38
Илиадис	1902	02.03.38	03.09.38 —
Васса Христофоровна			10 лет
Ильин		04.03.38	19.09.38 —
Иван Дмитриевич			5 лет
Илюк	1889	19.02.38	Расстрел
Антон Петрович			09.08.38
Илюкович	1895	11.03.38	03.09.38 —
Анна Михайловна			8 лет
Илюкович	1889	20.02.38	Расстрел
Иван Петрович			16.08.38
Илюкович	1917	17.03.38	10.01.39
Иосиф Иванович			освобожден
Иоффе	1911	16.02.38	Расстрел
Лев Израилевич			16.05.38
Исаков	1883	20.02.38	02.07.38 —
Дмитрий Константинович			8 лет
Кабанов	1905	17.01.38	Расстрел
Андрей Андреевич			05.02.38
Кабровский	1894	01.02.38	27.07.38 —
Матвей Николаевич			8 лет
Капелькин	1912	21.02.37	27.08.37 —
Сергей Иванович			4 года
Карпило	1884	01.02.38	Расстрел
Роман Филимонович			05.04.38
Карпов	1886	21.03.38	27.07.38 —
Адам Венедиктович			8 лет
Карцев	1885	30.03.38	27.07.38 —
Степан Андреевич			8 лет
Касимов	1880	07.08.37	Расстрел
Алексей Сергеевич			20.08.37

1	2	3	4
Кашир	1895	03.10.37	Расстрел
Кирилл Иосифович			25.12.37
Киер	1893	29.03.38	29.04.39 —
Август Климентьевич			5 лет
Килсев	1890	09.08.37	Расстрел
Андрей Иванович			30.08.37
Ким	1900	25.10.37	29.12.37 —
Сан-Таги			10 лет
Кирилович	1908	29.03.38	Расстрел
Станислав Петрович			10.09.38
Киршпилис	1895	27.01.38	Расстрел
Ян Мартынович			05.04.38
Климентьевский	1888	19.04.37	29.12.37 —
Василий Алексеевич			10 лет
Климов-Клименок	1895	29.03.38	02.07.38 —
Игнатий Прокофьевич			8 лет
Клочкова	1888	05.09.37	09.10.37 —
Александра Андреевна			8 лет
Клят	1905	18.01.38	Расстрел
Роман Станиславович			28.02.38
Князев	1881	03.03.38	14.10.38 —
Сергей Георгиевич			5 лет
Кобяк	1895	22.03.38	Расстрел
Матвей Евстафьевич			01.07.38
Коваль	1906	21.02.38	27.08.37 —
Алексей Калинович			6 лет
Козлов	1873	26.02.38	Расстрел
Петр Петрович			25.03.38
Козлов	1885	26.02.38	Расстрел
Семен Васильевич			25.03.38
Козыревский	1895		02.07.38 —
Эдуард Эдуардович			8 лет
Колбут	1896	13.03.38	23.04.39 —
Вацлав Викентьевич			8 лет
Колесников	1900	13.03.38	Расстрел
Александр Абрамович			13.08.38

1	2	3	4
Колесников	1880	08.03.38	09.08.38 —
Андрей Акимович			5 лет
Кольцов	1884	03.03.38	14.10.38 —
Яков Алексеевич			5 лет
Комиссаров		24.09.37	17.10.37 —
Сергей Ильич			10 лет
Кондратенко	1906	01.12.37	09.12.37 —
Михаил Иванович			8 лет
Конон-Кононов	1886	19.02.38	14.05.39 —
Игнатий Яковлевич			8 лет
Коноплев	1895	03.03.38	19.09.38 —
Григорий Павлович			5 лет
Коняичев	1893	17.09.37	Расстрел
Михаил Васильевич			25.10.37
Коптев	1892	01.12.37	09.12.37 —
Григорий Михайлович			10 лет
Кордон	1897	04.09.37	Расстрел
Павел Карпович			23.09.37
Коркозович	1877	12.03.38	Расстрел
Владимир Валерьянович			03.08.38
Косинский	1887	27.03.38	19.09.38 —
Константин Васильевич			5 лет
Косоротов	1903	21.02.38	27.08.37 —
Василий Павлович			4 года
Костаки	1880	27.02.38	05.11.39
Елена Эммануиловна			освобождена
Костаки	1918	16.12.37	20.02.38 —
Дмитрий Деонисович			10 лет
Котельников	1881	22.03.38	Расстрел
Сергей Петрович			01.07.38
Коханская	1901	02.04.38	10.01.39
Таисия Семеновна			освобождена
Кохов	1897	20.03.38	27.07.38 —
Василий Тихонович			8 лет
Коцин	1865	22.03.38	29.02.39
Карл Иванович			освобожден

1	2	3	4
Краснокутский	1890	08.08.37	Расстрел
Владимир Иванович			13.10.37
Крицкий	1868	17.03.38	10.01.39
Емельян Харитонович			освобожден
Круглушин	1888	17.03.38	Расстрел
Сергей Васильевич			01.07.38
Крысьев	1884	19.04.37	Расстрел
Тимофей Иванович			03.11.37
Ксифилинос	1905	17.12.37	20.02.38 —
Елифтерий Софоклович			10 лет
Куборская	1889	29.03.38	05.01.40 —
Мария Алексеевна			3 года
Куборский	1882	20.03.38	05.01.40 —
Владимир Павлович			5 лет
Кудасов	1886	30.01.38	Расстрел
Семен Зиновьевич			17.02.38
Кудрявцев	1883	15.03.38	14.05.39 —
Анатолий Иосифович			8 лет
Кузьменков	1888	03.03.38	05.06.39 —
Семен Осипович			8 лет
Кузьмин	1906	04.10.37	17.10.37 —
Трофим Семенович			10 лет
Куликовский	1910	04.03.38	Расстрел
Виктор Матвеевич			27.08.38
Кульманов	1908	16.02.37	Расстрел
Константин Михайлович			31.10.37
Кульманов	1906	08.08.37	Расстрел
Петр Михайлович			31.10.37
Лаане	1904	16.03.38	16.02.39
Елизавета Михайловна			освобождена
Лавров	1883	23.09.37	Расстрел
Николай Яковлевич			21.10.37
Лагутин	1881	05.09.37	Расстрел
Иван Петрович			23.09.37
Лазарев	1891	08.08.37	Расстрел
Иван Григорьевич			30.08.37

1	2	3	4
Лазарев Николай Иванович	1895	11.06.37	Расстрел 03.11.37
Лазаренко Федор Ананьевич	1899	01.10.37	Расстрел 21.10.37
Лазута Юрий Юрьевич	1905	04.08.37	Расстрел 31.10.37
Лайков Гавриил Иванович	1882	09.08.37	Расстрел 30.08.37
Лаптев Василий Тимофеевич	1877	30.04.37	Расстрел 20.08.37
Лаптева Александра Тимофеевна	1879	01.10.37	15.10.37 — 8 лет
Ларин Иван Иванович	1885	15.06.37	Расстрел 20.08.37
Лебедев Григорий Егорович	1878	03.03.38	19.09.38 — 5 лет
Лебедев-Рыжов Сергей Иванович	1887	29.08.37	25.10.37 — 10 лет
Левен Франц Яковлевич	1896	02.02.38	Расстрел 07.04.38
Левин Дмитрий Егорович	1887	01.12.37	09.12.37 — 10 лет
Леонидов Борис Александрович	1888	29.03.38	27.07.38 — 8 лет
Летучев Василий Егорович	1912	06.11.37	Расстрел 21.11.37
Лигеропуло Евгения Астафьевна	1908	27.03.38	03.09.38 — 10 лет
Липпе Марианна Альбертовна	1910	02.02.38	Расстрел 07.04.38
Лисковаль Иосиф Иосифович	1908	22.02.38	02.07.38 — 8 лет
Литвак Яков Григорьевич	1905	23.03.38	22.07.38 освобожден
Лобанов Терентий Ефимович	1869	18.01.38	Расстрел 05.02.38

1	2	3	4
Лопатин	1887	20.03.38	27.07.38 — 8 лет
Георгий Михайлович			
Ляшко	1898	23.03.38	Расстрел 27.08.38
Георгий Евстафьевич			
Маевский	1874	03.10.37	Расстрел 25.12.37
Иосиф Альбинович			
Мазуревский	1887	25.10.37	07.12.38 — 10 лет
Николай Иосифович			
Макаров	1890	19.11.37	25.11.37 — 10 лет
Александр Сергеевич			
Макаров	1885	18.01.38	Расстрел 17.02.38
Василий Васильевич			
Малин	1892	08.01.38	Расстрел 05.04.38
Франц Иосифович			
Малиновский	1910	19.11.37	25.11.37 — 8 лет
Михаил Степанович			
Маловка	1894	17.01.38	Расстрел 16.05.38
Алексей Кириллович			
Малухин	1902	29.01.38	Расстрел 17.02.38
Михаил Алексеевич			
Марткович	1903	20.11.37	Расстрел 05.04.38
Сергей Арнольдович			
Мартынов	1892	13.03.38	14.05.39 — 5 лет
Василий Иванович			
Марчук	1893	01.02.38	Расстрел 11.04.38
Иван Сидорович			
Мастеров	1882	26.03.38	27.07.38 — 8 лет
Николай Иванович			
Медков	1897	17.09.37	Расстрел 13.10.37
Сергей Васильевич			
Мельнит	1906	17.01.38	Расстрел 11.04.38
Эдуард Юрьевич			
Мещлер	1911	22.03.38	02.07.38 — 8 лет
Александр Давыдович			
Мещлер	1912	22.03.38	24.06.38 — 10 лет
Андрей Давыдович			

1	2	3	4
Мещанский	1882	23.10.37	19.11.37 —
Георгий Федорович			10 лет
Миклау	1896	17.01.38	14.05.39 —
Жан Карлович			3 года
Миллер	1889	12.03.38	Расстрел
Александр Павлович			03.08.38
Миллер	1882	12.03.38	16.07.38 —
Евдокия Васильевна			10 лет
Миллер	1886	12.03.38	Расстрел
Павел Павлович			03.08.38
Миронов	1894	06.11.37	Расстрел
Василий Давыдович			27.11.37
Миссинь	1898	09.03.38	14.06.39
Эльза Фрицевна			освобождена
Михайлова	1916	29.04.37	05.11.37 —
Елизавета Георгиевна			10 лет
Михайлова	1906	29.04.37	Расстрел
Мария Георгиевна			03.11.37
Мишин	1906	29.03.38	05.08.38 —
Петр Георгиевич			10 лет
Можаев	1882	13.03.38	14.10.38 —
Иван Андреевич			5 лет
Муравьев	1882	03.03.38	09.08.38 —
Виктор Ефремович			8 лет
Муралов	1897	11.03.38	28.05.39 —
Сергей Константинович			8 лет
Мусатов	1881	22.03.38	Расстрел
Василий Иванович			10.07.38
Мусиенко	1896	05.10.37	17.10.37 —
Григорий Николаевич			10 лет
Муханов	1892	03.03.38	14.10.38 —
Александр Михайлович			5 лет
Мухин	1886	08.08.37	Расстрел
Александр Сергеевич			23.09.37
Нагланд	1912	19.02.38	Расстрел
Альфред Генрихович			16.05.38

1	2	3	4
Назаров	1898	30.04.37	Расстрел
Григорий Васильевич			30.08.37
Намнек	1878	26.01.38	Расстрел
Иван Гансович			05.04.38
Наумов	1892	03.04.38	01.09.39
Исаак Наумович			освобожден
Нейман	1880	12.03.38	Расстрел
Роберт Карлович			09.08.38
Никандров	1905	23.03.38	10.01.39
Леонтий Никандрович			освобожден
Никандрова	1910	17.03.38	Расстрел
Леокадия Андреевна			16.08.38
Никитин	1879	08.08.37	Расстрел
Александр Васильевич			09.09.37
Никитин	1907	03.10.37	25.10.37 —
Николай Васильевич			10 лет
Никитина	1881	19.11.37	Расстрел
Наталья Владимировна			02.12.37
Николаев	1883	30.01.38	Расстрел
Иван Егорович			17.02.38
Николаев	1897	30.06.37	07.12.38 —
Николай Платонович			10 лет
Ничепорук	1915	18.01.38	Расстрел
Андрей Фаддеевич			28.02.38
Новиков	1908	20.11.37	Расстрел
Дмитрий Васильевич			11.04.38
Новиков	1885	03.03.38	Расстрел
Григорий Кириллович			22.03.38
Одинокое	1883	03.03.38	29.04.39 —
Василий Михайлович			5 лет
Омирова	1892	27.01.38	22.02.38 —
Луиза Карловна			10 лет
Определенный	1899	04.09.37	Расстрел
Владимир Георгиевич			13.10.37
Осауленко	1905	01.11.38	07.12.38 —
Иван Моисеевич			10 лет

1	2	3	4
Остроумов	1869	08.08.37	Расстрел
Дмитрий Иванович			30.08.37
Павленкович	1890	22.11.37	08.01.38 —
Николай Алексеевич			5 лет
Пак	1915	27.01.38	Расстрел
Георгий Макарович			07.04.38
Папахристодуло	1884	27.02.38	06.11.39
Любовь Эммануиловна			освобождена
Пекерский	1899	03.03.38	29.04.39 —
Абрам Яковлевич			8 лет
Перловский	1902	12.03.38	Расстрел
Абрам Борисович			09.08.38
Петров	1883	03.03.38	19.09.38 —
Василий Петрович			5 лет
Петров	1875	17.01.38	Расстрел
Григорий Петрович			05.02..38
Петров	1878	03.03.38	19.09.38 —
Иван Петрович			5 лет
Петров	1874	17.09.37	09.10.37 —
Павел Андреевич			10 лет
Петрушин	1900	01.12.37	09.12.37 —
Сидор Терентьевич			10 лет
Пехта	1914	03.03.38	02.07.38 —
Эдуард Феликсович			8 лет
Печников	1879	03.03.38	23.04.39 —
Федор Павлович			3 года
Пименова	1911	16.03.38	16.02.39
Альма Яковлевна			освобождена
Пирман	1892	29.03.38	Расстрел
Василий Георгиевич			27.08.38
Пицик	1879	17.01.38	Расстрел
Кондратий Павлович			05.02.38
Плешков	1896	03.03.38	29.04.39 —
Иван Борисович			8 лет
Пода	1886	06.11.37	Расстрел
Артемий Калинович			29.12.37

1	2	3	4
Пода	1910	06.11.37	27.12.37 —
Леонид Артемьевич			10 лет
Пода	1887	06.11.37	27.12.37 —
Ульяна Павловна			10 лет
Поздняков	1887	28.10.37	07.12.38 —
Константин Абрамович			10 лет
Покаев	1907	08.08.37	10.10.37 —
Алексей Иванович			8 лет
Полегенько	1902	04.09.37	Расстрел
Прокофий Иванович			23.09.37
Полещук	1909	19.03.38	10.01.39
Тарас Владимирович			освобожден
Полиновский	1916	02.02.38	Расстрел
Яков Адамович			10.03.38
Пономарев	1894	27.10.37	Расстрел
Сергей Михайлович			27.11.37
Попов	1909	01.12.37	07.12.37 —
Александр Александрович			10 лет
Попович	1890	27.01.38	Расстрел
Петр Николаевич			28.02.38
Преображенский	1892	29.03.38	19.09.38 —
Алексей Алексеевич			5 лет
Преснов	1908	22.01.38	Расстрел
Иван Петрович			10.03.38
Преснов	1914	21.01.38	Расстрел
Иван Сергеевич			28.02.38
Преснов	1899	22.01.38	Расстрел
Василий Петрович			10.03.38
Преснов	1916	21.01.38	Расстрел
Николай Петрович			10.03.38
Преснова	1911	22.01.38	Расстрел
Варвара Петровна			22.03.38
Преснова	1910	21.01.38	Расстрел
Татьяна Павловна			28.02.38
Принцеватов	1876	19.06.37	Расстрел
Алексей Васильевич			20.08.37

1	2	3	4
Прокопьева	1912	12.03.38	Расстрел
Петрунья Владиславовна			09.08.38
Птушенков	1880	03.02.38	Расстрел
Петр Родионович			28.02.38
Пузанков	1901	29.08.37	25.10.37 —
Алексей Михайлович			10 лет
Пузанков	1909	29.08.37	Расстрел
Андрей Иванович			03.11.37
Пузанков	1879	29.08.37	Расстрел
Николай Михайлович			03.11.37
Пузанков	1887	29.08.37	25.10.37 —
Павел Иванович			10 лет
Путятинский	1888	29.03.38	19.09.38 —
Иван Степанович			5 лет
Пыльнов	1884	18.01.38	Расстрел
Василий Васильевич			05.02.38
Райрант	1913	16.03.38	Расстрел
Иван Фридрихович			27.08.38
Райш	1868	27.10.37	Расстрел
Арнольд Густавович			10.12.37
Рассказов	1895	06.11.37	Расстрел
Петр Иванович			27.11.37
Ратников	1889	17.09.37	Расстрел
Гавриил Сергеевич			25.10.37
Редько	1891	10.03.38	10.01.39
Иван Яковлевич			освобожден
Ремизов	1899	08.08.37	Расстрел
Александр Егорович			20.08.37
Ремизов	1889	26.03.38	19.09.38 —
Егор Дмитриевич			5 лет
Ремизов	1893	08.08.37	Расстрел
Василий Ильич			20.08.37
Ремизов	1915	21.06.37	Расстрел
Николай Семенович			14.09.37
Ремизов	1879	08.08.37	Расстрел
Павел Иванович			20.08.37

1	2	3	4
Ремизов	1887	16.09.37	09.10.37 —
Сергей Егорович			10 лет
Роговицкий	1884	06.10.37	Расстрел
Василий Васильевич			21.10.37
Родимов	1899	03.03.37	Расстрел
Василий Михайлович			21.10.37
Родина	1887	01.12.37	09.12.37 —
Александра Павловна			8 лет
Родионов	1915	08.08.37	Расстрел
Алексей Алексеевич			14.09.37
Розенберг	1890	20.06.37	Расстрел
Ольга Германовна			29.12.37
Розенфельд	1873	28.01.38	Расстрел
Роберт Иванович			27.04.38
Розин	1895	28.08.37	Расстрел
Иосиф Николаевич			04.12.37
Ростаев	1904	15.06.37	Расстрел
Иван Иванович			20.08.37
Руссак		29.03.38	27.07.38 —
Андрей Кондратьевич			8 лет
Руссак		29.03.38	02.07.38 —
Владимир Иванович			8 лет
Рыбаков	1895	05.09.37	Расстрел
Николай Николаевич			21.10.37
Рыбников	1879	18.01.38	Расстрел
Иван Васильевич			17.02.38
Рывкин	1886	21.02.38	Расстрел
Моисей Юльевич			08.03.38
Савич	1896	09.03.38	Расстрел
Антон Александрович			05.04.38
Садковский	1890	20.03.38	27.07.38 —
Сергей Алексеевич			8 лет
Садовникова	1907	15.03.38	10.01.39
Елизавета Степановна			освобождена
Сай	1911	23.02.38	Расстрел
Вацлав Онуфриевич			10.08.38

1	2	3	4
Сай	1876	19.11.37	Расстрел
Онуфрий Герасимович			02.01.38
Сакович	1903	22.02.38	Расстрел
Александр Антонович			09.08.38
Салин	1897	01.10.37	15.10.37 —
Михаил Герасимович			8 лет
Сальников	1887	28.10.37	25.11.37 —
Дмитрий Петрович			10 лет
Самарин	1898	16.06.37	Расстрел
Иван Петрович			20.08.37
Самохин	1887	18.03.38	Расстрел
Михаил Евдокимович			01.07.38
Сахаров	1875	13.03.38	14.10.38 —
Егор Макарович			5 лет
Свиридов	1907	27.01.38	Расстрел
Николай Михайлович			7.02.38
Селин	1889	07.10.37	17.10.37 —
Александр Иванович			10 лет
Селин	1893	07.10.37	Расстрел
Борис Иванович			21.10.37
Селина	1893	06.11.37	17.11.37 —
Елизавета Васильевна			8 лет
Семенов	1890	18.01.38	Расстрел
Сергей Дмитриевич			05.02.38
Сенкевич	1885	12.03.38	24.06.38 —
Целестина Юлиановна			8 лет
Сергеев	1901	17.09.37	Расстрел
Сергей Аркадьевич			25.10.37
Сердюк	1901	05.10.37	17.10.37 —
Владимир Самойлович			10 лет
Сеуканд	1896	22.02.38	Расстрел
Ян Карлович			10.09.38
Сеуканд	1909	26.01.38	29.04.39 —
Петр Карлович			8 лет
Сидиропуло	1919	27.02.38	03.09.38 —
Надежда Панайотовна			10 лет

1	2	3	4
Сидорский	1885	01.12.37	Расстрел
Юрий Петрович			11.12.37
Сикержинский	1917	18.01.38	22.02.38 —
Вячеслав Иосифович			10 лет
Сим	1871	26.01.38	Расстрел
Александр Александрович			05.04.38
Синельщикова	1882	29.03.38	21.06.38 —
Елизавета Георгиевна			8 лет
Скворцов	1886	26.03.38	19.09.38 —
Василий Фролович			5 лет
Складнов	1912	26.02.38	Расстрел
Василий Гаврилович			25.03.38
Складнов	1887	26.02.38	Расстрел
Гавриил Константинович			25.03.38
Скорук	1872	17.09.37	Расстрел
Кирилл Васильевич			25.10.37
Смирнов	1870	22.03.38	Расстрел
Василий Павлович			01.07.38
Смирнов	1884	22.03.38	Расстрел
Иван Арсентьевич			10.07.38
Смирнов	1889	18.03.38	Расстрел
Тимофей Егорович			01.07.38
Соболев	1873	03.03.38	19.09.38 —
Александр Илларионович			5 лет
Соколов	1884	19.08.37	Расстрел
Алексей Константинович			14.09.37
Соколов	1869	21.02.38	Расстрел
Дмитрий Иванович			07.03.38
Соколов	1900	18.01.38	Расстрел
Сергей Дмитриевич			26.02.38
Соколовский	1892	23.03.38	Расстрел
Демьян Иванович			10.08.38
Солостюкевич	1911	15.03.38	23.04.39
Гавриил Степанович			освобожден
Сосулин	1882	16.06.37	Расстрел
Сергей Петрович			20.08.37

1	2	3	4
Софави-Васильева	1909	30.03.38	Расстрел
Елена Александровна			27.08.38
Союзов	1895	06.03.38	14.10.38 —
Сергей Васильевич			5 лет
Спиридонов	1873	08.08.37	Расстрел
Сергей Матвеевич			20.08.37
Спирова	1896	13.03.38	03.06.40 —
Анастасия Александровна			5 лет
Стасуй	1880	05.10.37	Расстрел
Григорий Иосифович			21.10.37
Стасуй	1880	05.10.37	17.10.37 —
Евгений Иосифович			10 лет
Стеколыщиков	1897	05.10.37	17.10.37 —
Василий Иванович			10 лет
Степаненко	1897	01.12.37	07.12.38 —
Федор Степанович			10 лет
Степанов	1901	09.08.37	Расстрел
Иван Иванович			23.09.37
Стригутский	1902	16.03.38	16.02.39
Анатолий Владимирович			освобожден
Стригутский	1906	16.03.38	16.02.39
Иосиф Владимирович			освобожден
Струнко	1914	17.03.38	Расстрел
Вероника Андреевна			16.08.38
Студенова	1886	09.08.37	Расстрел
Евдокия Андреевна			14.09.37
Тананков	1887	03.03.38	27.07.38 —
Николай Иванович			8 лет
Тардов	1892	27.01.38	Расстрел
Константин Алексеевич			28.02.38
Теребилин	1893	19.08.37	Расстрел
Петр Сергеевич			14.09.37
Тилик	1905	01.02.38	Расстрел
Павел Карлович			05.04.38
Тимофеев	1909	04.07.37	Расстрел
Алексей Алексеевич			20.08.37

1	2	3	4
Тимофеев	1874	19.06.37	Расстрел
Алексей Тимофеевич			20.08.37
Тимофеев	1891	03.03.38	27.07.38 —
Иван Александрович			8 лет
Тихонов	1878	03.10.37	Расстрел
Владимир Афанасьевич			31.10.37
Тихонов	1889	20.08.37	Расстрел
Иван Алексеевич			14.09.37
Токарева	1902	17.01.38	22.02.38 —
Мария Терентьевна			10 лет
Толкачев	1899	20.02.38	Расстрел
Наум Трофимович			13.08.38
Трон	1882	12.03.38	Расстрел
Давид Иванович			10.08.38
Трошин	1899	17.03.38	20.01.39
Семен Трофимович			освобожден
Углецкий	1891	29.03.38	27.07.38 —
Василий Николаевич			8 лет
Унгер	1872	12.03.38	10.01.39
Август Карлович			освобожден
Унгер	1906	22.02.38	16.02.39
Роман Августович			освобожден
Уринев	1882	21.02.38	27.08.37 —
Павел Семенович			7 лет
Уссаковский	1889	26.03.38	Расстрел
Евгений Антонович			27.08.38
Фатеев	1875	19.11.37	Расстрел
Павел Никифорович			27.11.37
Федотов	1899	08.03.38	Расстрел
Андрей Николаевич			05.04.38
Федотов	1904	05.10.37	17.10.37 —
Давыд Дмитриевич			10 лет
Федотов	1892	29.08.37	25.10.37 —
Иван Александрович			10 лет
Федура	1913	23.03.38	Расстрел
Вацлав Петрович			10.08.38

1	2	3	4
Фейергерд	1893	26.01.38	10 лет
Берта Карловна			03.09.38
Фейергерд	1912	26.01.38	31.12.39
Лидия Карловна			приговорена к высылке из СССР
Фейергерд-Шульц	1903	13.03.38	Расстрел
Александр Карлович			16.08.38
Фелицин	1895	17.09.37	Расстрел
Сергей Николаевич			13.10.37
Фелькер	1908	29.01.38	31.12.39
Инга Францевна			приговорена к высылке из СССР
Ферапонтова	1886	11.03.38	03.09.38 —
Гертруда Гергардовна			8 лет
Фокин	1878	19.08.37	Расстрел
Иван Филатович			14.09.37
Францкевич	1913	12.03.38	03.09.38 —
Константин Сергеевич			8 лет
Фрицше	1909	18.01.38	Расстрел
Елизавета Павловна			27.04.38
Функ	1909	03.08.37	Расстрел
Петр Юзефович			29.12.37
Харламов	1884	13.08.37	Расстрел
Михаил Васильевич			27.09.37
Хорощанский	1903	19.02.38	Расстрел
Юлий Маркович			13.08.38
Худяков	1885	05.09.37	09.10.37 —
Иван Алексеевич			10 лет
Цитович	1883	18.01.38	29.05.39 —
Владимир Львович			8 лет
Цихоцкий	1912	02.02.38	Расстрел
Эдуард Мечиславович			28.02.38
Цихоцкий	1879	22.02.38	Расстрел
Мечислав Иосифович			09.08.38

1	2	3	4
Цуриков	1910	01.12.37	09.12.37 —
Василий Иванович			8 лет
Чекай	1889	22.02.38	Расстрел
Антон Иванович			16.08.38
Ченыкаев	1878	03.10.37	Расстрел
Николай Сергеевич			21.10.37
Черкасов	1902	29.08.37	29.05.39 —
Алексей Павлович			8 лет
Черкасов	1896	07.03.38	Расстрел
Иван Семенович			22.03.38
Черникевич		28.03.38	Данных нет
Иван Артемьевич			
Чернов	1903	26.03.38	27.07.38 —
Василий Сергеевич			8 лет
Черский	1900	4.04.38	Расстрел
Борис Болеславович			04.07.38
Четыркин	1891	19.02.38	09.06.38 —
Иван Дмитриевич			5 лет
Чигирев	1892	16.02.38	19.09.38 —
Михаил Константинович			8 лет
Чуев-Жигалов	1895	02.10.37	Расстрел
Андрей Петрович			19.11.37
Чулков	1887	19.11.37	25.11.37 —
Федор Филиппович			10 лет
Чуприк	1889	07.11.37	27.12.37 —
Вера Михайловна			10 лет
Шабуньо	1889	19.02.38	19.09.38 —
Иван Елпедифорович			8 лет
Шагов	1896	29.08.37	25.10.37 —
Иван Петрович			10 лет
Шематович	1876	27.01.38	Расстрел
Владимир Викентьевич			05.04.38
Шидловский	1911	22.02.38	24.06.38 —
Алексей Антонович			8 лет
Шидловский	1894	22.03.38	24.06.38 —
Этгард-Роберт Федорович			8 лет

1	2	3	4
Шилин	1895	06.11.37	19.11.37 —
Гавриил Егорович			10 лет
Шиманович	1906	03.03.38	02.07.38 —
Юзефа Яновна			8 лет
Шкрыкина	1904	21.03.38	27.07.38 —
Мария Николевна			5 лет
Шлигельмих	1908	01.04.38	16.02.39
Виктор Федорович			освобожден
Шнайдрок	1920	06.11.37	07.12.37 —
Владимир Васильевич			8 лет
Шнек	1872	03.03.38	14.10.38 —
Адольф Иванович			5 лет
Шпакова	1902	16.03.38	Расстрел
Александра Васильевна			09.08.38
Штанге	1890	18.01.38	Расстрел
Адольф Адольфович			07.04.38
Штейниц	1890	29.07.37	Расстрел
Вильгельм Готлибович			15.12.37
Штейнлих	1911	28.03.38	03.09.38 —
Рейнгольд Готлибович			8 лет
Штеклян	1906	22.03.38	24.06.38 —
Антон Петрович			8 лет
Штильмарк	1890	06.11.38	Расстрел
Алексей Николаевич			03.12.37
Штольдер	1883	08.08.37	Расстрел
Елисей Федорович			20.08.37
Штыбор	1885	22.11.37	Расстрел
Владислав Мартынович			27.08.38
Штыхевич	1900	26.01.38	Расстрел
Август Эдуардович			11.04.38
Шувалов	1901	26.02.38	Расстрел
Александр Васильевич			25.03.38
Шуйский	1899	3.03.38	23.04.39
Константин Иванович			освобожден
Шустов	1892	17.01.38	Расстрел
Николай Тимофеевич			05.02.38

1	2	3	4
Шушунов	1881	29.08.37	Расстрел
Петр Алексеевич			03.11.37
Шушунов	1898	26.03.38	09.07.39
Сергей Алексеевич			освобожден
Щербаков	1902	05.10.37	Расстрел
Петр Афанасьевич			21.10.37
Юращик	1900	29.08.38	Расстрел
Григорий Федорович			04.12.37
Юрченко	1890	04.03.38	Расстрел
Павел Леонтьевич			16.03.38
Этминус	1911	03.03.38	Расстрел
Бронислав Доминиканович			16.08.38
Этминус	1904	22.02.38	Расстрел
Иван Доминиканович			16.08.38
Этминус	1909	22.02.38	Расстрел
Иосиф Доминиканович			16.08.38
Яковлев	1878	23.08.37	Расстрел
Павел Иванович			15.12.37
Яновский	1894	28.10.37	Расстрел
Сергей Николаевич			10.12.37
Януц	1889	23.03.38	29.05.38 —
Иосиф Федорович			8 лет
Януц	1916	12.03.38	03.09.38 —
Павел Иосифович			8 лет
Ярмушевский	1896	28.08.37	Расстрел
Собин Иванович			07.12.37
Ястренский	1908	16.03.38	16.02.39
Виктор Иванович			освобожден

Указатель имен

- Абрамова-Мирова Я. — 185
Абросимов Ф.Ф. — 152
Авдеенко М.М. — 40, 89, 129, 130, 197
Аврамович Х.А. — 126
Алхимова М.О. — 66
Андреев А.А. — 122
Аникович М.М. — 72, 193
Арцименьевы М.А. и М.А. — 132
- Бабушкина Е.С. — 44, 46, 192, 193
Багликов Я.Д. — 15, 16, 19, 87, 89, 94, 95, 101, 102, 106, 161, 168
Бадаев И.П. — 78, 79
Балыков В.П. — 173
Балыков П.П. — 173
Балыкова Е.М. — 173
Баташев Н.Е. — 152
Белов А.Г. — 79
Белоконь С. — 20
Белоусов Г.Н. — 180
Бера И.Д. — 15, 16, 19, 20, 21, 25, 88, 98, 99, 117
Берия Л.П. — 9, 22, 51, 100, 103, 168, 201, 204
Блах Л.П. — 66
Блинова Е.С. — 210
Богданов Н.К. — 9
- Богданов Ю.Н. — 9, 29, 37, 59, 72
Богомолов Е.Ф. — 115
Болтрукович Б.И. — 202
Болтруковичи Б.И. и И.И. — 173
Борисков — 106
Бородина А.Ф. — 137
Бочков — 113
Бревдо Б.П. — 51, 173
Бревдо П.Я. — 173
Брейнвинская Е.В. — 43
Буденный С.М. — 157
Булкин — 104
Бурхард К.Г. — 178
Бухарин Н.И. — 57, 165
Бушинов М.Г. — 153
Бажинский А.П. — 198
- Вераксо Э.П. — 40
Веселов М.И. — 109
Виглей П.И. — 133
Визул А.-Р.П. — 42, 48
Вильгельм III Фридрих, прусский король — 3
Виноградов — 84
Вирт Ф. — 143
Власов — 103
Волков М.К. — 72, 139
Ворошилов К.Е. — 152, 153
Вышинский А.Я. — 95, 106, 178

- Гадроссек В.К. — 175,
 176, 177, 178, 179
 Гадроссек Гейнц — 176,
 178, 209
 Гадроссек Л.К. — 175,
 176, 177, 178, 208, 209
 Гадроссек, семья — 177,
 181
 Гайлеш А.А. — 42, 48, 201
 Галеев Карим — 154
 Гамарник Я.Б. — 153
 Гарковик А.А. — 73
 Гефлих Г.Г. — 181
 Гефлих К.А. — 181
 Гитлер А. — 153, 175
 Голенгрин М.С. — 203
 Гоголь — 166
 Головова Л.А. — 14, 144
 Гольке-Арден А.Г. — 185,
 186, 189, 190, 191
 Гончаров — 120, 121
 Горбатов — 74, 75
 Горбульский — 83, 84
 Гринько В.П. — 28
 Гриче Ф.-Ю.Г. — 180
 Грищенко Н.С. — 14
 Грустнов И.В. — 203
 Гуткин П.С. — 138
 Губочкин — 104
 Гюбнер Э.А. — 178
 Гюнтер М.П. — 178

 Давыдов В.Т. — 152
 Данич В.Ф. — 196, 197
 Дворецкий В.И. — 40, 73
 Дейч И.А. — 40
 Дель О.А. — 142
 Демидов А.П. — 48
 Дзержинский Ф.Э. — 82
 Деникин А.И. — 187
 Дерев Я.В. — 208

 Дикий Г.Н. — 39, 45, 61,
 64, 65, 105, 109, 196, 204,
 206
 Дитбендер В. — 181
 Димитров Г. — 208
 Димова П.А. — 141
 Дмитриев Ю. — 8
 Домнинский П.А. — 158
 Дормов П.Е. — 145
 Дробик Ю.С. — 112
 Дулин С.Г. — 200
 Дючков И.К. — 201

 Егоров В.Е. — 140
 Ежов Н.И. — 5, 9, 22, 28,
 57, 81, 92, 99, 103, 106,
 122, 128, 164, 168, 172,
 178, 201
 Екатерина II — 3
 Ермаков — 92
 Ершков И.Н. — 79
 Ефремов — 44, 45, 46,
 109, 178

 Жданов А.А. — 115
 Живов — 63, 199
 Жирнов С.В. — 159, 160, 204
 Журавлев В.П. — 104, 107

 Зайцев — 94
 Зайцев А.И. — 51, 207
 Зайцев С.М. — 51, 124
 Заковский Л.М. — 20, 61,
 99, 105, 114
 Заливалов Н.И. — 77
 Занегин И.М. — 139
 Зоммерфельд Т.Э. — 178
 Зоммерфельд Э.И. — 54
 Зоммерфельд А.Э. и
 Э.И. — 193

Зверев А.Г. — 67, 68, 108
Зиновьев Г.Е. — 152—153,
156
Зудин С.Г. — 64, 126

Ивановская Т.П. — 154
Илидиас Г.Х. — 195
Ильин — 61
Илюкович И.П. — 205
Иогихес Л. — 186
Иосифов — 88
Исаков Д.К. — 142

Каверзнев — 84
Каретников В.П. — 10,
23—25, 27, 30, 31, 33, 39,
41, 43, 48, 49, 51, 53, 55,
56, 61, 62, 63, 68, 69, 80—
83, 86—89, 92—107, 113,
114, 116, 133, 137, 139,
140, 142, 158, 163, 172,
173, 192, 193, 195, 198,
199, 203—205, 211
Каретников С.П. — 152
Карлова Л.К. — 14
Карпило Р.Ф. — 73
Каруцкий В.А. — 61, 114,
116
Ким Сан-Таги — 87, 141
Киров С.М. — 154
Климентьевский В.А. —
193
Клят Р.С. — 40, 192
Ковалевский А. — 179,
180
Козлов С.В. — 172
Кожевников — 51, 52
Кокурин А.И. — 5
Колбут В.В. — 190

Колесников М.М. — 51
Конон-Кононов И.Я. —
47
Кордон П.К. — 138
Костаки Е.Э. — 142, 204—
205
Кохов В.Т. — 78, 79, 83
Коханская Т.С. — 79, 80
Кохановская Т.С. — 202
Коцин К. — 148, 149
Крестинский Н.Н. — 186
Крылов — 82
Крысьев Т.И. — 143
Крысьевы — 142
Клюков В.М. — 113
Куборская М.А. — 93, 94
Куборский В.П. — 92, 93,
94, 95, 96
Кудрявцев А.И. — 67, 108
Кудрявцев В. — 6, 116
Кузнецов А.В. — 10, 22—
24, 27, 28, 30, 31, 36, 39,
41, 52, 53, 59, 60—63, 65,
72, 77—79, 81, 87, 89, 98,
100—103, 105, 106, 114,
128, 129, 141, 205, 211
Кузнецов Д. — 100
Куликов И.В. — 157, 158
Кульманов К.М. — 33
Куусинен А. — 184
Куусинен О. — 184

Лазарев — 176, 177
Лазарев Н.И. — 88, 100,
128, 129
Левин Д.Е. — 204
Ленин В.И. — 151
Леонов А.Г. — 103, 107,
108

Летучев В.Е. — 150
Лигерпуло Е. — 48
Литвак Я.Г. — 93, 95, 96,
97, 98
Литвин А.Л. — 144
Лобанов — 75
Лопатин Г.М. — 78, 79
Лоршейд К. — 182
Лоршейд Т. — 182
Луковников А.В. — 145
Лысенко Т.Д. — 75

Маевский И.А. — 139
Макарова М.С. — 134
Маклафлин Ф. — 14
Маннинг Р. — 6, 73, 84,
89
Марткович С.А. — 197,
198
Мейер Э. — 55, 180—181
Мельников Б.Н. (Мюл-
лер) — 191
Мельничанский Г.И. —
200
Меркулов В. — 205, 209
Метелкина — 193
Мехлис Л.З. — 154, 204,
206
Миклау Ж. — 46, 132
Милославские, бояре — 3
Михайлова А.И. — 14
Михайловы Е.Г. и М.Г. —
180
Мишин П.Г. — 83
Моники — 55
Морозов — 82, 128
Морозов П.Н. — 125, 172
Муралов Н. — 161
Муралов С.К. — 69, 70,
77, 78, 79, 82, 83, 86, 161,

162, 163, 164, 165, 167,
168, 189, 210
Муралова Е.С. — 163, 164
Муслиенко Н.С. — 14
Мюллер Р. — 14

Нарышкины — 3
Нейман Р.К. — 197
Никитин — 50, 96, 159,
160, 204
Николаев Н.П. — 74, 76,
127, 192
Никифоров М.Н. — 84
Новиков Д.В. — 197, 198
Новиков — 64
Нодия Д.Ч. — 14

Объедков М.И. — 83
Одинокое В.М. — 139
Озолин К. — 197, 198
Осауленко И.М. — 74, 75
Омельченко — 113
Осокина Е.А. — 85
Остроумов Д.И. — 136
Охотин Н.Г. — 58

Павленкович Н.А. — 51,
142
Папахристодуло Л.Э. —
48, 205
Петров Г.П. — 139
Петров Н.В. — 5, 9, 14,
20, 22, 26, 38, 57, 58, 111,
117
Петров Н.Д. — 39, 59, 60,
116
Петровский — 88, 100
Персина — 52
Петушков — 41, 43, 93,
199, 204

Петухов — 53
Печников Ф.П. — 135
Пик В. — 208
Пикалов М.Ф. — 63, 110
Плоткин — 197
Поздняков К.А. — 121
Полегенько П.И. — 138
Пода А.К. — 173
Пода Е.П. — 173
Пода Л.А. — 173
Пода У.П. — 125, 173
Попов А.А. — 30, 49
Постель А.О. — 155
Прелов — 116
Пресно В.И. — 171
Преснов В.П. — 169, 170
Преснов И.П. — 169, 170
Преснов И.С. — 170
Преснов Н.П. — 169, 170
Преснова В.П. — 169, 170
Преснова Е.Н. — 169, 211
Преснова Т.П. — 170, 171
Пресновы — 143, 169, 171
Прищепа — 113
Простов М.П. — 14
Пыльнов В.В. — 148
Пятаков Г.Л. — 72, 127

Радек К. — 127
Радзивилловский А.П. —
17, 19, 20, 21, 22, 24, 88,
91, 92, 97, 98, 117, 129
Реденс С.Ф. — 128
Реденс — 21
Редько И.Я. — 202
Ремизов А.П. — 174
Ремизов В.М. — 147, 148
Ремизов И.Е. — 174
Ремизов М.М. — 174

Ремизов Н.С. — 147, 148, 174
Ремизовы — 173, 174
Рогинский А.Б. — 14, 38,
57, 58, 212
Розенберг О.Г. — 29, 193
Романовы — 151
Ростиславов — 77, 82
Рошин — 88
Рукоданов С.И. — 31, 32,
33, 39, 47, 48, 50, 51, 52,
55, 66, 67, 68, 69, 70, 79,
82, 105, 108, 119, 125, 156,
159, 166, 167, 174, 206
Рывкин М.Ю. — 27, 143
Рыков А.И. — 165

Сальников Д.П. — 158,
159, 203
Свиридов И.А. — 70
Селин Б.И. — 157
Селина Е.В. — 146, 157
Селины А.И. и Б.И. — 125
Сenenков А.Ф. — 102,
103, 104, 107
Семенов М.И. — 64
Сим А.А. — 57
Сидиропуло Н. — 43, 48
Складновы Г.К. и В.Г. —
172
Скоркин К.В. — 9, 20, 22,
26, 111, 117
Скорук К.В. — 79
Смирнов Б.Д. — 63, 64,
116, 171, 195, 198
Смирницкий — 51, 66
Соколов — 136
Солдатенков — 3
Соловьев А.В. — 30, 31,
41, 42, 43, 63, 65, 109, 112,
141, 196, 198

Соловьев П.А. — 59
Соломатин — 24, 98
Сольц А.А. — 185
Сорокин И.Г. — 15, 16,
22, 23, 25, 38, 52, 59, 91,
92, 98, 114, 117
Сталин И.В. — 5, 21, 45,
56, 118, 121, 131, 137, 146,
151, 152, 154, 158, 164, 210
Стасуй Г.И. — 160
Стасуй Е.И. — 160
Студенова Е.П. — 125
Сукуров В.М. — 83

Тепляков А.Г. — 6, 20
Тительман — 99
Тихонов В.А. — 134
Тихонов И.В. — 37
Томский М.П. — 200
Троцкий Л.Д. — 152, 153,
156, 161, 165
Трусов А. — 6, 116
Туточкин Ю.Т. — 14
Тухачевский М.Н. — 153

Углецкий В.Н. — 206
Узунов О. — 36, 157

Фаворов И.П. — 17, 22
Фатеев П.Н. — 150
Фейергерд А.К. — 186,
187, 189, 190
Фейергерд Б.К. — 186,
187, 188, 189, 208
Фейергерд Вильгельм
К. — 187, 189
Фейергерд Вера Ф. — 191,
208
Фейергерд Л.К. — 186,
187, 188, 189, 208
Фейергерд П.К. — 187

Фейергерд Ф.К. — 186,
187, 189, 191
Фейергерды — 174, 186,
191
Фелицин — 140
Фелькер И.Ф. — 186
Ферапонтова Г.Г. — 47,
196, 206
Филатов Н.А. — 70, 162
Филихин П.К. — 114, 115,
117
Фицпатрик Ш. — 35, 124,
150
Фриновский — 129
Фролов Д.С. — 204

Харлакевич — 38
Хватов В.И. — 84, 90, 109,
116
Хеделер В. — 14
Хелен Г. — 181
Хлевнюк О.В. — 6, 199
Хрущев Н.С. — 7, 46, 75,
122
Хунк П.Ю. (Цирт) — 179,
182

Цихотский М.И. — 193
Цихотский Э.М. — 192
Цихотские М.И., Э.М. —
173
Цесарский В.Е. — 92, 95,
97, 100
Цыганов А.А. — 24, 30,
39, 57, 62, 105, 109, 201

Ченыкаев Н.С. — 139
Чернов В.С. — 72
Чернов М.А. — 37, 70, 165
Черский Б.Б. — 64
Чистов Д.М. — 194

Чугунов — 52, 64
Чулков Ф.Ф. — 203
Чуприк В.М. — 126, 173
Чуркина — 75

Шейдин П.А. — 98
Шематович В.В. — 54
Шидловский Э.Ф. — 42
Шнайдрок В.В. — 160, 203
Шпакова А.В. — 200
Штанге А.А. — 183, 184, 185
Штейнбрехер К. — 176
Штейниц В.Г. — 179, 180, 181, 182
Штейниц К. см. Ковалевский А.
Штеклер А.П. — 54
Штеклян А.П. — 54
Штиллер Р. — 176
Штольдер Е.Ф. — 136
Штыбор В.М. — 149
Шуле Э. — 169, 170
Шувалов А.В. — 172
Шушунов В.А. — 145

Шушунов С.А. — 207

Щаденко М.Г. — 39, 50, 51, 52, 125, 157
Этингер Р. — 187
Этминус Б.Д. — 172
Этминус Иван Д. — 172
Этминус Иосиф Д. — 172

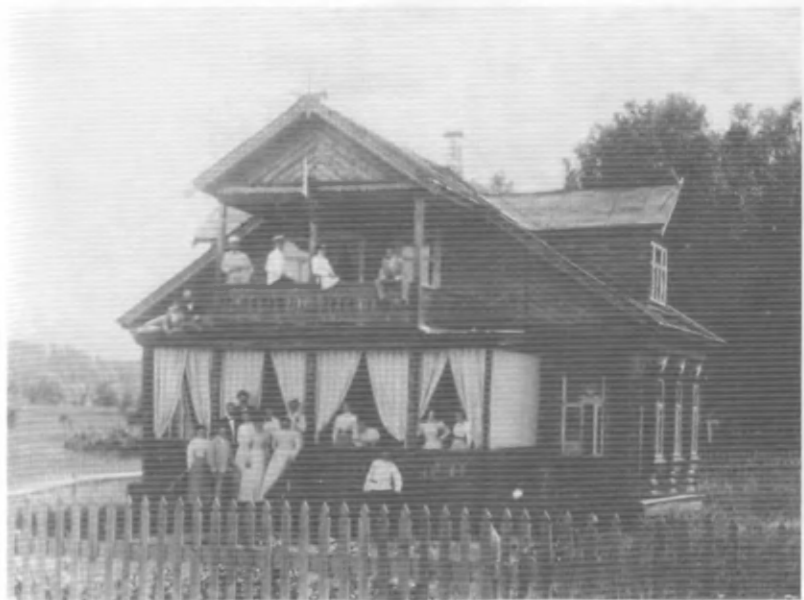
Юнг М. — 14

Ягода Г.Г. — 57, 187
Якубович Г.М. — 17, 22, 24, 25, 33, 39, 53, 61, 81, 88, 89, 91, 92, 94, 95, 98, 117

Conquest R. — 6
Getty J.Arch — 6, 154
Loughlin B. — 13
Muller R. — 182
Naumov O.W. — 6
Stark M. — 182
Weissberg-Cybulski A. — 56

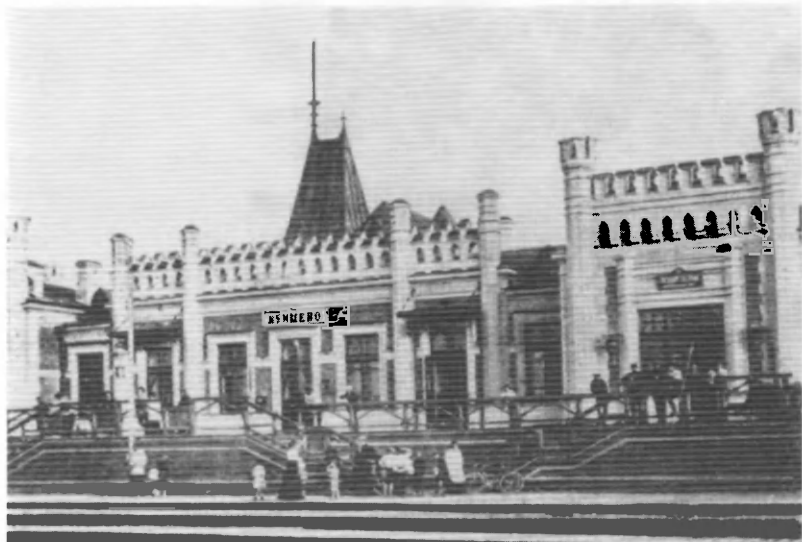
Кунцево и его живописные окрестности были излюбленным местом отдыха москвичей еще в дореволюционные годы.
Прогулка в окрестностях деревни Раменки, дача в Очаково

Революционные бури мало изменили суровый крестьянский быт.
Корова оставалась главной кормилицей семьи.
На похороны, как и на свадьбу, съезжалась многочисленная родня.
Фотографии из деревни Аминьево

Станция Кунцево Белорусской железной дороги являлась центром общественной жизни района

Дом № 73 в бывшей деревне, ныне микрорайоне Матвеевское — последний свидетель довоенной эпохи. Фото 90-х гг.

«Ближняя» дача Сталина находилась на территории Кунцевского района, неподалеку от деревни Волинское

И.В.Сталин и В.М.Молотов с женами на отдыхе

Руководители Управления НКВД по Московской области
А.П.Радзивилловский (1904—1940) и Л.М.Заковский (1894—1938) —
покровители кунцевских чекистов

Л.М.Заковский и начальник Главного управления государственной
безопасности НКВД СССР Я.С.Агранов (1893—1938)
на заседании февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.,
решения которого открыли дорогу «большому террору».

Рисунок участника пленума В.И.Межлаука

Багликов Яков Дмитриевич, род. в 1898 г., начальник Кунцевского райотдела НКВД с 1934 по 1936 г., впоследствии руководящий работник Управления НКВД по Московской области. Арестован 8 января 1939 г., следствие по его делу завершилось увольнением из органов госбезопасности. Тюремная фотография

Берг Исая Давыдович, род. в 1905 г., заместитель начальника Кунцевского райотдела НКВД с августа 1935 по сентябрь 1936 г., затем начальник административно-хозяйственного отдела Управления НКВД по Московской области.

Отвечал за бесперебойное функционирование полигона для массовых расстрелов в Бутово.

Арестован 3 августа 1938 г., приговорен к расстрелу 7 марта 1939 г.

Сорокин Иван Григорьевич, род. в 1902 г., начальник Кунцевского райотдела НКВД с сентября 1936 по май 1937 г., затем начальник третьего (контрразведывательного) отдела Управления НКВД по Московской области.

Арестован 16 сентября 1938 г., приговорен к расстрелу 13 августа 1939 г.

Кузнецов Александр Васильевич, род. в 1898 г., начальник Кунцевского райотдела НКВД в период «массовых операций». Арестован 26 сентября 1938 г., приговорен к расстрелу 26 февраля 1938 г.
Слева фотография из учетной карточки члена ВКП(б), справа тюремная фотография

Сененков Алексей Федотович, род. в 1903 г., на чекистской работе с 1932 г., в 1937—1938 гг. — начальник Первомайского райотдела НКВД г. Москвы. Сменил Кузнецова на посту начальника Кунцевского райотдела в августе 1938 г., ровно через год перешел на работу в областное управление НКВД. В 50-е годы первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС

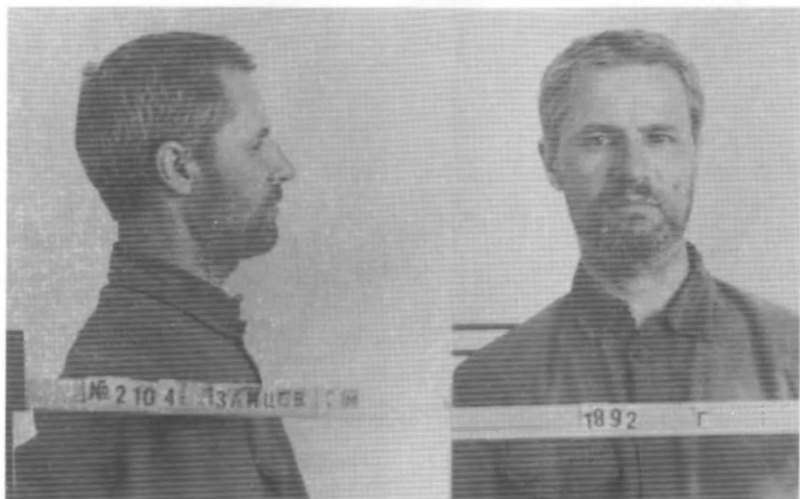
Леонов Александр Григорьевич, род. в 1902 г., в августе 1938 г. переведен в Кунцево из Коломенского райотдела НКВД, который в период «массовых операций» соревновался с Кунцевским райотделом по числу арестов и завершенных следственных дел. Оставался начальником Кунцевского райотдела НКВД до марта 1940 г., впоследствии на хозяйственной работе

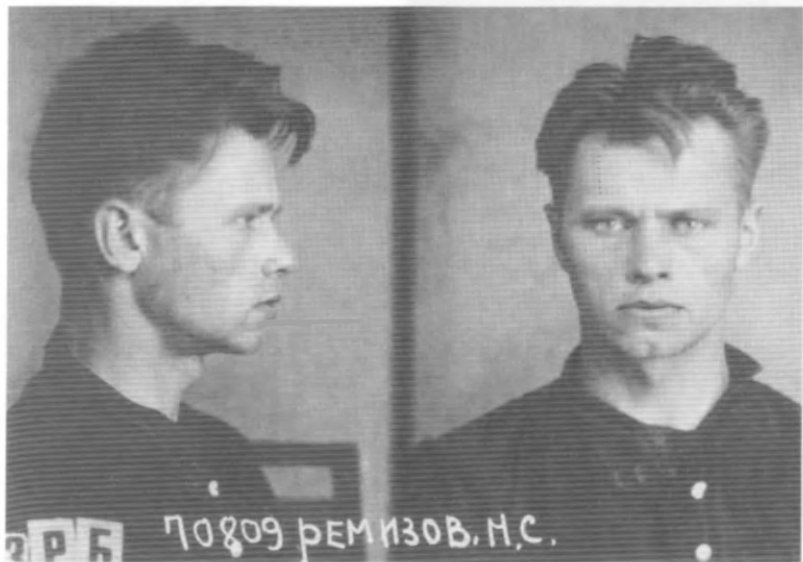
Одна из первых жертв «массовых операций» в Кунцево — Мария Георгиевна Михайлова — арестована за общение с иностранцами 29 апреля 1937 г., расстреляна 3 ноября 1937 г.

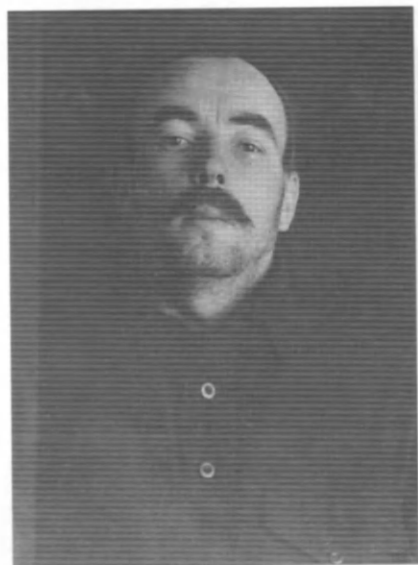
Сергей Константинович Муралов, председатель Кунцевского Райисполкома. По воле следователей НКВД ему пришлось встать во главе «диверсионно-террористической сети», якобы действовавшей в районе

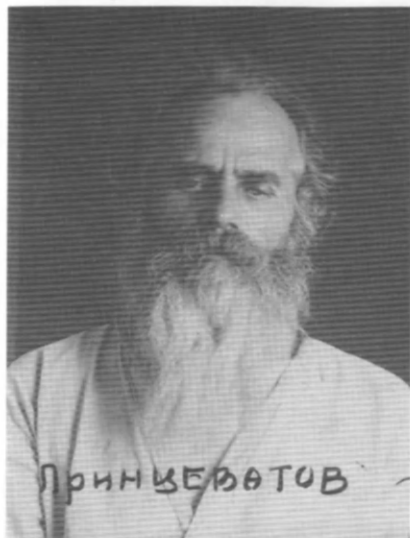

Степан Михайлович Зайцев — главный «долгожитель» из кунцевских подследственных. Арестованный в январе 1938 г., он более двух лет ожидал приговора. Освобожден из-под стражи только 15 марта 1940 г.

Коля Ремизов — самый молодой из шестерых Ремизовых, арестованных в деревне Аминьево. В архивно-следственном деле сохранилось его письмо с обличением произвола сталинских репрессий

Группа крестьян из деревни Матвеевское,
арестованных в июне 1937 г. и пригово-
ренных к расстрелу согласно приказу
НКВД № 00447: И.П.Самарин,
В.Т.Лаптев, И.И.Ростаев, И.И.Ларин,
А.В.Принцеватов, А.А.Тимофеев,
С.П.Сасулин

- [illegible]

L

- [illegible]

Фридрих и Александр Фейсгерд — фотографии из личных дел ИККИ.
Расстреляны 27 октября 1937 г. и 16 августа 1938 г.

Пауль и Вильгельм Фейсгерд — тюремные фотографии.
Расстреляны 19 марта и 28 мая 1938 г.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А.

МАЙЕР, она же ФЕЙЕРГЕРД Берта Карловна, рождения 1899 г., по профессии - конторщица, по национальности немка, беспартийная, работала в С.С.ИКИИ с 1-го марта 1936 года по 5-е июня 1937 года, в качестве сотрудницы 6-го ц/о и уволена со службы, в связи с тем, что политическая благонадежность ее нам не известна, и что она на работу в С.С. была принята МЮЛЛЕРОМ, *вз симм. Фейергерд была немка до войны.*

Из данных, имеющихся в личном деле видно, что до поступления на работу в С.С.ИКИИ, она с 1924 - 1935 год работала в Полпредстве СССР в Германии в качестве делопроизводителя и телефонистки.

77. ЗАМ. ЗАВ. СЛУЖБЫ СВЯЗИ
СЕКРЕТАРИАТА И.Н.К.И.:

/СОРИЗМ/

Г.УИ-37г.

ГА/З.

Берта Фейергерд до самого ареста выступала в роли хранительницы семейного очага, заботясь о младших братьях и сестре. Была уволена из Службы связи Исполкома Коминтерна за связь с «врагами народа». Фотографии 1935 и 1937 гг.

Адольф Штанге — работник аппарата Коминтерна, долгие годы снабжал своих коллег клубникой и парным молоком со своего участка, расположенного в Кунцевском районе. Арестован 18 января, расстрелян 7 июля 1938 г.

Луиза Гадроссек была арестована вслед за своим мужем, инженером Кунцевского игольного завода имени КИМ.

На следующей странице — районная многотиражка «Большевик» со статьей, где упоминается «германский шпион Гидросик». Экземпляр газеты предназначался детскому саду, где работала Луиза, а оттуда попал в архив Коминтерна

Цена
5 коп.

Завком,

Повлачение ограничилось кон-

Пример семейного подхода в практике массовых репрессий — шестеро расстрелянных Пресновых из деревни Крылатское

В марте 1938 г. на завершающем этапе «массовых операций» арестовывали даже тех, кто имел весьма отдаленное отношение к государственным тайнам.

Женщины — работницы оборонного завода № 46, приговоренные к расстрелу по обвинению в шпионаже, сфабрикованному в Кунцевском райотделе НКВД:

Л.А.Никандрова, А.В.Шпакова, Т.Н.Гладыревская, Е.А.Софави

11.

„УТВЕРЖДАЮ“

1937 г.

Постановление

об избрании меры пресечения и предъявления обвинения

Город Москва 1937 г. августа ____ дня
я. Пом. Нач. 6 отд. 3 ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО отдела
(должность и фамилия)
СЕРЖАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ БАКЛАНОВ НКВД,

рассмотрев следственный материал по делу № 16506 и приняв во внимание, что гр. БОРОШ Фридрих Карлович, 1914 г.р., урож. в. Гамбурга в Германии, немец, германский подданный, работает на Коломенском заводе модельщиком, проживает в г. Коломне

достаточно изобличается в том, что являлся участником фашистско-шпионской группы на Коломенском заводе и занимался шпионской деятельностью.

ПОСТАНОВИЛ:

гр. БОРОШ Ф.К. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58 п.6 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

П/НАЧ. 6 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА УГБ (БАКЛАНОВ)
СЕРЖАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ
„СОГЛАСЕН“ Нач. 6 Отд-ния 3 ОТДЕЛА УГБ
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ (ЧЕБАНОВ)
НАЧ. 3 ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО
Капитан ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НАСЕДИН)
Настоящее постановление мне объявлено. 1937 г.

Подпись обвиняемого Ф. К. Борош

Делопроизводство эпохи «массовых операций» в ходе следствия велось в крайне упрощенном порядке, но с соблюдением необходимых формальностей. Постановление о мере пресечения предвзяло арест Фридриха Бороша

3

3

Семья: фамилия, имя, отчество, дата, место, образование, место работы, место жительства				
Имя, фамилия	Пол, дата и место рождения	Образование	Место работы, должности или профессии	Место жительства
Мать: Наталья Николаевна	02.08.1924 г. г. Ленинград	Среднее специальное	Учительница	г. Ленинград, Ленинский район
Сестра: Наталья Николаевна	02.08.1924 г. г. Ленинград	Среднее специальное	Учительница	г. Ленинград, Ленинский район
Мать: Наталья Николаевна	02.08.1924 г. г. Ленинград	Среднее специальное	Учительница	г. Ленинград, Ленинский район

[illegible]

ВЫПСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „ 23 “ X 1937 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

59. дело № 9443 по обвин.
 БАРУЛИНА Петра Сергеевича,
 1886 г. р. ур. МО, Кунцев. р-на,
 д. Мневники, из семьи крупного
 помрадчика, извозопромышлен-
 ника. Быв. кулак. Лишен
 лесом. Судим за к/р.
 Обвиняется в к/р деятельности

БАРУЛИНА Пет
 евича -
 РАССРЕ

Секретарь

ВЫПСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „ 25 “ X 1937 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

62. дело № 9443 по обвин.
 ГЛУШУНОВА Петра Алексеевича,
 ур. МО, Кунцевск. р-на, д.
 Мневники, 1881 г. рожд. быв.
 крупный кулак. Лишен
 служб в полиции и
 почтовый пристав
 ратель. Судим по
 Обвиняется в к/р
 деятельности и

ГЛУШУНОВА Петра Алек-
 сеевича, -
 РАССРЕ

Секретарь

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „25“ X 1937г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

62. дело № 9443 по обв.
ПУЗАНКОВА Андрея Ивановича,
1909 г.р. ур. МО, Кунцевск.
р-на, дер. Мневники, из семьи
крупного кулака. За участие
деят. в исп. ОГПУ на
стбыл. Обвиняется в контрре-
волюционности.

ПУЗАНКОВА Андрея Ива-
новича
РАСТРЕЛИТЬ.

Секретарь тройки

Более половины жителей Кунцевского района, репрессированных в период «массовых операций», были приговорены к расстрелу или заключению в лагерь судебной тройкой при областном Управлении НКВД. Выписки из протокола тройки по делу о «контрреволюционно-террористической группе» из деревни Мневники

О И Р В А Учен Карюто

1932 г. рождала, уроженка из д. Липинской
г. Оберин. Вроде того рожда, д. рожда Р-
домна, востан, г-ки ОИР.

С 1931 г. по 1934 г. осталась в
д. Липинской, востан, г-ки ОИР.

В 1935 г. рождала в д. Липинской
г. Оберин. Вроде того рожда, д. рожда Р-
домна, востан, г-ки ОИР.

См. в д. Липинской № 13 134

Кунцовская Р/В УИИД МО

Актинский Р/В УИИД МО

С 1931 г. по 1934 г. осталась в
д. Липинской, востан, г-ки ОИР.

В 1935 г. рождала в д. Липинской
г. Оберин. Вроде того рожда, д. рожда Р-
домна, востан, г-ки ОИР.

Проведена акция в д. Липинской
г. Оберин. Вроде того рожда, д. рожда Р-
домна, востан, г-ки ОИР.

С 1931 г. по 1934 г. осталась в
д. Липинской, востан, г-ки ОИР.

УИИД МО

Материал к 3 седанию тройки при Управлении НКВД Московской области 22 февраля 1938 г.
с данными на жительниц Кунцовского района ЛКСМиров. Та же листы сшивали в «албомы»
и за один день в шло или в приговорах в отношении нескольких человек Очирова планировала
десять лет и. правительственно трудовых лагерей

После ареста руководителей Кунцевского райотдела НКВД их подчиненным пришлось писать рапорта о произволе, царившем там в период «массовых операций»

1. КУЗИНА Василия Тимофеевича, 1901 г.р., ур.д.
Ч. Китаева, Тульского р-на, Московского обл.

2. КУЗНЕЦОВА Викт
А. Н. Битаска,

3. ТИМОШИНА АКИМА
Е. Битавенна, Тул

4. МАРТИНОВА Андр
Я. Китаевка-Р.

5. ГУСЕВА Прохора
З. КИТАЕНКА. Тул

С. ГУСЕВА Миталдэ
Н. Нитавка. Тэма

7. ГУСЕВА Григорий
Н. Витальевна. Тул

8. Гусева Ельда Г.
Труженица тыла.

9. АФАНСКОГО Мана
с. МАСОВИЦА, 176

10. ПЛУЖНИКОВА Куз
ПЛУЖНИКОВА Т

101. ЧУЛКОВА Алексея Григорьевича, 1904 г.р., ур.
д. Бабичево, Дзержинского р-на, Уссурий. обл.

102. НАУМОВА Эгоря Семеновича, 1891 г.р., ур.д.
Верхние Горки, Детчинского р-на, Московской
области.

103. УХАНКОВА Николай Кузьмич, 1875 г.р., ур.д.
Дупля, Дупельского а/совета, Дутынского
р-на. Псковской области.

104. ГЕРЗИКОРН Владимир Иванович, 1914 г.р., ур.
д. Ямшия, Алексинского р-на, Московскай обл.

105. ГЕРЗИКОРН Густава Ивановича, 1903г.р., ур.г.
Холм, Люблинской губ. / Польша /

106. КОЛОВАХИНА Мария Ивановна, 1890 г.р., в.с.
Грязновое, Дугинского р-на, Истринской обл.

107. ШАРЫГИНА Петра Константиновича, 1898г.р.,
ур.д. Муромца, Детчинского р-на, Московской
обл.esti.

108. СЕДОРОВА Александра Семеновича, 1881 г.р.,
ур. дер. Широкослово, Алексинского р-на, Москов-
ской области.

108. СМЕРДОВА Алексей Михайлович, 1888г.р., ур.
д. Чуркино, Салгаличского р-на, Ярославской
обл.

110. ВЛАСОВА Егоря Федоровича, 1902 г.р., ур.д.
Монка, Дугинского р-на, Московской обл.

III. ОСОЮТНА Иванъ Николаевичъ, 1872г.р., ур.г.
Алексин, Алексинскаго р-на, Московскоя обл.

ВСЕГО: III / СТО СЛЕННАДНАТЬ / ЧЕЛОВЕК.

Настоящий акт составлен в одном экземпляре.

ПРИЛОЖЕНИЕ: III фото-карточек, III выписок из постанов-
ления Судебной Тройки при УНКВД МО от
I сентября 1937г.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ НК:
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

НАЧАЛЬНИК УРКМ ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОЛЕСОВ АЛЕКСАНДР

Расстрелы жертв «массовых операций» производились на специальном полигоне неподалеку от подмосковного имения Бутово. Акт о приведении приговора в исполнение от 2 сентября 1937 г

РАС СЕКРЕЧЕНО

Федеральной службы безопасности
Российской Федерации

ВСЕМ НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД (областей) И НАЧАЛЬНИКАМ
ОБЛАСТЕЙ РК МИЛИЦИИ.

ПРОКУРОРАМ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК, КРАЕВ (об-
ластей), ЛАГЕРЕК, ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА, ВОЕННЫХ
ОКРУГОВ.

1. ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ ПОСТУПЛЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ И ЖАЛОБ
НА РЕШЕНИЯ ТРОЕК ДЕЙСТВОВАВШИХ ПРИ СОЮЗНЫХ АВТОНОМНЫХ
НКВД И ОБЛАСТНЫХ (краевых) УПРАВЛЕНИЯХ НКВД И УПРАВ-
ЛЕНИЯХ РК МИЛИЦИИ, НАЧАЛЬНИКИ СООТВЕТСТВУЮЩИХ УПРАВЛЕ-
НИЙ НКВД ИЛИ РК МИЛИЦИИ ОБЯЗАНЫ РАССМОТРЕТЬ ЭТИ ЖАЛО
И ЗАЯВЛЕНИЯ И РЕШИТЬ ВОПРОС О ТОМ, ПОДЛЕЖИТ ЛИ ПЕРЕСМОТ
РУ РЕШЕНИЯ ПО ЭТИМ ЗАЯВЛЕНИЯМ И ЖАЛОБАМ.

2. В СЛУЧАЕ ПРИЗНАНИЯ НЕПРАВИЛЬНОСТИ ВЫНЕСЕННОГО
РЕШЕНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ ЕГО ОТМЕНИ НАЧАЛЬНИКИ СООТВЕТ-
СТВУЮЩИХ СОЮЗНЫХ, АВТОНОМНЫХ НКВД И ОБЛАСТНЫХ (краевых)
УПРАВЛЕНИЙ НКВД ИЛИ УПРАВЛЕНИЙ РК МИЛИЦИИ ВЫНОСЯТ ПОС-
ТАНОВЛЕНИЯ ОБ ОТМЕНЕ РЕШЕНИЯ И О ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЛА.

3. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ОТМЕНЕ РАНЕЕ ПРИНЯТОГО
РЕШЕНИЯ СООБЩАЕТСЯ В 1 СПЕЦИАЛЬНЫЙ НКВД СССР И ЗАЯВИТЕЛЮ

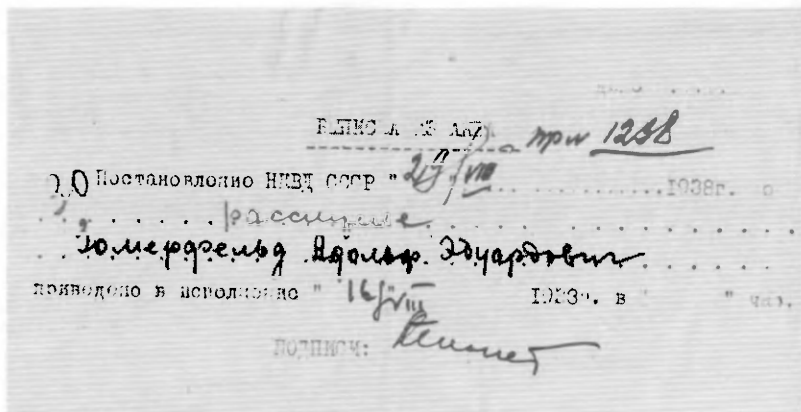
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР (Л. БЕРИЯ)

ПРОКУРОР СССР

26/XII = 1937.
№ 2709

КОПИЯ С КОПИИ ВЕРНА:

После отставки Н.И.Ежова с поста наркома внутренних дел начался частичный
пересмотр приговоров троек 1937—1938 гг. Основанием для этого являлась
директива № 2709, подписанная Л.П.Берией и А.Я.Вышинским

Узкая полоска бумаги — выписка из акта о приведении приговора в исполнение — была последним документом в следственных делах расстрелянных жертв «массовых операций» 1937—1938 гг. В нем не указывалось ни место, ни точное время расстрела

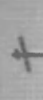
То, что расстрелы производились именно на Бутовском полигоне, окончательно подтвердили археологические изыскания 1997 г.

В ЭТОЙ ЗОНЕ БУТОВСКО-
ГО ПОЛИГОНА В 1937—1953
НКВД - МГБ. БЫЛИ ТАЙНО
РАССТРЕЛЯНЫ И ЗАХОРОНЕ-
НЫ МНОГИЕ ТЫСЯЧИ ЖЕРТВ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ

Памятный камень на месте, где в 1937—1938 гг.
были расстреляны 20 765 человек

Храм святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово

Содержание

Почему Кунцево? Вместо введения	3
Часть 1. Исполнители.....	15
Часть 2. Жертвы	120
Лица, репрессированные Кунцевским райотделом НКВД в период «массовых операций» 1937—1938 гг.....	216
Указатель имен.....	248